

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО
2025 – 4**

Издается с 1974 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.4

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Государство и право»:

Умнова-Конюхова И.А. – гл. ред., д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН);
Алферова Е.В. – зам. гл. ред., канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Алешкова И.А.* –
канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Андриченко Л.В.* – д-р юрид. наук, про-
фессор (ИЗиСП при Правительстве РФ); *Бурдина Е.В.* – д-р юрид. наук, доцент
(Рос. гос. ун-т правосудия (РГУП)); *Вакула М.А.* – канд. юрид. наук, профессор
(Юрид. ин-т РУДН); *Васильева Т.А.* – д-р юрид. наук (ИГП РАН); *Глотов С.А.* –
д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН); *Грудцына Л.Ю.* – д-р юрид. наук,
профессор (Ин-т управления образованием Российской акад. образования); *Его-
рова М.А.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. ун-т им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)); *Ефременко Д.В.* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); Исаков В.Б. – д-р
юрид. наук, профессор (НИУ ВШЭ); *Карцхия А.А.* – д-р юрид. наук, профессор
(Рос. гос. ун-т нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина); *Коданева С.И.* – канд.
юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Кравец И.А.* – д-р юрид. наук, профессор
(Ин-т философии и права, юрид. ф-т Новосиб. гос. ун-та); *Красиков Д.В.* – канд.
юрид. наук, доцент (Сарат. гос. юрид. акад.); *Крысанова Н.В.* – канд. юрид. наук
(ИНИОН РАН); *Лапаева В.В.* – д-р юрид. наук (ИГП РАН); *Лужина А.Н.* – канд.
юрид. наук, доцент (РГУП); *Манова Н.С.* – д-р юрид. наук, профессор (Сарат.
гос. юрид. акад.); *Пудовочкин Ю.Е.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос.
юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА)); *Сафина С.Б.* – д-р юрид. наук, доцент
(Башкирская акад. гос. службы); *Синцов Г.В.* – д-р юрид. наук, профессор (Пен-
зенский гос. ун-т); *Толстых В.Л.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. юрид.
ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА)); *Ястребова А.Ю.* – д-р юрид. наук, доцент
(Дипломат. акад. МИД России).

Включен в ЕГПНИ и Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.00

ISSN 2219-861X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80872 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО

<i>Умнова-Конюхова И.А.</i> Духовное право: природа, миссия и конституционные основы (Статья)	7
<i>Осавелюк А.М.</i> Божественная энергия – внутренний дух и источник действия права? (Обзор)	25
<i>Скурко Е.В.</i> Взаимосвязь права и нравственности: взгляды российских дореволюционных ученых-правоведов (Обзор)	41
<i>Грунтовский И.И.</i> Духовно-нравственные ценности – стратегический ориентир государственной политики Российской Федерации (Обзор законодательства)	51
<i>Еремина Е.А.</i> Особенности правовой политики государственной поддержки сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры (Статья)	62
<i>Сафина С.Б.</i> Правовое просвещение и правовое воспитание как инструменты формирования правовой культуры (Статья)	77
<i>Коданева С.И.</i> Перспективы правового регулирования цифрового наследия в России (Статья)	90

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Публично-правовые исследования

<i>Телятицкая Т.В.</i> Административная ответственность в цифровую эпоху: современные вызовы и подходы (Статья)	105
<i>Гроголь А.Г.</i> ESG-стратегия как международный стандартизированный инструмент регулирования экологически и социально ориентированной корпоративной деятельности (Обзор)	120

Частноправовые (цивилистические) исследования

<i>Крысанова Н.В.</i> Договор энергоснабжения в гражданском обороте (Обзор)	135
---	-----

Международно-правовые исследования

<i>Алферова Е.В. Алферова О.Л.</i> Пути изменения международного права: стратегии, формы и движущие силы его перемен (Обзор)	146
<i>Захаров Т.В.</i> К вопросу о трансформации системы обеспечения международной безопасности (Обзор)	163

НОВЫЕ КНИГИ НА ПОЛКАХ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИНИОН РАН

<i>Гроголь А.Г.</i> Рецензия на книгу: Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации / Н.С. Бондарь, В.И. Крусс, Г.Н. Чеботарев [и др.]; под ред. Г.Н. Чеботарева	175
<i>Скурко Е.В.</i> Рецензия на книгу: Баранов В.М. Свод кодифицированных актов Российской Федерации: теоретическая и практическая необходимость подготовки в условиях цифровизации общества	183
<i>Глотов С.А.</i> Рецензия на книгу: Актуальные проблемы современного права России и Китая в условиях глобальных экономических и социальных изменений / под общ. ред. М.А. Егоровой	190
<i>Крысанова Н.В.</i> Рецензия на книгу: Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Объекты гражданских прав: основы авторской концепции	199

CONTENTS

ISSUE THEME TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES AND MODERN LAW

<i>Umnova-Koniukhova I.A.</i> Spiritual Law: Nature, Mission, and Constitutional Foundations (Article)	7
<i>Osavelyuk A.M.</i> Is Divine Energy the Inner Spirit and the Source of Action? (Review)	25
<i>Skurko E.V.</i> The Relationship Between Law and Morality: the Views of Russian Pre-Revolutionary Legal Scholars. (Review)	41
<i>Gruntovsky I.I.</i> Spiritual and Moral Values as a Strategic Guideline of the State Policy of the Russian Federation (Review of legislation)	51
<i>Eremina E.A.</i> Features of the Legal Policy of State Support for the Preservation of Traditional Spiritual and Moral Values in the Field of Culture (Article)	62
<i>Safina S.B.</i> Legal Education and Legal Upbringing as Instruments for the Formation of Legal Culture (Article)	77
<i>Kodaneva S.I.</i> Prospects for Legal Regulation of Digital Heritage in Russia (Article)	90

NEW SCIENTIFIC AND LEGAL RESEARCHES

Public law research

<i>Telyatitskaya T.V.</i> Administrative Responsibility in the Digital Age: Challenges and Approaches (Article).....	105
<i>Grogol A.G.</i> ESG Strategy as an International Standardized Instrument for Regulating Environmentally and Socially Oriented Corporate (Review)	120

Private law (civil law) studies

<i>Krysanova N.V.</i> The Contract of Energy Supply in Civil Circulation (Review).....	135
--	-----

International legal studies

<i>Alferova E.V., Alferov O.L.</i> Ways of Changing International Law: Strategies, Forms and Driving Forces of its Chang (Review)	146
<i>Zakharov T.V.</i> On the Transformation of the International Security System (Review)	163

NEW BOOKS ON THE SHELVES OF THE FUNDAMENTAL LIBRARY OF THE INION RAS

<i>Grogol A.G.</i> Book review: The Humanitarian Potential of the Constitution of the Russian Federation / N.S. Bondar, V.I. Kruss, G.N. Chebotarev [et al.]; ed. by G.N. Chebotarev	175
<i>Skurko E.V.</i> Book review: Baranov V.M. Legislation Code of the Russian Federation: Theoretical and Practical Need for its Elaboration in the Context of Digitalization of Society	183
<i>Glotov S.A.</i> Book review: Actual Problems of Russia and China Modern Law in the Context of Qlobal Economic and Social Changes / ed. by M.A. Egorova	190
<i>Krysanova N.V.</i> Book review: Kozlova N.V., Filippova S.Yu. Objects of Civil Rights: Fundamentals of the Author's Concept	199

ТЕМА НОМЕРА ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО

УДК 340; 342

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.01

УМНОВА-КОНЮХОВА И.А.¹ ДУХОВНОЕ ПРАВО: ПРИРОДА, МИССИЯ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ (Статья)

Аннотация. Статья посвящена научному обоснованию и оценке природы, миссии и конституционных основ духовного права. Рассматривается природа духовного права как надотрасли, мегаотрасли и метаотрасли в системе современного права. Проводится философско-правовое обоснование миссии духовного права. Подробно анализируется современное конституционное регулирование духовно-нравственных основ. Автор приходит к выводу, что для формирования духовного права и его реального воздействия на общественные отношения и правосознание людей предстоит кодификация с помощью базовых законов принципов и норм, определяющих духовно-нравственные основы государства, общества и человеческой жизнедеятельности.

Ключевые слова: духовное право; природа; миссия; духовность; духовно-нравственные ценности; принципы права; религиозные нормы; конституции.

UMNOVA-KONIUKHOVA I.A. Spiritual Law: Nature, Mission, and Constitutional Foundations (Article)

Abstract. The article is devoted to the scientific substantiation and assessment of the nature, mission, and constitutional foundations of spiritual law. The nature of spiritual law as a super-branch, mega-branch, and meta-branch in the system of modern law is considered.

¹ Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, главный научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор.

The philosophical and legal justification of the mission of spiritual law is provided. The current constitutional regulation of spiritual and moral foundations is analyzed in detail. The author concludes that in order to form spiritual law and ensure its real impact on social relations and people's legal consciousness, it is necessary to codify the principles and norms that define the spiritual and moral foundations of the state, society, and human life through basic laws.

Keywords: spiritual law; nature; mission; spirituality; spiritual and moral values; principles of law; religious norms; constitutions.

Для цитирования: Умнова-Конюхова И.А. Духовное право: природа, миссия и конституционные основы (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 7–24. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.01

Введение

Деление мира на материальный и нематериальный приобрело новое смысловое значение в XXI столетии для анализа системы права и тенденций его развития. Если в конце прошлого века в отечественной литературе доминировала нематериальная ценностная оценка права, преимущественно с точки зрения таких категорий, как мораль, нравственность, этика, то в последние два десятилетия все большее внимание привлекает нарратив «духовность в праве». Воедино соединяются духовность и нравственность, духовность и культура, духовность и гуманизм. В программно-стратегических документах и научной литературе ставятся задачи правового обеспечения духовно-нравственного развития, правовой защиты духовно-нравственных ценностей¹, выстраивания в праве духовно-нравственных ориентиров и духовно-нравственных основ². В каталоге прав человека категория «социально-культурные

¹ Осавелюк А.М. Эволюция конституционных основ духовно-нравственных ценностей Российского государства // Современное право будущего: приоритеты правового регулирования, тенденции и перспективы развития в XXI веке: сб. науч. ст. по материалам Международного форума «Право будущего». – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – С. 29–37; Апостолова Н.Н. Духовно-нравственные ценности – основа российского государства и права // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 1. – С. 7–13.

² Ермолаева Ю.В. Духовно-нравственные ориентиры Российского общества: конституционно-правовые вопросы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 1 (156). – С. 60–67; Дорошков В.В. Сове-

и культурные права» постепенно заменяется понятием «духовно-культурные права»¹.

Многолетняя история человеческой цивилизации свидетельствует о том, что духовная основа государства и права – непереносимое условие развития людей и общества. Государство и право не могут быть нейтральными к высшим трансцендентным гуманитарным ценностям, основанным на единстве духовных и нравственных начал. Если духовную основу не заложить в ключевых международно-правовых и конституционных актах, международное и национальное право будет подвержено постепенной деградации и вырождению. Осознание этой закономерности в современном мире меняет теоретико-доктринальные подходы к парадигмам цивилизационного развития. Так, наряду с экономической, экологической и социальной составляющей концепции и целей устойчивого развития², все большее число экспертов заявляют о важности духовно-культурных и нравственных подсистем. Начиная с 2011 г. Доклады ООН о человеческом развитии (ДЧР) подчеркивают важность обеспечения моральной и правовой справедливости³, что является неотъемлемой частью оценки духовности государства, права и общества. На фоне роста осознания роли духовности для настоящего и будущего человечества актуальность приобретает научное обоснование природы, миссии и конституционных основ духовного права.

Природа духовного права в контексте системного анализа современного права

Духовное право как правовой комплекс – это экзистенциальное явление, обоснование роли которого в праве диктуется глобальным запросом человеческой цивилизации на свое будущее. На мой взгляд, три характеристики отражают особенности приро-

менный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества // Журнал российского права. – 2021. – № 12. – С. 14–25.

¹ Конституционное право Российской Федерации: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под общ. ред. И.А. Умновой. – Москва: Юрайт, 2015. – С. 159–165.

² Концепция устойчивого развития была утверждена на Всемирном саммите ООН по устойчивому развитию в 2002 г.; в 2015 г. в рамках Программы ООН были сформулированы Цели устойчивого развития (ЦУР).

³ Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей. Лучшее будущее для всех. – URL: <http://www.un.org/ru> (дата обращения 25.06.2025).

ды данного правового образования: надотрасль, мегаотрасль и метаотрасль.

Духовное право как надотрасль выполняет миссию духовного «кормления» всей системы права. Она не просто проникает в отраслевые правовые принципы и нормы аналогично конституционному (конституционализация) и экологическому (экологизация) праву, а более фундаментально решает задачу «одухотворения» права как регулятора общественных отношений.

Рассмотрение духовного права как мегаотрасли подразумевает другой акцент – охват регулирования данным правовым комплексом всех видов общественных отношений и формирование своеобразного духовно-правового купола над системой права. Мегаотрасль как название было предложено учеными для формирующихся новых отраслей права – экономического права и социального права. Обе названные мегаотрасли отрасли, как и духовное право, относятся к публичному праву и предопределяют существенные характеристики развития государства и права.

Наряду с качествами надотрасли и мегаотрасли для духовного права предлагается важным признать еще одну природную особенность: по своей системно-функциональной характеристике духовное право является метаотраслью. Введение такой характеристики позволяет показать целостность духовного права как регулятора мировоззренческого уровня, формирующего для человека, общества, государства и человечества в целом мир нематериальных ценностей. Цель духовного права как метаотрасли права – создание мира нематериальных ценностей, бинарно сосуществующего с материальным миром. Два взаимодействующих мира – материальный и духовный – определяют механику цивилизационных отношений, где в глобальном экзистенциональном измерении право делится не столько на публичное и частное (концепция римского права), сколько на духовное и материальное.

Существуют разные определения духовности, и сегодня, когда духовный мир все более глубоко проникает в предмет правового регулирования, встает задача внесения доктринальной ясности в это понятие.

Духовная сущность права всегда была предметом размышлений ведущих философов мира. Блаженный Августин, Фома Аквинский, Гегель, Кант, русские мыслители В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и другие оставили духовный след и выявили христианские корни права в культуре Запада и православной Евразии. Восточные и азиатские философы глубоко обосно-

вывали сущность и миссию религиозного государства и права (ислам, иудаизм, буддизм).

В философском понимании духовность во взаимосвязи с моралью и правом раскрыта Г. Гегелем и И. Кантом. Разрабатывая свою теорию философии права, Гегель считал, что «истина о праве, нравственности, государстве столь же стара, сколь открыто дана в публичных законах, публичной морали, религии и общеизвестна»¹. И. Кант писал, что «конечное назначение человеческого рода состоит в наивысшем моральном совершенстве»².

В психологии под «духовностью» принято понимать высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности³.

Духовность в сложившихся религиозных доктринах вне зависимости от вида религии понимается как следование предначертанному для верующего пути к Богу путем распознавания Божественного замысла человеческого существования. Так, Н.А. Бердяев писал, что сущность гуманизма есть утверждение человека как высшего духовного существа⁴. Задача права, полагал В.С. Соловьев, состоит не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божье, а в том, чтобы он до времени не превратился в ад⁵.

Применительно к задачам данной статьи *духовность* – мировоззрение, раскрывающее смысл и качество существования людей, их восприятие нематериального мира высших трансцендентных ценностей, нацеленное на распознавание гуманистической миссии каждого человека и человеческой цивилизации по замыслу Создателя (Бога, Творца).

Особенность принципов и норм духовного права состоит в сочетании правовых, нравственных и религиозных установок и правил поведения. Данная особенность внимательно исследуется российскими и зарубежными правоведами. При этом в отечест-

¹ Гегель Г.В. Ф. Философия права. – Москва, 1990. – С. 46.

² Кант И. Лекции по этике. – Москва, 2000. – С. 321.

³ Ерохина Ю.В., Рябченко А.Г. Религиозные и правовые нормы в процессе правообразования: к вопросу взаимодействия // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – Vol. 9–2, № 84. – С. 100.

⁴ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия свободы. – Москва, 1989. – С. 320.

⁵ Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия // Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. – Санкт-Петербург, 1897. – С. 1–4.

венной науке не только устойчиво сохраняется интерес к обоснованию связи религиозных и правовых норм; в последние годы этот интерес приобретает более глубокий характер, предпринимаются попытки системно исследовать многоуровневое взаимопроникновение данных регуляторов общественных отношений. Рассматривается пространственная форма взаимодействия (территориальный аспект), социальные формы адаптации и самоидентификации в различных социальных группах и общностях, причинно-функциональные связи и смысловая форма взаимодействия¹.

Учет взаимодействия правовых, нравственных и религиозных принципов и норм позволяет достигнуть ясности в понимании круга защищаемых в праве духовно-нравственных ценностей. Еще в начале XXI столетия ведущий отечественный теоретик права С.С. Алексеев отметил, что «право по своей органике представляет собой явление глубоко морального порядка, и его функционирование оказывается невозможным без прямого включения в ткань права моральных критериев и оценок»². Сегодня некоторые российские исследователи подчеркивают особую роль Российского государства и общества в утверждении духовно-нравственных начал в праве³. Отмечается, что важнейшей проблемой русской юриспруденции стал вопрос о взаимосвязи права и нравственности, закона и добра⁴. Духовность, включающая мировоззренческие теологические взгляды и религиозные установки, объективно сочетается с нравственностью, создавая единое неразрывное единство двух сущностей идеологии гуманизма.

Таким образом, по своей природе духовное право – это, во-первых, подсистема права в дихотомической системе «нематериальное и материальное в праве», бинарно сосуществующее с так называемым материальным правом; во-вторых, функционирующая в виде глобального правового образования, сочетающего качества

¹ Ерохина Ю.В., Рябченко А.Г. Указ соч. – С. 100.

² Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – Москва, 2001. – С. 209.

³ Хужина О.Н. Традиционные духовно нравственные ценности в праве: методологический абрис общеправового исследования // Философия права. – 2024. – № 3 (110). – С. 56.

⁴ Васильева Е.Н. Трансцендентные ценности как основа гражданского права // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 6. – С. 82; Нравственные ориентиры и принципы в системе ценностей российской Конституции: монография / отв. ред. С.Б. Сафина. – Москва, 2024. – 296 с.

надотрасли, мегаотрасли и метаотрасли права и, в-третьих, определяющая духовную составляющую регулируемых общественных отношений в системном взаимодействии правовых, нравственных и религиозных принципов и норм.

Миссия духовного права: философско-правовое обоснование

Для определения направлений и характера правового регулирования традиционно выделяются функции права как системы, а также отраслей права и основных его элементов. В духовно-нравственном измерении важно выделять не только функции, но и миссию права. Миссия права – это его сущностная характеристика, которая проявляется в определении ценностного характера регулируемых отношений и их гармонизации. В этом контексте миссия духовного права видится в придании экзистенциального смысла общественным отношениям, регулируемым правом, определении пути существования и развития.

Для духовного права главная миссия состоит, как представляется, в выборе приоритетов между духовным и материальным. Выбор приоритетов в этом взаимодействии предопределяет путь цивилизационного развития. В этой парадигме у человечества есть три основных пути: приоритет материальных над духовными ценностями, паритет материальных и духовных ценностей, приоритет духовных ценностей над материальными. Идеальный путь, определяющий будущее, – приоритет духовных ценностей над материальными. В христианстве этот путь для людей был обозначен в Нагорной проповеди Иисуса Христа, который сказал: *Не можете служить Богу и маммоне* (Матф. 6:24). Соответственно, духовное право, основанное на христианских корнях, представляет собой выбор приоритета духовных ценностей над материальными. Это самая высокая планка развития человеческой цивилизации. Ее достижение – труднейшая задача современности, и особенно в западной правовой культуре, где в философско-правовой мысли до сих пор доминирует светский, религиозно-нигилистический, индивидуалистско-потребительский подход к гуманизму.

Главный источник религиозного нигилизма, на мой взгляд, заключается в том, что, когда естественно-правовая теория стала получать широкое признание в западных странах, ведущие европейские и отечественные конституционалисты почему-то посчитали ее непримиримой по отношению к более старой, теологической теории права. Между тем именно гармоничное соединение естест-

венно-правовой и теологической теорий права мы находим в трудах Блаженного Августина и Фомы Аквинского.

В настоящее время стоит задача формирования общепризнанного понимания и «каталога» духовно-нравственных ценностей, не ограничиваемых либерально-демократической доктриной принципов прав и свобод. Интересна в этом контексте трактовка традиционных ценностей в российских программно-стратегических документах.

Отечественный законодатель предлагает определять традиционные российские ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» (п. 4 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809) (далее – Основы). Нравственные ориентиры, используемые в данном определении, более правильно называть духовно-нравственными ориентирами. Их традиционность проявляется в синтезе религиозных, духовных и культурно-исторических ценностей, определяющих идентичность развития российского народа, общества и государства.

Другой вопрос, решаемый программно-стратегической политикой России, связан с определением круга защищаемых ценностей.

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р), определяет, что приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. Стратегия опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством. Данный перечень определяется через перечисление качеств человека, оценку его поведения.

Близкими по смыслу, но через перечисление ценностей и принципов права, традиционные российские духовно-нравственные ценности были впервые системно представлены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Согласно п. 91 данной Стратегии, «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Аналогичный перечень дан в п. 5 ранее упомянутых Основ. Представленный перечень ценностей не является исчерпывающим и может быть конкретизирован через анализ других программно-стратегических документов.

Так, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р, ввела понятие семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни. К главным ценностям отнесены многопоколенная семья, воспитательная стратегия которой традиционно направлена на формирование у младшего поколения духовно-нравственных этических ценностей и основана на уважении к родителям, а также людям старшего поколения.

Как видно из приведенных документов, вариации понятий с ключевыми словами «духовные», «нравственные», «традиционные», «этические», «ценности», «ориентиры» используются довольно произвольно. Очевидно, что в этой сфере требуется унификация. Один из путей решения проблемы – принятие кодифицированного закона. Духовное право как фундаментальный правовой комплекс должно быть основано не на программно-стратегических документах, а на базовом законе – кодифицированном акте, соединяющем нормы права, посвященные правам человека и другим ценностям гуманизма, нравственности, религиозные и идеологические принципы и нормы. В светской правовой культуре такая задача с учетом национальной идентичности стран частично решалась, например, в Декларации независимости США 1776 г., во Французской декларации прав человека и гражданина 1789 г., в актах КНДР,

раскрывающих идеологию Чучхе с 1955 г., Моральном кодексе строителя коммунизма КПСС 1961 г. и др.

В отечественной правовой литературе предлагается принять в нашей стране Нравственный кодекс гражданина России (или Духовно-нравственную конституцию россиян), который должен быть квинтэссенцией национального духа (идеи) всего российского народа и состоять из хорошо известных и вечных истин¹. Учитывая широкое использование в российском праве сочетания «духовности» и «нравственности», более идентичным станет федеральный закон о духовно-нравственных ценностях, с принятием которого потребуется обновление действующего российского законодательства и принятие некоторых новых законов. Например, депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ уже разработан проект федерального закона о патриотическом воспитании². Предлагаемый базисный закон о духовно-нравственных ценностях должен опираться на конституционные основы духовного права, формирование которых подразумевает внесение определенности в содержание их конституционного регулирования.

Конституционные основы духовного права

Хотя считается, что теологическая концепция права была заменена естественно-правовой в период формирования так называемого буржуазного конституционного права, основанного на идеях либеральной демократии, в современном мире наблюдается тесная связь между названными концепциями. Не только для значительного числа восточных стран, но и для целого ряда государств Европы характерна тесная *связь религии, нравственности и государственности*. Это проявляется в различных способах конституционного воплощения: идеологическое и нравственное обоснование связи религии с государством и обществом; закрепление в конституции официальной, или главной религии, которой покровительствует государство; признание религиозных норм и норм

¹ См.: Апостолова Н.Н. Духовно-нравственные ценности – основа российского государства и права // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 1. – С. 9.

² См.: «О патриотическом воспитании в Российской Федерации (в части определения целей, принципов и направлений патриотического воспитания граждан)». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7?ysclid=mclnwwzfu6h126591989> (дата обращения 22.06.2025).

нравственности источником права; установление необходимой связи между постом главы государства и его религиозной принадлежностью, обусловленность другой государственной должности отношением к религии и оценка человеческих качеств с точки зрения нравственности; установление связи обязанностей гражданина с религией и нравственностью; воплощение религиозных и нравственных установок в правовых принципах и ценностях государства; защита нравственности, совести, мысли и мировоззрения как конституционных ценностей.

Обоснование связи религии с государством и обществом выражается в конституционном обращении к Богу как главной истине, основе развития и нравственности верующих. Так, Конституция Греции 1975 г. содержит эпитаф: «Во имя Святой, Единосущной и Нераздельной Троицы»; преамбула Конституции Ирландии 1937 г. начинается со слов «Во имя Святой Троицы», при этом отмечается, что «Ирландцы – народ Эйре смиренно признает все свои обязанности перед Священным Господином Иисусом Христом».

Некоторые государства в своих конституциях подчеркивают ответственность общества и человека перед Богом. Швейцарская Конфедерация от имени «Всемогущего Бога и чувствуя ответственность перед Творцом», провозглашает свою союзную Конституцию 1999 г. Преамбула Основного закона ФРГ 1949 г. пишет об осознании ответственности перед Богом и людьми.

Среди европейских государств выделяются страны, которые предпринимают попытку соединить религиозные и светские универсальные ценности в единую систему ценностей как основу права, допуская альтернативу религиозному мировоззрению. К примеру, согласно преамбуле Конституции Польши 1997 г. «Польский народ – все граждане Республики, как верующие в Бога, являющегося источником истины, справедливости, добра и красоты, так и не разделяющие этого верования, а выводящие эти универсальные ценности из других источников». Одновременно преамбула Конституции Польши говорит о культуре, коренящейся в христианском наследии народа и общечеловеческих ценностях, о чувстве ответственности перед Богом или перед собственной совестью.

В Российской Федерации поправками в Конституцию РФ 2020 г. было также включено положение о вере в Бога в контексте традиционных духовно-нравственных ценностей. Согласно ч. 2 ст. 67.1 «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в

Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

Приведенные примеры свидетельствуют о стремлении государств учесть теологические учения в концепциях светского государства. Очевидно, что смысл взаимодействия Церкви и государства в этом случае заключается не в параллельных, а в совместных усилиях по укреплению нравственности и духовности общества и каждого человека.

Значительно в большей степени приверженность религиозной идее присуща восточным государствам, народы которых проповедуют ислам или буддизм. Преамбулы конституций государств исламской правовой семьи в качестве обязательного своего элемента содержат принципы приверженности исламу. Конституция Бахрейна начинается словами «Во имя Бога всемогущего, с Его благословения и с Его помощью». В преамбуле Конституции Кувейта 1962 г. (в ред. 2015 г.) провозглашается, что она принимается от имени Аллаха, Всемогущего и Милосердного. В преамбуле Конституции Ирака 2005 г. страна называется «родиной апостолов и пророков».

Для определения того, является ли государство светским, клерикальным или религиозным, определяющее значение имеет закрепление в конституциях официальной или ведущей религии страны. Согласно ст. 3 Конституция Греции 1975 г. господствующей религией в Греции является религия Восточной православной церкви Христовой. Отдельная глава посвящена урегулированию статуса Святой горы (горы Афон), «в духовном отношении находящейся в непосредственном ведении Вселенского патриарха». Конституция Шри Ланки 1978 г. закрепляет за буддизмом роль ведущей религии. Основной закон правления королевства Саудовская Аравия 1992 г. в ст. 1 объявляет государство исламским, а ислам – государственной религией. Ислам как государственная религия провозглашается также конституциями Афганистана, Бахрейна, Ирака, Йемена, Катара, Ливии, Мальдивской Республики и ряда других исламских государств. Конституция Брунея 1959 г. уточняет, что государственной религией провозглашается шиитское направление ислама.

Страны, определяющие религию государственной или ведущей, признают религиозные нормы источником права. Так, Конституция Катара 2003 г. традиционно закрепляет ислам в качестве государственной религии, законы шариата как основной источник законодательства. В Конституции Саудовской Аравии 1992 г. ос-

новным законом государства провозглашается Коран и Сунна. Конституция исламской республики Пакистан 1973 г. указывает, что законодательство страны должно соответствовать положениям Корана и Сунны.

Некоторые государства детализируют общее правило о религиозных источниках права. Так, Конституция Брунея 1959 г. отмечает сильное влияние религии на правосудие: если нормы ислама вступают в противоречие с основной судебной системы – британскими законами, то предпочтение отдается исламу.

Ряду государств присуще установление непосредственно в конституции связи между государственной должностью и религиозной принадлежностью. Например, Конституция Таиланда 2007 г. оговаривает, что король должен быть буддистом и одновременно покровителем всех религий. Конституция Мальдивской Республики 1998 г. разрешает претендовать на пост президента только мусульманам-суннитам. Конституция исламской республики Пакистан предусматривает создание Исламского совета, консультирующего государственные органы по вопросам соответствия законов нормам ислама.

Для конституционного регулирования многих исламских государств характерно установление связи между правами, обязанностями гражданина и религией. Так, в Конституции Исламской Республики Иран 1979 г. указывается, что «мусульмане обязаны с добротой и исламской справедливостью обращаться с немусульманами и соблюдать их человеческие права», если те не выступают против ислама. Основной закон Саудовской Аравии 1992 г. возлагает на государство обязанность заботиться о «Двух священных мечетях» (в Мекке и Медине), оказывать помощь совершающим хадж паломникам.

Среди наиболее актуальных проблем формирования духовных основ государства и права следует выделить важность совместных усилий религии и государства в противодействии современным вызовам гуманистическим ценностям человечества. В этом контексте будущее развития предопределяется тесным взаимодействием религии (церкви) и государства в определении содержания основ гражданского общества, прав и свобод человека.

Можно было бы выделить три главных вектора общей озабоченности, требующих вмешательства духовно-нравственных регуляторов на общественные отношения: 1) жизнь и будущее человека как создания Господа Бога (Творца); 2) сохранение и защита института семьи; 3) воспитание детей и молодежи.

Жизнь и будущее человека как создания Господа Бога (Творца) – это не только защита от убийств и самоубийств, но и противодействие угрозам жизни, физическому и нравственному здоровью. Такие угрозы выражаются не только в запрещенных государствами противоправных действиях (работоторговля, наркоторговля, проституция, педофилия, алкоголизм, наркомания, трансгуманизм), но и в содействии самими государствами подобным негативным процессам (например разрешение эвтаназии, генной инженерии, клонирования и др.).

Принципиальное значение для человека имеет определение на конституционном уровне основных гуманистических ценностей, являющихся одновременно основополагающими религиозными ценностями, и выработка механизмов противодействия угрозам этим ценностям.

В частности, представляется важным уже на конституционном уровне определить, с какого момента защищается жизнь человека. Конституция Венгрии 2011 г. в ст. II определила, что каждый человек имеет право на жизнь и человеческое достоинство, и потому жизнь плода будет защищена с момента зачатия. Конституционное закрепление отношения государства к началу и прерыванию жизни имеет принципиальное значение для развития текущего законодательства. В этом отношении немаловажное значение имеет не только официальная позиция церкви, но и то, насколько она известна обществу, в какой мере государство и церковь имеют совпадающие подходы.

Другой актуальный вопрос, связанный с духовным восприятием человека как создания Божьего, – допустимость эвтаназии, т.е. права на смерть. Конституции государств пока воздерживаются от регулирования права на смерть, однако суды и законодательство все активнее используются как форма решения этого вопроса. Решения по разрешению эвтаназии принимают даже страны с сильными традициями католицизма. К примеру, 21 января 2011 г. Суд Милана в Италии отменил предыдущее решение властей Ломбардии о продолжении поддержки систем жизнеобеспечения Элуаны Энгларо, которая пребывала в коме в течение 17 лет. Запрос на эвтаназию расколол итальянское общество¹.

¹ См.: John Hooper Italian right-to-die row woman dies. – 2009. – 9 Feb. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/feb/09/italy-silvio-berlusconi> (дата обращения 25.06.2025).

В Российской Федерации запрет эвтаназии установлен в ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, т.е. ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента. Представляется, что это положение заслуживает конституционного регулирования.

Еще одна важная для человека ценность, связанная с его жизнью и безопасностью, – это неприкосновенность личности, защищенность его жизни и здоровья от реальных угроз. В данном вопросе критерием защиты человека должны служить именно позиции ведущих религий, основанных на сохранении в человеке того, что создано Творцом.

В этом контексте интерес представляет ст. 3 Конституции Венгрии 2011 г., установившая следующие запреты: (1) Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому или унижительному обращению или наказанию или содержаться в рабстве. Торговля людьми запрещена. (2) Запрещены медицинские или научные эксперименты на людях без их добровольного и осознанного согласия. (3) Запрещена евгеническая практика, нацеленная на отбор лиц, делая человеческое тело и его части источником прибыли, а также репродуктивное клонирование людей.

Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации 1999 г. в ст. 119 еще основательнее защищает человека от злоупотреблений репродуктивной медициной и геной инженерией. В ней сказано, что человек подлежит защите от злоупотреблений репродуктивной медицины и геной инженерии. Государство, издавая предписания об обращении с человеческим зародышевым и наследственным материалом, заботится при этом об охране человеческого достоинства, личности и семьи и, в особенности, соблюдает следующие запреты и ограничения, предопределенные духовно-нравственными установками:

– недопустимы все виды клонирования и вмешательств в наследственный материал человеческих гамет и эмбрионов, пожертвование эмбрионов и все виды суррогатного материнства; любая торговля человеческим зародышевым материалом и производными из эмбрионов;

– нечеловеческий зародышевый и наследственный материал не может вводиться в человеческий зародышевый материал или синтезироваться с ним;

– оплодотворение человеческих яйцеклеток вне тела женщины разрешается только при установленных законом условиях.

В статье 119-а Конституции Швейцарии определяются условия применения методой трансплантационной медицины. Государство, издавая предписания в области трансплантации органов, тканей и клеток, заботится при этом об охране человеческого достоинства, личности и здоровья.

В соответствии со ст. 120 Конституции Швейцарии человек и окружающая его среда подлежат защите от злоупотреблений генной инженерией. Союз издает предписания об обращении с зародышевым и наследственным материалом животных, растений и других организмов. Он принимает во внимание достоинство Творения, а также безопасность человека, животного и окружающей среды и охраняет генетическое многообразие видов животных и растений.

В приведенных конституционных запретах заложены глубокие идеи христианской нравственности, и участие государства в их конституционном определении есть фактически и победа церкви.

Другое направление сотрудничества церкви и государства – *сохранение и защита института традиционной семьи.*

Принципиальный вопрос, где интересы церкви и государства тесно переплетаются, заключается в сохранении традиционного брака как союза мужчины и женщины. Для того чтобы защитить нации от содомии, в некоторых государствах на конституционном уровне определено понятие брака как основы семьи. Так, согласно ст. 46. (1) Конституции Болгарии, брак представляет собой добровольный союз мужчины и женщины. В соответствии со ст. 18 Конституции Польши брак – это союз женщины и мужчины. В 2005 г. в Конституцию Латвии 1922 г. (в ред. 1993 г.) было внесено определение брака как «союза между мужчиной и женщиной», что фактически исключило легализацию однополых браков.

О браке как союзе мужчины и женщины говорится в ст. 32 Конституции Республики Беларусь 1994 г. (в ред. 2022 г.). В ней записано, что женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Поправки 2020 г. в Конституцию РФ определили семью как союз мужчины и женщины п. ж. 1 ч. 1 ст. 72 «защита института брака как союза мужчины и женщины». Ранее это положение было закреплено только в Семейном кодексе РФ.

Общей заботой государства, церкви и семьи является *воспитание детей и молодежи.* В 2020 г. в Конституцию РФ добавлена

ст. 67.1, закрепляющая гарантию на создание условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей. Данной нормой были закреплены следующие духовно-нравственные ценности: патриотизм, уважение к старшим, гражданственность, обеспечение исторической правды. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

Многие современные конституции определяют политику государства и обязанности родителей (семьи) по воспитанию детей и вовлечению молодежи в процесс созидания. К примеру, в ст. 32 Конституции Беларуси установлено, что брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. В этой же статье установлено, что молодежи гарантируется право на ее духовное, нравственное и физическое развитие.

Воспитание детей и молодежи в большей мере имеет организационно-политические, нежели правовые гарантии. В этом отношении важное значение для согласования политики в защите нравственности, воспитания гармоничных личностей должноводиться механизмам сотрудничества церкви и государства. Речь идет о подписании соглашений о сотрудничестве, в которых определяются общие подходы к духовно-нравственному развитию общества, к гуманитарным ценностям, к образованию и воспитанию, к цензуре, а также участие церкви в деятельности государственных и общественных органов, совместные мероприятия и т.д.

Некоторые государства в своих конституциях заявляют о намерениях сотрудничества с церковью. В частности, в ст. VII Конституции Венгрии декларируется, что государство будет сотрудничать с церквями в достижении целей сообщества. Согласно ст. 16 Конституции Испании 1978 г. «Государственные органы должны учитывать религиозные убеждения испанского общества и, соответственно, поддерживать надлежащие отношения сотрудничества с Католической церковью и другими конфессиями».

Нередко правовой основой отношений государства и церкви выступают законы и соглашения. В ст. 25 Конституции Польши устанавливается, что «Отношения между Польской Республикой и Католическим костелом определяются международным договором, заключенным с Апостольским Престолом, и законами. Отношения между Польской Республикой и другими церквями, а также вероисповедными союзами определяются законами, принятыми на

основе договоров, заключенных Советом Министров с их соответствующими представителями».

Необходимо обратить внимание на принципиально важную связь между государством и церковью в вопросах защиты нравственного здоровья человека. Государство заинтересовано в сильной церкви, в ее активном участии в формировании духовного мира и нравственности человека. Слабость влияния церкви ведет в конечном счете к отчуждению человека и общества от государства.

Заключение

Правовое регулирование духовных основ в конституциях и законодательстве современных государств свидетельствует об актуальности сотрудничества религиозных организаций (церкви) с государством в определении основных направлений защиты духовно-нравственных ценностей. В вопросах предотвращения и пресечения нарушения нравственных, религиозных и правовых норм, тесно взаимосвязанных между собой, государство и религиозные организации (церковь) должны постоянно согласовывать свои позиции и не допускать расширения угроз и вызовов человеку и человечеству в целом. Для формирования духовного права и его реального воздействия на общественные отношения и правосознание людей предстоит кодификация с помощью базовых законов принципов и норм, определяющих духовно-нравственные основы государства, общества и человеческой жизнедеятельности.

ОСАВЕЛЮК А.М.¹ БОЖЕСТВЕННАЯ ЭНЕРГИЯ – ВНУТРЕННИЙ ДУХ И ИСТОЧНИК ДЕЙСТВИЯ ПРАВА? (Обзор)

Аннотация. В данном обзоре на основе научной и духовно-нравственной литературы рассматриваются трансформации современного российского права, происходящие в том числе под влиянием поправки, включенной в Конституцию РФ в 2020 г. Освещаются различные теории сущности и действия права и новые концептуальные подходы к определению причин («побудительной силы») действия права. Отмечается, что в Российской Федерации особую актуальность приобретает проблема поиска соотношения между «духом права» и буквой закона. Опыт России в данном вопросе является уникальным и требует специального анализа сложившейся системы законодательства и новой тенденции.

Ключевые слова: внутренний Дух права; божественная энергия; Священное писание; действие права; буква закона; интерес в праве; государственное принуждение в праве; естественное право.

OSAVELYUK A.M. Is Divine Energy the Inner Spirit and the Source of Action? (Review)

Abstract. This review, based on scientific and spiritual-moral literature, examines the transformations of modern Russian law, including those occurring under the influence of the amendment included in the Constitution of the Russian Federation in 2020. Various theories of the essence and effect of law and new conceptual approaches to determining the reasons (“motivating force”) for the effect of law are highlighted. It is noted that in the Russian Federation, the problem of finding a relationship between the “spirit of law” and the letter of the law is of particular relevance. Russia’s experience in this matter is unique and

¹ © Осавелюк Алексей Михайлович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

requires a special analysis of the existing legislative system and the new trend.

Keywords: Scripture; the inner spirit of law; divine energy; the action of law; the letter of the law; interest in law; state coercion in law; natural law.

Для цитирования: Осавелюк А.М. Божественная энергия – внутренний дух и источник действия права? (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 25–40. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.02

Введение

В течение тысячелетий лучшие умы человечества – мыслители, философы, государственные деятели, теоретики права и другие профессионалы мучительно искали ответ на вопрос: как действует право и что является источником, приводящим нормы права к их реализации. Например, Аристотель (384–322 гг. до н.э.) разделял право на естественное и волеустановительное; естественное право определял как предписание здравого смысла, а волеустановительное – как Божественное и человеческое, частным видом которого считал государственное право [6, с. 78–79]. В более поздние годы Б. Спиноза (1632–1677) также писал о естественном праве, в соответствии с которым совершается все [23, гл. XIV].

В Древние века (XVII – III в. до н.э.) законодательство также следовало за выводами выдающихся мыслителей. Например, в Законах Хаммурапи, царя Вавилона, обнародованных в 1750-х годах до н.э., правовые нормы хотя и не имели религиозного содержания, доводилось до людей в сакральной форме, со ссылкой на авторитет самых почитаемых вавилонских богов: «Мардук повелел мне дать справедливость людям». В другом регионе уповали на древность действия законов и поддержку богов. Известная китайская «Книга правителя области Шан» (IV в. до н.э.) в преамбуле также указывает от имени царя Сяо Гуна, что «ныне я хочу изменить законы, дабы добиться образцового правления... но опасюсь, что Поднебесная осудит меня» [7, с. 139–140].

Профессор Г.В. Мальцев справедливо отмечал, что в «одной из первых “варварских правд” – Салической правде (V–VI вв.) – законы провозглашались от имени “славного народа франков”,

который еще во времена “варварства”, по внушению Божию, искал ключ к знанию согласно со своими обычаями» [12, с. 155; 10; 9].

Обобщая результаты исследования указанной проблемы, сформированной мыслителями и нормативным правовым регулированием глубокой древности, известный историк А.Я. Гуревич пришел к выводу: «Никто, ни император, ни другой государь, ни кое-либо собрание чинов или представителей земли не вырабатывает новых законоположений... Следовательно, не выработка новых законов, но отбор в старом праве наиболее мудрых и справедливых предписаний, – так понимается задача законодателя» [4, с. 149, 151].

В эпоху Нового времени представления о божественном и естественном праве принципиально меняются. В частности, один из ранних представителей того периода Гуго Гроций в книге «О праве войны и мира» (1625) учил, что «законы естественного права якобы коренятся в самой природе разума, а потому имеют такое же вечное, незыблемое значение, как и сам разум, необходимы, как законы логики. Поэтому нормы естественного права совершенно независимы от воли Божией: они существовали бы даже, если бы Бог не существовал; Бог не может изменить их...» [25, с. 55].

В нашем Отечестве, начиная с середины XI в., действовали наполненные духовным содержанием «Слово о законе и благодати» святителя Илариона Киевского, «Русская Правда», княжеские уставы и уставные грамоты, судные грамоты и судебники, Стоглав, Соборное Уложение 1649 г. и другие источники. Например, указывая на возвышение духа над законом, свт. Иларион отмечал: «Закон бо предтеча бе и слуга благодати и истине» [15, с. 39].

В XIX в. – первой половине XX в. появились многочисленные публикации по данному вопросу. Подавляющее большинство из них если не носили антирелигиозного характера, то как минимум не упоминали о божественном происхождении права. В частности, Р. Иеринг считал, что личный интерес приводит в действие правовые предписания: право есть защищенный государством интерес, право – ничто без государственной власти¹.

Основоположники марксизма-ленинизма К. Маркс и Ф. Энгельс писали в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии»:

¹ Иеринг Р. Интерес и право: Правоспособность учредителей. Интерес и право. Непреодолимая сила: пер. с нем. – Ярославль, 1880.

«Право – это воля правящего класса, возведенная в закон и принуждаемая к исполнению государственными механизмами»¹.

Один из крупнейших нормативистов Г. Кельзен развивал «чистую» теорию права, отрицая его обусловленность какими бы то ни было «внешними по отношению к праву факторами. Он отмечал, что именно юридические нормы, содержащиеся в правовых источниках (“законах”), создаваемых государством, имеют для права определяющее» [цит. по: 17, с. 257] значение².

Критикуя подобные теории, Б.Н. Чичерин еще в XIX в. отмечал, что «право по существу своему имеет метафизическое начало, а потому с отрицанием метафизики пришлось и его сущность подвергнуть изгнанию. Вместо свободы основным началом признается *интерес*. Метафизическая идея заменяется практической пользой. Однако это изгнание метафизической идеи и замена ее началом практическим имели весьма печальные последствия» [28, с. 60–81].

Практически все советские теоретики права вслед за В.И. Лениным выводили право из «классовой борьбы и интерпретировали его как возведенную в закон волю господствующего класса. Сам феномен права при этом рассматривался как явление вторичное по отношению к государству, а право определялось как совокупность установленных или санкционированных государством общеобязательных правил поведения, соблюдение которых обеспечивается мерами принудительного государственного воздействия» [1, с. 65; 24, с. 144; 27, с. 171].

Современные специалисты в области права отмечают, что оно состоит не только из государственных законов, устанавливающих юридические правила поведения, а его реализация не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – Москва: Политиздат, 1974. – С. 41.

² В более поздних работах Г. Кельзен все-таки пришел к мысли о том, что «нужно перешагнуть сферу рационально логической, эмпирической реальности, эмпирического волевого акта, его содержания и взять курс на трансцендентальную, метафизическую область, в которой воля была бы одновременно мыслью, должное – сущим, норма – высказыванием, право и справедливость – истиной. Это есть подъем человека к Богу, от науки или философии – к теологии. Это есть путь от правового и морального позитивизма к учению о естественном праве» [См.: Kelsen H. What is Justice, Law, and Politics in the Mirror of Science. – Berkeley; Los Angeles, 1960. – P. 209–210, 228. Цит. по: [10, с. 192–193]. В устах Г. Кельзена эти слова звучат невероятно, но таков итог его сложной мировоззренческой эволюции.

только обеспечивается государственным принуждением. Более гибкую позицию в определении указанного понятия занимают ученые по теории права. Подавляющее большинство таких ученых предлагают различные варианты, позволяющие отказаться от представления о праве как результате обязательной государственной монополии на правотворчество и государственное принуждение.

Например, они указывают, что кроме государства источником происхождения права могут выступать и другие субъекты. То есть, юридические правила поведения могут не обязательно устанавливаться только государством. Следовательно, государство в этом случае только разными способами санкционирует результаты правотворчества других субъектов. Одним из способов санкционирования является, например, отсылка в законе к правовым обычаям или к договорам. Другим – регистрация уставов общественных организаций и других негосударственных субъектов. Так, авторы курса лекций по теории государства и права считают, что «право есть система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений, наряду с мерами воспитания и убеждения, *возможностью* (выделено автором. – *А.О.*) государственного принуждения» [24, с. 144]. Аналогичную позицию занимает профессор А.Ф. Черданцев, определяющий право как «систему общеобязательных, формально определенных норм (правил поведения), генетически и функционально связанных с государством, выражающих согласованные интересы и волю общества, содержание которых вытекает из природы и характера господствующей в обществе системы экономических, политических и иных отношений» [27, с. 171].

Многие из современных авторов указывают на то, что «на определенных этапах истории и в ряде стран право получало выражение именно в религиозных догматах» [3, с. 324; 12, с. 37–38, 81–83; 20, с. 34]. Например, авторы учебника «Проблемы теории государства и права» под общей редакцией академика РАН В.С. Нерсесянца отмечают, что «религиозный способ регуляции в истории ряда культур оформлялся первым, как бы прокладывая дорогу моральным и правовым нормам, предвещал и содействовал их появлению» [18, с. 67].

Но несмотря на множество теорий, посвященных праву и по-разному объясняющих его происхождение, сущность, роль в упорядочении социальных отношений, не только ни одна из них до

конца не объясняет механизм действия права, но и большинство из них, как показано выше, те побудительные мотивы, которые «заставляют» самых разных субъектов правоотношений в разных концах света, не сговариваясь, следовать формальным предписаниям скупых «юридических формул», находят не в самом праве, а вовне. Это или интерес, или принудительная сила государства¹, или классовое принуждение и т.д. То есть, право само по себе бес- сильно?

Убедившись в бесплодности многочисленных теорий, кото- рые ученые пытались «объяснить» источник действия права не самим правом, а внешними факторами, многие известные юристы в очередной раз попытались вернуться к самому праву. Как спра- ведливо отмечает профессор В.В. Сорокин, «даже в советские времена в пору воинствующего атеизма юристы активно пользо- вались в своей деятельности понятием “Дух права”» [21, с. 5].

Тем не менее, например, у В.В. Сорокина, Д.А. Савченко и других авторов понятие «Дух права» даже отдаленно не соответ- ствует древнему содержанию указанного термина. По В.В. Сорокину и Д.А. Савченко, «Дух права» представляет собой системную ос- нову общественного правосознания. Именно он обеспечивает ор- ганическое единство и полноту форм права. Поэтому значение любого юридического закона находится в прямой зависимости от того, в какой степени в нем выражается универсальный Дух права [22, с. 26].

Если в первой из приведенных статей речь идет о соотноше- нии идей, принципов, символов, ценностей, способных быть регу- лятивными, и буквы закона (совокупности документально выра- женных норм) [21, с. 5–15], то во второй – об основе общественного правосознания, выраженного главным образом во внутреннем убеждении судьи, прокурора и следователя и др. [22, с. 25–30; 2, с. 39–51]. По существу – это другие, но тоже внешние факторы.

¹ На момент распада в СССР насчитывалось 1 млн 977 тыс. работников органов государственного и хозяйственного управления, 871 тыс. работников аппарата министерств и ведомств, 297 тыс. сотрудников аппаратов исполкомов СНД, 12 372 народных судьи, 3106 областных и окружных судей, 584 судьи Верховных судов союзных республик (не считая партийных и комсомольских функ- ционеров и «силовых» ведомств) (см.: Народное хозяйство СССР в 1989 г.: стати- стический ежегодник. – Москва: Финансы и статистика, 1990. – С. 49–50, 263.)

В качестве других вариантов определить внутренний дух права и показать, почему же реализация права осуществляется человеком, как правило, добровольно, а не через обязательное государственное принуждение, предлагал Г.В. Мальцев: «Право, опираясь в определенных случаях на поддержку государственной власти как силы внешнего обеспечения, тем не менее строится и функционирует на базе внутренней, имманентной ему власти, которую по традиции мы называем *юридической*. ...Каждое отношение – силовое поле человеческих энергий, физических и душевных, разнонаправленных и действующих совместно. В этом силовом поле рождается и существует власть, имманентная социальному отношению как таковому. Если нет этой внутренней, “живой” и скрепляющей власти, отношение не может состояться, какую бы внешнюю поддержку не оказывали ему тираны, диктаторы, палачи с их самой изощренной системой принуждения и наказания» [11, с. 288–290].

Лучше не скажешь! Но, произнесенное «касается не собственно права, не побудительных мотивов реализации его норм, а правоотношения, которое в отличие от норм всегда конкретно и имеет, как правило, ограниченный круг субъектов. Норма же не знает ни конкретных субъектов, ни конкретного места, ни времени действия. Она действует везде, распространяется на всех и всегда (до тех пор, пока ее не отменили, разумеется) кто, где и когда подпадает под ее предписание.

Поэтому не ясно, почему такие разные “человеческие энергии, физические и душевные, разнонаправленные и действующие совместно” действуют, как правило, добровольно и относительно согласованно на огромных пространствах и в разное время?» [17, с. 318].

Внутренний Дух права

И что же из себя представляет это «силовое поле человеческих энергий», сформулированное профессором Г.В. Мальцевым? Мы считаем, что можно в указанной им добровольности и согласованности энергий различать не только уровни, но и качество реализации норм права. Другими словами, внутренний дух права по-разному действует среди разных категорий людей. По-одному он действует среди верующих православных христиан. По-другому – среди верующих других авраамических религий (например иудаизм, ислам). По третьему – среди язычников и неверующих.

Например, в Евангелии от Матфея в Нагорной проповеди говорится, что Господь предлагает верующим в Него превзойти праведность книжников и фарисеев, принципиально поменяв внутренний дух права. Вместо исполнения норм юридического закона, как это предписывалось Ветхим Заветом, из-за страха наказания за нарушение (неисполнение), исполнять правовые предписания из любви к своему Создателю и ближнему своему, как это сформулировано Господом (в Новом Завете).

Другими словами, сделать больше, чем предписывает формальный юридический закон: принципиально поменять качество исполнения. Вместе с тем это «большее» является более легким для человека по сравнению с исполнением юридического закона. Поскольку оно требует оценки качества закона с точки зрения морали: несет ли такой закон добро, гуманны ли его положения, справедлив ли он и т.п.

Как сказано в Евангелии, Господь своей благодатью предлагает верующему вместо формального юридического закона нравственные начала: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: “рака”, подлежит синедриону; а кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу» (Матф. 5: 21–28); «...люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Матф. 5: 31–32; 38–48).

Анализируя указанное место из Евангелия, протоиерей Валентин Свенцицкий справедливо отмечает, что «то новое, что говорится здесь, не было отменю старого закона, а было более со-

вершенным выражением все той же заповеди о любви, которая содержит весь закон, как старый, так и новый. Господь пришел не нарушить закон, но исполнить, потому что Он Сам был совершенным исполнителем любви. И тот идеал, который во всей полноте не могло вместить ветхозаветное сознание – сделался идеалом новозаветным, когда через искупление открылся путь Богосовершенства, и сделалось возможным получение через веру в Господа Иисуса Христа и принадлежность к Его святой Церкви благодатной помощи в таинствах.

Что же представляет из себя этот новозаветный христианский идеал? Это путь в полноту любви. Что значит жизнь в полноте любви? Это – жизнь в Боге. Об этом благодатном состоянии, как цели нравственной христианской жизни, говорит и слово Божие, и Отцы Церкви, и святые угодники Божии. Я приведу тебе слова преподобного Серафима Саровского, и тогда станет сразу ясно, о чем идет речь: “Пост, бдение, молитва, девство и все другие добродетели, ради Христа делаемые, – говорит преподобный, – сколько ни хороши они сами по себе, однако же не в них одних состоит цель христианской жизни нашей, и не затем мы родились, чтобы лишь только их творить: но цель жизни нашей есть та самая благодать Духа Божия, которую они приносят нам, и вот в стяжании или наживании ее-то одной (через них приобретаемой) и состоит цель жизни христианской”» [17, с. 320; 19, с. 116–117].

Из книг Священного Писания, истории религии известно, что, создав человека, Бог дал ему все необходимые для успешной жизни социальные нормы. Например, в Декалоге Моисея (религиозный источник) А.П. Лопухин выделял два вида норм – нравственные и юридические: «Чисто нравственные правила могут иметь значение вполне юридических постановлений. Поэтому-то в Десятисловии, напр., наряду с чисто юридическими постановлениями: “не убей”, “не укради”, стоят чисто нравственные правила: “не пожелай жены искреннего (ближнего. – А. О.) твоего” и пр. и для народа они имели одинаковую обязательную силу» [8, с. 5].

По нашему мнению, в десяти заповедях Закона Моисея (как и многих других религиозных источниках, например в Коране) следует выделять не два, а три вида норм: «религиозные императивы» (первые четыре заповеди Декалога)¹, «моральные императивы» и «важнейшие постулаты права» [16, с. 137; 17, с. 309].

¹ Например: «Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе

Поэтому слова апостола Павла о том, что «Закон свят» (Рим. 7: 12) и «Закон духовен» (Рим. 7: 14) являются главными аргументами того, что «закон имеет власть» (Рим. 7: 1). Значит, власть закона – от Духа его и от святости, т.е. от его божественных свойств. Следовательно, быть в послушании закону – это значит, быть в послушании Духу и святости, т.е. Богу; и наоборот, послушание и покорность Богу означает не что иное, как подчинение закону. Апостол Павел обращался со словами: «Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом (Евр 8:10)».

Рассуждая именно о таком внутреннем духе права, наш соотечественник И. Ильин отмечал, что «право по своей глубочайшей сущности есть необходимый *атрибут духа*: его признание, его сфера свободы, его полномочие, его предел, его правило, его свободное повиновение... Верное понимание права есть понимание его духовной природы и его духовного назначения...» [5, с. 314].

Таким образом, глубокий божественный уровень внутреннего Духа права мы встретим в Ветхом Завете, других Священных Книгах.

Еще один, более низкий уровень и качество его действия – у язычников. В отношении данного уровня речь можно вести о совести, которая заложена Творцом в душу каждого человека. Совесть обличает неблаговидные поступки каждого человека, побуждает его исправляться и поступать по законам совести. Другими словами, таким внутренним духом в праве для любого человека выступает его совесть (Иер. 31: 31–34; 9: 25–26).

Следовательно, внутренний Дух права действует независимо от веры, национальности, возраста. Но по-разному. В зависимости от причин и факторов, отмеченных нами выше. Потому что на сердце у каждого человека написано: «сами будут знать Меня, от малого до большого...» и единый закон Его будет в сердце каждого.

вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода], ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно».

Теоретическое обоснование действия внутреннего Духа права

Митрополит Иоанн (Снычев), характеризуя особенности высочайшего уровня действия внутреннего Духа права на примере Православной Византии, отмечал «Сотрудничество имперской государственной власти с соборным разумом Церкви было столь тесным, что в законодательных уложениях (так называемых Кодексах Императора Феодосия II, а затем и Императора Юстиниана) церковные каноны почитались обязательными к исполнению, как и гражданские законы. В свою очередь, гражданский закон, противоречащий основным церковным канонам, не признавался действительным. Более того, “воцерковленные” гражданские кодексы даже после падения Византии признавались православными поместными Церквями действующими образчиками церковного права, рассматриваясь наравне с соборными канонами» [14, с. 360].

В нашем государстве подобная модель в той или иной степени полноты действовала с конца X в. (крещения Руси) до XVI в. [13, с. 183–238]. Для нее характерно то, что часть норм Кормчей книги (источника церковного права) регулировала некоторые наиболее важные светские отношения (бракоразводные и наследственные, некоторые государственные преступления), а светские судебники содержали нормы, регулировавшие некоторые религиозные отношения.

Следует отметить, что даже в концепциях, разделяющих богоустановленность права, также имеются проблемы, связанные с внутренним Духом права. Например, общеизвестным является факт, что древнеиудейское государство было теократическим. Более того, еще до создания государства, во время сорокалетнего следования по пустыни в землю обетованную «сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору, и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон, и заповеди, которые Я написал для научения их» (Исх. 24:12). Известно также, что Иисус Христос неоднократно осуждал фарисеев за формальное отношение к закону, за следование внешним правилам закона, а не его духу.

В предыдущем разделе данной статьи мы уже отмечали особенности уровней проявления внутреннего Духа права и качества его реализации разными субъектами. Здесь же добавим из послания апостола Павла к римлянам, где сказано: «Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них напи-

сано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую (Рим. 2: 14–15)».

Немецкий философ И. Кант также говорил об этом, но другими словами: «Больше всего меня поражают и заставляют верить в Бога две вещи – звездное небо над головой и нравственный закон во мне»¹.

Следовательно, для верующего человека внутренний Дух проявляется не только в воздействии на него совести и Ветхозаветного закона, но и в благодати, воздействующей на него посредством различных ступеней богообщения. Многочисленные примеры этого можно найти, например, в Евангелиях: «От Него исходила сила и исцеляла всех» (Лк. 6: 19), «И которые прикасались к Нему, исцелялись» (Мк. 6: 56), «Он говорил, как власть имеющий, а не как книжники» (не обладая формально никакой должностью, избегая явно почестей) (2 Кор 5: 15–21; Мк. 1: 16–22)². То есть, внутренний Дух – в богоустановленности и боговдохновенности права Духом святым.

И наоборот, для нерадивого христианина, неверующего и т.д., где равнодушие, нерадение, ложь, всякая нечистота – там нет Духа Божия. На этот случай в послании апостола Павла к галатам сказано: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6: 7–8).

Как отмечал религиозный философ С.Л. Франк, «никакая, самая энергичная и в других отношениях полезная внешняя деятельность не может быть в буквальном, строгом смысле “благодарной”, не может сотворить или осуществить ни единого грана добра в мире; никакая самая суровая и успешная внешняя борьба со злом не может уничтожить ни единого атома зла в мире. Добро вообще не творится людьми, а только взращивается ими, когда они уготавливают в себе почву для него и заботятся об его росте; растет и творится оно силою Божией. Ибо добро и есть Бог. А единственный способ реально уничтожить зло есть вытеснение его сущностным добром; ибо зло, будучи пустотой, уничтожается только за-

¹ Кант И. Критика практического разума. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASH8a3f9f3288ef09055f62a1> (дата обращения: 12.04.2025).

² См.: Святитель Феофан Затворник. Краткие мысли на каждый день года, расположенные по числам месяцев / Афон. Рус. Пантелеймонов монастырь. – 3-е изд. – Москва: Тип. Ефимова, 1887.

полнением и, будучи тьмой, рассеивается только светом» [26, с. 128].

К сожалению, пришедшее к нам по реформам Петра I и укorenившееся западное представление о праве как системе правил поведения, установленных государством, стало более однородным, строгим, но менее глубоким, авторитетным, несмотря на заведомо безуспешные попытки создать вокруг права ореол святости.

Как отмечал Г.В. Мальцев, «сегодня важно восстановить, насколько это возможно, картину величественного симбиоза *религии и обычного права*, связанного с ним мощного подъема коллективного сознания и психики, который позволяет нам понять и объяснить, почему в древности при минимальном принудительном аппарате могло существовать обычное право без гарантированного обеспечения его политическим средствами, без тюрем и полиции, судебных процессов и расправ» [12, с. 100].

Видимо, в восстановлении истинного понимания «права и государства человечеству предстоит пережить глубокое обновление. Должен быть окончательно отвергнут губительный предрассудок о “внешней” природе права и государства; должна быть усмотрена и усвоена их “внутренняя” *душевно-духовная сущность*. Право только “проявляется” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая *душа*, в которой оно выступает с силою *объективной ценности*» [5, с. 386].

То есть, Иисус Христос предложил функцию «сдерживания», «запрета» сделать не юридической, а нравственной. Поэтому и страх Господень, сдерживающий дурные поступки, хоть и не является юридическим фактором, неизменно приносит соответствующие позитивные результаты при наличии определенной духовной ориентации как отдельного человека, так и общества в целом.

Нравственная запретность «не тяготит душу, исполненную чувством собственного достоинства. Такая душа или соблюдает свои запретности легко и естественно, осязая за ними объективную и непреложную цель права и не *унижая себя преступлением*. Или же она, исчерпав все лояльные пути, ведущие к обновлению права, решается на политическое противодействие во имя идеи права и его цели, но такое правонарушение не только не уничтожает, но утверждает и углубляет ее духовное достоинство» [5, с. 318–319].

Таким образом, новый взгляд Господа на закон, сформулированный в Евангелии в Нагорной проповеди (Мф. 5:3–11) требует

изменения человека к собственно праву. Оно должно становиться более нравственным. Общеизвестно, что основным и самым массовым носителем духовных ценностей выступает общество. Именно поэтому в Соборном слове, обращенном участниками XI Всемирного русского народного собора к органам государственной власти Российской Федерации, особо подчеркивается, что «необходим более прямой, ответственный диалог между Правительством, Федеральным Собранием и гражданским обществом России. Без такого диалога не может быть решений, понятных народу и принятых им»¹.

Заключение

Появившиеся в последние десятилетия в отечественной юридической литературе публикации о сущности права и причинах, побуждающих его к «самореализации» посредством действия его внутреннего Духа с включением в Конституцию РФ поправки в 2020 г., создали уникальную конституционно-правовую ситуацию не только для качественно более благоприятной ситуации дальнейшего научного поиска в указанной сфере, но и для создания нового соответствующего конституционно-правового регулирования.

В частности, новая статья 67.1, включенная в Конституцию РФ в 2020 г., установила обязанность сохранять память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства признание исторически сложившегося государственного единства. Изменения в текущем российском законодательстве, прежде всего в федеральных законах «О свободе совести и о религиозных объединениях» и «Об образовании в Российской Федерации», не только в значительной мере подготовили включение в Конституцию РФ поправки в 2020 г., но и после вступления в силу статьи 67.1 развили ее положения.

Например, ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает норму, в соответствии с которой религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями и обладают правоспособностью, предусматриваемой в их уставах, а государство

¹ Соборное слово участников XI Всемирного русского народного собора от 7 марта 2007 г. – URL: <https://pravoslavie.ru/21163.html> (дата обращения: 14.06.2025)

уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат законодательству РФ.

Подобные законодательные положения создают конституционно-правовую основу для диалога между соответствующими органами публичной власти и структурами религиозных организаций для сближения и взаимодействия норм законодательства с нормами церковного права и религиозной нравственности как нормативной основы для взаимодействия соответствующих институтов государства и общественных организаций, включая и выработку соответствующих совместных социальных нормативных положений.

Список литературы

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: Изд-во СГАП, 2001. – 416 с.
2. Бируля А.С. Соотношение «Буквы» закона и «Духа» права в юридической деятельности: отечественный консервативный правовой подход // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 39–51.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. – 3-е изд. – Москва: Юриспруденция, 2000. – 607 с.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – Москва: Искусство, 1972. – 303 с.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10-и т. – Москва: Русская книга, 1994. – Т. 4: Понятие права и силы (опыт методологического анализа). – 624 с.
6. История политических учений / под ред. проф. С.Ф. Кечекьяна и доц. Г.И. Федькина. – 2-е изд. – Москва, 1960. – 894 с.
7. Книга правителя области Шан [Текст]: (Шан Цзюнь Шу) / пер. с китайского, вступ. статья [с. 13–136] и коммент. Л.С. Переломова. – Москва: Наука, 1968. – 351 с. – (Памятники письменности Востока / АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т народов Азии; № 20).
8. Лопухин А.П. Законодательство Моисея. С приложением трактата: Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым (под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова). – Москва: Зерцало, 2005. – 212 с.
9. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. – Москва: ИНФРА-М: Норма, 2024. – 680 с.
10. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – 2-е изд. – Москва: ИНФРА-М: Норма, 2024. – 400 с.
11. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – Москва: Прометей, 1999. – 419 с.
12. Мальцев Г.В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. – Москва: Изд-во РАГС, 2000. – 189 с.

13. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви: в 9-ти т. – Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996. – Т. 3. – 298 с.
14. Митрополит Иоанн (Снычёв) Русская симфония. Очерки русской историософии. – Санкт-Петербург, 2001. – 528 с.
15. Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона / отв. ред. Л.П. Жуковская, В.Ю. Франчук; Академия наук СССР, Ин-т русского языка, Академия наук УССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. – Киев: Наук. думка, 1984. – 238 с.
16. Осавелюк А.М. Государство и церковь: монография / Рос. гос. торг.-экон. ун-т. – Москва: Изд-во Российского гос. торгово-эконом. ун-та, 2010. – 239 с.
17. Осавелюк В.М. Церковь и государство: монография. – Москва: Проспект, 2019. – 428 с.
18. Проблемы общей теории государства и права: учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянца. – Москва: Норма, 2002. – 832 с. – С. 67.
19. Свенцицкий В.П., протоирей. Диалоги – Саратов: Изд-во Моск. подворья Свято-Троиц. Сергиевой Лавры, 1999. – 334 с.
20. Селюков Ф.Т. Происхождение действующего права. – Москва, 1997. – 160 с.
21. Сорокин В.В. Дух права и буква закона: характер соотношения // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 5–15.
22. Сорокин В.В., Савченко Д.А. Дух права – фактор толкования нормативно-правовых актов // Юридическая наука. – 2023. – № 10. – С. 25–30.
23. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. / общ. ред. и вступ. статья В.В. Соколова]. – Москва: Госполитиздат, 1957. – Т. 2. – 729 с.
24. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрист, 2002. – 776 с.
25. Грубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – Москва: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. – 227 с.
26. Франк С.Л. Смысл жизни. – Москва: Аст, 2004. – 157 с.
27. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. – Москва: Юрайт, 2002. – 429 с.
28. Чичерин Б.Н. Философия права: сб. / вступ. ст. И.Д. Осипова [с. 3–18]. – Санкт Петербург: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1998. – 654 с. – (Русская государственная мысль, РГМ).

СКУРКО Е.В.¹ ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ: ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ УЧЕНЫХ-ПРАВОВЕДОВ (Обзор)

Аннотация. Дореволюционные ученые-правоведы, жившие и служившие науке во второй половине XIX – начале XX в., внесли значительный вклад в развитие отечественного права, способствовали его фундаментальному развитию. Многие из них – В.С. Соловьев, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин и другие – блестящие представители российской науки, работавшие в этот период, рассматривали проблемы права и нравственности в ряду ключевых вопросов теории и философии права, конституционного и уголовного права. Их взгляды на этику в праве, психологию и мораль права как социальные явления, взаимосвязь права и нравственности представлены в данном обзоре.

Ключевые слова: право; нравственность; мораль; психология права; этика права; духовность права.

SKURKO E.V. The Relationship Between Law and Morality: the Views of Russian Pre-Revolutionary Legal Scholars (Review)

Abstract. Pre-revolutionary legal scholars who lived and served science in the second half of the 19th and early 20th centuries made a significant contribution to the development of Russian law and contributed to its fundamental development. Many of them – V.S. Solovyov, N.M. Korkunov, L.I. Petrazhitsky, P.A. Sorokin and others – brilliant representatives of Russian science who worked during this period, considered the problems of law and morality in a number of key issues of the theory and philosophy of law, constitutional and criminal law. Their views on ethics in law, psychology and morality of law as a social phe-

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

nomenon, and the relationship between law and morality are presented in this review.

Keywords: law; ethics; morality; psychology of law; ethics of law; virtue of law.

Для цитирования: Скурко Е.В. Взаимосвязь права и нравственности: взгляды российских дореволюционных ученых-правоведов (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 41–50. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.03

Введение

Вторая половина XIX – начало XX в. дали российской юридической науке плеяду ученых, внесших значительный вклад в развитие отечественного права этого периода и оказавших влияние на его последующее развитие, – Б.Н. Чичерина, С.А. Муромцева, И.А. Покровского и многих других ученых, которые, переосмысливая мировой исторический опыт правового развития, создали отечественную школу права. Особенное внимание в этот период уделялось проблемам отношения права и нравственности, этике и психологии права. Труды и идеи В.С. Соловьева, Н.М. Коркунова, Л.И. Петражицкого, П.А. Сорокина – представителей этой школы, легли в основу современной социологии права. Их взгляды на этику в праве, психологию и мораль права как социального явления, роль и значение права в ряду нравственных ценностей представлены в форме выборочных цитат в данном обзоре – с целью максимально точно обозначить их ключевые научные позиции.

Взгляды российских дореволюционных правоведов на нравственную суть права

Владимир Сергеевич Соловьев, русский религиозный мыслитель, почетный академик Императорской Академии наук, в работе «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» 1899 г. в первых строках предисловия писал: «Признавая между правом и нравственностью внутреннюю существенную связь, полагая, что они неразлучны и в прогрессе, и в упадке своем, мы сталкиваемся с двумя крайними взглядами, отрицающими эту связь на прямо противоположных основаниях. Один взгляд выступает во имя морали и, желая охранить предполагаемую чистоту нравственного интереса, безусловно отвергает право и все, что к

нему относится, как замаскированное зло. Другой взгляд, напротив, отвергает связь нравственности с правом во имя последнего, признавая юридическую область отношений как совершенно самостоятельную и обладающую собственным абсолютным принципом. Согласно первой точки зрения, связь с правом пагубна для нравственности; согласно второй – связь с нравственностью в лучшем случае не нужна для права» [3, с. I–II].

Подтверждением подобной оценки В.С. Соловьева может служить позиция, например, Николая Михайловича Коркунова, русского ученого-юриста, философа права, профессора, специалиста по государственному и международному праву, который выстраивает соотношение права и нравственности, отталкиваясь от разграничения норм юридических и нравственных. Так, в «Лекциях по общей теории права» Н.М. Коркунов, в частности, пишет: «Юридические нормы представляют все отличительные признаки норм этических. Соблюдение требований права не ведет к непосредственному осуществлению никакой материальной цели. Право только определяет рамки осуществления разнообразных интересов, составляющих содержание общественной жизни. Вместе с тем соблюдение юридических норм признается обязательным для всех, независимо от желательности для них той или другой отдельной цели. И, наконец, содержание права не есть только логически необходимый вывод из законов природы, что ясно уже из самого факта разнообразия и даже противоречия существующих в разное время и в различных странах юридических норм. Но юридические нормы суть не единственные этические нормы. Наряду с ними к этическим же нормам относятся нормы нравственные. Для ближайшего определения юридических норм необходимо поэтому отграничить их от норм нравственных. С этой целью мы постараемся выяснить, как вообще могут быть достигнуты совмещение и гармония разнообразных интересов человеческой жизни. Тогда само собой получится основная группировка этических норм, их разделение на нравственные и юридические» [1, с. 24].

Решая эту задачу, Н.М. Коркунов приходит к следующему выводу: «различие нравственности и права может быть формулировано очень просто. Нравственность дает оценку интересов, право – их разграничение. Как установление мерила для оценки наших интересов есть задача каждой нравственной системы, так установление принципа для разграничения интересов различных личностей – есть задача права. Не трудно показать, что этим основным различием права и нравственности обуславливаются и

объясняются все частные различия, замечаемые между нравственными и юридическими нормами. Так как право предполагает разграничение интересов различных личностей, то юридические нормы определяют только отношения к другим, а не к самому себе. Нравственные правила, напротив, устанавливают обязанности и в отношении к самому себе, потому что оценка интересов имеет значение и для человека, взятого совершенно отдельно... Обязательность нравственных норм не обусловлена вовсе заинтересованностью других людей в их исполнении. Если даже никто от меня того не требует, нравственный долг сохраняет всю свою силу... Этим объясняется также, что из нравственных норм выводится только безусловный нравственный долг; из юридических – обусловленные друг другом право и обязанность... Юридическая обязанность есть обязанность выполнять вытекающие из чужого права требования, соблюдать устанавливаемые юридическими нормами границы сталкивающихся интересов. Поэтому, в отличие от нравственного долга, юридическая обязанность сохраняется только до тех пор, пока существует чужой интерес, ради которого она установлена. Отсюда понятие давности, погашающей обязанности, понятие, неведомое нравственности» [1, с. 26].

Позицию В.С. Соловьева в данном вопросе в целом выражает следующее его рассуждение: «Слово человеческое на всех языках непреложно свидетельствует о коренной внутренней связи между правом и нравственностью. Понятие права и соотносимое с ним понятие обязанности настолько входят в область идей нравственных, что прямо могут служить для их выражения. ... На всех языках нравственные и юридические понятия выражаются словами или одинаковыми, или производными от одного корня. Русское “долг”, также как латинское *debitum* – откуда французское *devoir* и английское *duty* – а равно и немецкое *Schuld*, *Schuldigkeit* имеют и нравственное и правовое значение; *δίκη* и *δικαιοσύνη*, *jus* и *justitia*, также как по-русски “право” и “правда”, по-немецки *Recht* и *Gerechtigkeit*, по-английски *right* и *righteousness*, различают эти два значения только приставками (ср. также еврейские *цедек* и *цедака*)... Вот два термина (правда и закон), в которых одинаково воплощается существенное единство юридического и этического начал. Ибо что такое право, как не выражение правды и как не содержание закона, а с другой стороны, к тому же понятию правды или справедливости, т.е. к тому, что должно или правильно в смысле этическом и что предписывается нравственным законом, сводятся и все добродетели. Тут дело не в случайной одинаковости

терминов, а в существенной однородности самих понятий» [3, с. 23–24].

И далее: «Когда мы говорим о нравственном праве и нравственной обязанности, то тем самым упраздняем с одной стороны всякую мысль о коренной противоположности или несовместимости нравственного и юридического начала, а с другой стороны указывается и на существенное различие между ними, так как, обозначая какое-нибудь данное право, например, право моего врага на мою любовь, как нравственное, мы подразумеваем, что есть право в более тесном смысле, которому нравственный характер не принадлежит как его прямое и ближайшее определение» [3, с. 24–25]. Исходя из сказанного, В.С. Соловьев заключает: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [3, с. 28].

Лев Иосифович Петражицкий, русский и польский ученый-юрист, профессор, депутат первой Государственной думы, в работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» 1909 г., по сути, отталкивается от тезиса, что «под правом в смысле особого класса реальных феноменов будем разумеать те этические переживания, эмоции которых имеют атрибутивный характер. Все прочие этические переживания, т.е. переживания с чисто императивными моторными возбуждениями, мы будем называть нравственными явлениями, относить к нравственности» [2, с. 85].

С точки зрения Л.И. Петражицкого, «В области тех случаев и вопросов поведения, которые предусматриваются и разрешаются в таком или другом смысле государственными законами или иными позитивно-правовыми определениями, напр., в области отношения к чужой жизни, собственности, в области имущественно-делового оборота, купли-продажи, найма квартиры, прислуги, извозчиков, займа и иных кредитных сделок и проч., и проч., люди фактически приписывают на каждом шагу себе или другим разные обязанности правового типа и права и исполняют эти обязанности и осуществляют права вовсе не потому, что так написано в гражданском кодексе или т.п., а потому, что так подсказывает им их интуитивно-правовая совесть; да они обыкновенно и не знают вовсе, что на подлежащий случай жизни предписывают статьи гражданского или иного кодекса, и даже не думают о существовании этих статей и кодексов. Лишь в некоторых случаях, главным образом в случаях разногласий и споров, притом особенно серьезных и не поддающихся разрешению без обращения к законам, судам

и т.п., люди справляются относительно статей законов и переходят с почвы интуитивного на почву позитивного права, заявляют притязания такого же, как прежде, или несколько иного содержания уже со ссылкой на то, что так полагается по закону и т.п. И вот все те бесчисленные императивно-атрибутивные переживания и нормы, обязанности, права, которые чужды позитивного характера, совпадают ли они или расходятся по своему содержанию с такими или иными позитивными переживаниями, нормами, обязанностями, правами, вполне подходят под понятие права в установленном выше смысле и обнимаются дальнейшим общим учением о праве» [2, с. 87–88].

«Наряду с нормами, устанавливающими разные преимущественные права в пользу одних насчет других, в общественной психике имеются бесчисленные императивно-атрибутивные правила, устанавливающие разные взаимные и равные правомочия и правопритязания в области вежливости и этикета. Некоторые из них обязательны для всех и всегда, другие лишь в определенных случаях жизни или для определенных категорий лиц, напр., для знакомых друг с другом, для незнакомых, для мужчин в их отношениях между собою, для женщин, для товарищей по школе, по службе, студентов, офицеров и проч. и проч. На случай нарушения преимущественных и иных прав вежливости в общественной психике имеются дальнейшие императивно-атрибутивные нормы, определяющие последствия происшедшего. Наиболее распространенное в культурном обществе из относящихся сюда психических явлений состоит в императивно-атрибутивном сознании, по которому потерпевшему от нарушителя причитается признание виновности, выражение по этому поводу сожаления и просьба о прощении – обязанность извиниться, притязание на соответственное заявление. Наряду с этим, особенно на менее культурных ступенях развития и в менее культурных слоях общества, в таких случаях за потерпевшими признаются еще разные иные права, в частности права активного наказания нарушителя словами (порицательными или бранными) или действиями (ударом, избиением). Прimitивная правовая психика в случаях особенно серьезных нарушений приписывает потерпевшему даже право убить нарушителя на месте» [2, с. 91].

Наконец, говоря о проблеме соотношения права и нравственности, нельзя не упомянуть более поздние – но снискавшие себе признание – работы ученика Л.И. Петражицкого, Питирима Алек-

сандровича Сорокина, считающегося «отцом» современной социологии.

В работе «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» 1913 г. П.А. Сорокин, русский и американский социолог и культуролог, профессор и педагог, в частности пишет: «Если бы кто-нибудь предпринял анализ взаимного поведения членов какой-нибудь социальной группы, совершенно игнорируя психические процессы, происходящие в психике каждого члена при том или ином поступке, и описывая только внешние формы актов поведения, – то вся социальная жизнь или все то, что делает социальное явление категорией *sui generis*, ускользнуло бы целиком из-под анализа такого исследователя. Общество превратилось бы в этом случае в простую сумму взаимодействующих “масс”, люди стали бы простой совокупностью атомов и молекул или простыми “центрами сил”, а их акты, поведение и поступки перестали бы быть “актами” и превратились бы в простые “движения” этих масс. Ассоциация превратилась бы в простое “сложение сил”, борьба – в “вычитание сил”, убийство – в ряд движений “центра сил А” по отношению к “центру сил В”; акт убийства преступником жертвы качественно бы ничем не отличался в этом случае от операции хирурга и убийства солдатом врага на поле битвы, так как акты всех этих лиц с внешней стороны довольно близки и сходны. Для подобного исследователя не существовало бы ни актов борьбы, ни актов спасения, ни слов молитвы, ни слов ругани, ни поступков злых, ни поступков добрых – а все эти явления превратились бы в простую сумму тех или иных движений ряда “центров сил”, их взаимных перемещений» [4, с. 112].

П.А. Сорокин различает «акты», которые совершает человек в обществе, «по характеру психических переживаний» и делит их на три основные категории: «1) акты “дозволенно-должные”, которыми являются поступки, соответствующие представлениям “должного” поведения, атрибутивно-императивным переживаниям. Это суть или акты осуществления прав, или акты осуществления обязанностей. Если поведение кого-нибудь соответствует тем правам и обязанностям, которыми я или другой его наделяет, то его поведение в моих глазах или в глазах этого другого есть поведение должное, если оно не соответствует – то оно перестает быть таковым. То же самое получится и с точки зрения другого человека; 2) акты “рекомендуемые”. Такими актами для каждого человека будут акты, не противоречащие его представлениям дозволен-

но-должного поведения, но представляющие сверхнормальную роскошь, избыток над необходимым минимумом “доброе” поведения, каковым является дозволенно-должное поведение, и потому всегда желательные. Эти акты – добровольны и потому не носят в себе никакого элемента обязанности; 3) акты “запрещенные” или “недозволенные”. Такими актами для каждого будут те акты, которые противоречат его представлениям “должного” поведения и нарушают его “должную” норму поведения (акты, противоречащие атрибутивно-императивным переживаниям)» [4, с. 122].

Таким образом, согласно этой концепции П.А. Сорокин выделяет три основные формы реагирования на чужие поступки. При этом, подчеркивает он, «каждый из чужих актов, воспринимаемых нами, вызывает в нас неодинаковые переживания и соответственно неодинаковые формы реагирования на них: 1) акты, воспринимаемые нами как “должные”, не вызывают в нас ни переживаний вражды, ни ненависти, а равно ни особенной любви и симпатии к ним самим и к их исполнителю, они воспринимаются просто как “дозволенно-должные” (иное слово трудно найти), как нормальные и только. Сама форма актов не вызывает в нас ни отращения-отталкивания, ни притяжения-любви. Они нормальны, справедливы, а потому положительны и только. Лавочник дал мне фунт хлеба, я заплатил ему 7 коп. Акт лавочника для меня просто нормальный, должный и ничего больше, а сам он не вызвал во мне по своему адресу ни особенной любви и симпатии, ни ненависти и вражды; 2) иное переживание возникает в ответ на акты “рекомендуемые”. Здесь я, в ответ на подобный акт, испытываю по адресу его субъекта особенное благорасположение, благодарность, любовь, симпатию и желание и ему, в свою очередь, оказать ту же услугу. Сам же акт нам кажется чем-то желательным и притягивающим; 3) наконец, в ответ на акты запрещенные мы реагируем в форме переживаний и актов вражды, недружелюбия и ненависти по адресу его субъекта; в нас самопроизвольно возникает желание отпарировать его незаконное покушение и отомстить ему за его попытку. Сам же акт вызывает в нас переживание отращения и отталкивания к такой форме поведения. Иначе говоря, акты должные – кажутся нам всегда нормальными, справедливыми и потому морально положительными; акты запрещенные – морально отрицательными и поднормальными; акты рекомендуемые – сверхнормально-положительными, своего рода моральной роскошью. Каким является каждый из них – такую же реакцию он и вызывает. Эта реакция происходит самопроизвольно и спонтанно» [4, с. 126].

«Установив эти три разряда актов и три разряда реакций на чужие акты, воспринимаемые то как должные, то как рекомендуемые, то как запрещенные, – теперь для краткости обозначим каждый из них соответственными терминами. Акты рекомендуемые назовем подвигом или услугой, а реакцию на них со стороны другого, воспринимающего их именно как акты рекомендуемые, – наградой. Акты запрещенные назовем преступлением, реакцию на них, понимаемых другими именно как акты запрещенные, – наказанием. Акты “дозволено-должные” и вызываемую ими реакцию будем называть просто дозволенно-должными. Таким образом, получаются три пары акций и вызываемых ими реакций: преступление – наказание, подвиг – награда, “дозволенный” акт – “должная” реакция» [4, с. 127].

Заключение

Дореволюционная отечественная школа права значительное внимание уделяла проблемам нравственной ценности права, роли права в этике, отношению права и морали. В исследованиях представителей этой школы был представлен полный спектр позиций: в большинстве своем они признавали внутреннюю существенную связь между правом и нравственностью, их единство как в прогрессе, так и в упадке; однако некоторые из них отрицали эту связь, абсолютизируя право или мораль. В.С. Соловьев, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, чьи высказывания приведены в данном обзоре признавали юридическую область знаний как самостоятельную и самобытную и считали важным для понимания сути права как общественного явления тщательно исследовать взаимное влияние правового и нравственного, права и морали. Их идеи, хотя и оказались «в тени» советской школы права и были не востребованы достаточно длительный период, сегодня изучаются российскими правоведами и исследуются в целях предметного развития российского законодательства и правовой системы страны.

Список литературы

1. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2004. – 218 с.
2. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том 1. – Издание второе, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург: Тип. Т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909. – 328 с.

3. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. – Санкт-Петербург. – Издание Я. Канторовича. – 1899. – 180 с.
4. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – Москва: Астрель, 2006. – 618 с.

ГРУНТОВСКИЙ И.И.¹ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (Обзор законодательства)

Аннотация. В обзоре анализируются положения Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809, и Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Реализация этих нормативных правовых актов направлена на сохранение и преумножение традиционных духовно-нравственных ценностей, обеспечение устойчивого и гармоничного развития российского общества.

Ключевые слова: российское законодательство; духовно-нравственные ценности; государственная политика; духовность; нравственность; социальная солидарность; национальные проекты.

GRUNTOVSKY I.I. Spiritual and Moral Values as a Strategic Guideline of the State Policy of the Russian Federation (Review of legislation)

Abstract. The review analyzes the provisions of the Fundamentals of State Policy for the preservation and Strengthening of Traditional Russian spiritual and Moral Values, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 N 809, and Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2024 N 309 “On the National Development Goals of the Russian Federation for the

¹ © Грунтовский Иосиф Иосифович, доцент кафедры Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заведующий кафедрой Международного юридического института, кандидат социологических наук, доцент.

period up to 2030 and for the future up to 2036”, the implementation of which is aimed at preserving and the multiplication of traditional spiritual and moral values, to ensure the sustainable and harmonious development of Russian society.

Keywords: Russian legislation; spiritual and moral values, state policy; spirituality; morality; social solidarity; national projects.

Для цитирования: Грунтовский И.И. Духовно-нравственные ценности – стратегический ориентир государственной политики Российской Федерации (Обзор законодательства) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 51–62. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.04

Введение

Россия издавна была страной с глубокими традициями и сильными духовными корнями, что позволяло ей на протяжении многих веков противостоять различному негативному внешнему влиянию (политическому, военному, экономическому и др.) на государство и российский народ. Православная вера, русская культура и литература, семейные ценности – все эти элементы духовно-нравственной сферы жизни общества играли и играют ключевую роль в формировании национального самосознания и идентичности российского общества. На протяжении многих веков они помогали многонациональному и многоконфессиональному российскому народу справляться с возникающими внутри страны и появляющимися извне трудностями, сохранять внутреннюю духовно-нравственную силу даже в самые тяжелые времена войн, социальных потрясений.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809, и Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» признаются стратегическими документами, регулирующими роль и задачи государства в развитии духовно-нравственных ценностей в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, повышения уровня жизни граждан.

Конституционные основы российских духовно-нравственных ценностей

В Конституции РФ вопросы, касающиеся сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, нашли отражение в ее содержании. Так, в ст. 72 предусмотрено, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ находятся:

«е) общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики;

ж) координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью; социальная защита, включая социальное обеспечение;

з) 1) защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях».

Конституционные положения, определяющие фундаментальные основы российских духовно-нравственных ценностей, получили свое развитие в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (далее – Основы). Данный документ определяет систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Основы конкретизируют отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., Основ государственной культурной политики, Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 гг., указов Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и

от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (п. 3).

Традиционные ценности, согласно п. 4–5 Основ, – «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». К ним относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Под *духовно-нравственными ценностями* в научной литературе понимаются установки личности, являющиеся системообразующим элементом ценностных ориентаций, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие ее на достижение высших идеалов¹. Духовные ценности – это особо значимые для человека идеи и ориентиры, которые раскрывают его идеал добра, справедливости, истины и красоты².

Следует отметить, что за последнее время в рамках реализации целей и задач, обозначенных в Основах, в нашей стране было сделано многое, в том числе в сфере патриотического воспитания, систематизации форм и способов его реализации, например на различных уровнях образования от среднего до высшего профессионального. В сентябре 2022 г.³, Министерством просвещения РФ

¹ Роль духовно-нравственных ценностей в воспитании подрастающего поколения Чувашии: опыт, проблемы и пути их решения: материалы науч.-практ. конф. – URL: <https://cheboksari.bezformata.com/listnews/duhovno-nravstvennih-tcennostey-v/92076787> (дата обращения: 30.06.2025).

² Духовные ценности российского общества. – URL: <https://skysmart.ru/articles/obshchestvoznaniye/duhovnye-cennosti-rossijskogo-obshchestva> (дата обращения: 30.06.2025).

³ См.: Письмо Министерства просвещения РФ от 17.06.2022 № 03–871 «Об организации занятий “разговоры о важном”».

были введены циклы внеурочных занятий «Разговоры о важном». Членами Общественной палаты РФ осуществлялось участие в обучении педагогов и воспитателей, проводились экспертные обсуждения различных аспектов проведения этих уроков¹.

По результатам исследования ВЦИОМ было выявлено отношение россиян к данным новациям в школах. Около 63% респондентов, участвующих в опросе, заявили о своем положительном отношении к проведению цикла внеурочных занятий «Разговоры о важном», а 74% отметили необходимость проведения таких занятий в школах².

Следует также отметить, что немаловажным вкладом в развитие системы героико-патриотического воспитания среди российской молодежи стало введение в вузах с 2023 г. курса «Основы российской государственности»³. Также, по нашему мнению, важным этапом в развитии воспитательной работы по патриотическому воспитанию детей и молодежи стало создание и становление Российского движения детей и молодежи (РДДМ) «Движение Первых»⁴. В общественных обсуждениях проекта программы воспитательной работы в рамках данного движения приняли участие более 10 тыс. представителей различных профессий (педагогов, экспертов и родителей). В результате обсуждения от представителей профессионального сообщества было получено более 700 предложений по совершенствованию воспитательной работы с детьми и российской молодежью⁵.

¹ См.: Как заинтересовать молодежь в изучении истории Великой Отечественной войны? – URL: <https://www.oprf.ru/news/kak-zainteresovat-molodezh-v-izuchenii-istorii-velikoy-otechestvennoy-voynu> (дата обращения 01.07.2025).

² Первого сентября: что нового в наших школах. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pervoe-sentjabrja-chno-novogo-v-nashikh-shkolakh> (дата обращения: 01.07.2025).

³ С чего начинается Родина: эксперты рассказали о курсе «Основы российской государственности». – URL: <https://www.oprf.ru/news/s-chego-nachinaet-sya-rodina-eksperty-rasskazali-o-kurse-osnovy-rossiyskoj-gosudarstvennosti> (дата обращения: 01.07.2025).

⁴ Педагогическое наследие Ушинского и современные практики патриотического воспитания. – URL: <https://www.oprf.ru/news/pedagogicheskoe-nasledie-ushinskogo-i-sovremennye-praktiki-patrioticheskogo-vospitaniya> (дата обращения 01.07.2025).

⁵ Движение первых: кто и как воспитает молодое поколение. – URL: <https://www.oprf.ru/news/dvizhenie-pervykh-kto-i-kak-voospitaet-molodoe-pokolenie>. (дата обращения: 01.07.2025).

Как отмечено в Конституции РФ и Основах, важным направлением работы по привитию гражданам традиционных российских ценностей является сфера поддержки и защиты семей с детьми. Результаты опроса россиян в 2023 г. показали, что 51% респондентов считают справедливым распределение господдержки между всеми семьями с детьми независимо от уровня их дохода, а около 42% опрошенных граждан придерживаются мнения, что господдержка должна предоставляться только малоимущим семьям. А в группе населения старше 60 лет количество респондентов, считающих необходимой социальную поддержку семей с детьми исходя из их реальной нуждаемости, составляет 53%. 60% россиян, представителем данной группы, считают справедливой помощью всем семьям без исключения, воспитывающих несовершеннолетних детей¹.

Согласно Основам, важным направлением в формировании духовно-нравственных ценностей у российской молодежи, является работа по защите и сохранению национального достояния и историко-культурного наследия России. Для этого в преддверии юбилейной даты – 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. проводились Всероссийские патриотические акции российских студенческих отрядов «Поклонимся великим тем годам» и «Снежный десант РСО» и многолетняя общероссийская акция «Бессмертный полк».

9 мая страна отметила 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. Как показало исследование ВЦИОМ, «для россиян этот день далеко не просто праздник, а символ **национальной гордости и единства**, священная, памятная дата, которая связана с освобождением от фашизма, ценностью мира. День Победы для наших сограждан в том числе **личная дата**, когда вспоминают родных, бабушек и дедушек, тех, кто отдал жизнь ради будущих поколений. А еще 9 Мая – это общие коллективные **эмоции**: радости и надежды, благодарности и скорби»².

Одной из важных задач в вопросах сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей является рели-

¹ Всем и без контроля: о социальной поддержке семей с детьми. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vsem-i-bez-kontrolja-o-social-noi-podderzhke-semei-s-detmi> (дата обращения 01.07.2025).

² Великой Победе – 80 лет! – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let?ysclid=mda3s85c41791599844> (дата обращения: 01.07.2025).

гиозное воспитание подрастающего поколения. Так, в п. 6 Основ подчеркивается, что «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии являются неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказывали и оказывают значительное влияние на формирование традиционных российских ценностей, общих для верующих и неверующих граждан». Особая роль в становлении и укреплении традиционных российских ценностей в нашей многоконфессиональной стране отводится православию.

В п. 6–8 Основ подчеркивается, что «осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность».

Национальные цели развития Российской Федерации на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностях

Согласно пункту 1 Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», «в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, открытости внешнему миру, экономического развития, основанного на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе, высокой эффективности и технологичности, определены следующие национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.:

а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;

б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;

- в) комфортная и безопасная среда для жизни;
- г) экологическое благополучие;
- д) устойчивая и динамичная экономика;
- е) технологическое лидерство;
- ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Роль традиционных российских духовно-нравственных ценностей в защите государства и общества

Эта роль проявляется:

1. В их способствовании укреплению социокультурного единства многонационального и многоконфессионального российского общества. Так как общие, разделяемые всеми гражданами идеалы и ценности, ведут к их сотрудничеству и объединению ради достижения общих целей. А в современных условиях политического и экономического давления, информационно-психологического воздействия недружественных стран это становится ключевым моментом в вопросах мобилизации общества на преодоление существующих и возникающих трудностей.

2. В обеспечении традиционными российскими ценностями устойчивости общества к внешним вызовам и угрозам. Население страны, обладающее сильной внутренней мотивацией и верой в свои идеалы, менее подвержено влиянию деструктивных идей и манипуляций, информационно-психологическому воздействию недружественных стран, способно сохранять спокойствие и уверенность в своих действиях даже в самых сложных и критических ситуациях.

3. Традиционные духовно-нравственные ценности служат основой для формирования гражданской позиции каждого индивида и особенно молодежи. Население, воспитанное в духе патриотизма и уважения к своим традициям, к своему историческому прошлому и культурному наследию, более склонно активно участвовать в общественной жизни, защищать интересы своей страны, бороться за ее благополучие.

В целом, как отмечают в своем исследовании И.П. Скворцов и С.А. Глотов: «Проблема формирования патриотизма имеет комплексное содержание, должна решаться продуманными разнообразными воспитательными средствами, учитывать современное состояние массового общественного мнения и сознания, прово-

даться подготовленными к этой деятельности преподавателями, воспитателями, руководителями»¹.

Государство и различные социальные институты (семья, образование, СМИ и др.) играли и играют важную социализирующую роль в развитии традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Такие социальные институты, как семья, государство, образование, культура, СМИ, своей системной и слаженной работой должны решать важную задачу по сохранению и приумножению в обществе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Эти социальные институты способствуют формированию у граждан уважения к национальным традициям и идентичности, культурному наследию и традиционным духовно-нравственным ценностям. Деятельность данных социальных институтов поможет создать внутри общества атмосферу доверия и взаимопонимания, а это особенно важно в современных условиях информационно-психологического воздействия и внешнего санкционного давления.

Основные угрозы и риски для традиционных ценностей

Согласно разделу II Основ «Оценка ситуации, основные угрозы и риски для традиционных ценностей, сценарии развития ситуации» среди современных угроз сохранению традиционных российских ценностей, выделяются:

1) деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных СМИ и массовых коммуникаций, действия США и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России (п. 13);

2) насаждение чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, через идеологическое и психологическое воздействие на граждан, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни; ценности крепкой семьи, брака,

¹ Скворцов И.П., Глотов С.А. Формирование патриотизма у молодежи в современных социокультурных условиях: теоретические и практические аспекты // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия Педагогика. – 2023. – № 2. – С. 16.

многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений (п. 14).

Исходя из обозначенных угроз, в разделе III Основ сформулированы и задачи по сохранению и укреплению традиционных российских ценностей в нашем обществе. К этим задачам относятся:

– укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрелигиозного согласия на основе традиционных ценностей;

– сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю;

– сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины), обеспечение преемственности поколений, забота о достойной жизни старшего поколения, формирование представления о сбережении народа России как об основном стратегическом национальном приоритете;

– реализация государственной информационной политики, направленной на усиление роли традиционных ценностей в массовом сознании и противодействие распространению деструктивной идеологии;

– воспитание в духе уважения к традиционным ценностям как ключевой инструмент государственной политики в области образования и культуры, необходимый для формирования гармонично развитой личности;

– поддержка общественных проектов и институтов гражданского общества в области патриотического воспитания и сохранения историко-культурного наследия народов России;

– поддержка религиозных организаций традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных ценностей, противодействие деструктивным религиозным течениям (п. 24).

Данные задачи уже реализуются в настоящее время через многие национальные проекты. Так, в 2025 г. в России стартовали новые национальные проекты, рассчитанные на период до 2030 г.: «Семья», «Кадры», «Молодежь и дети», «Новые технологии сбережения здоровья» и другие. К примеру, национальный проект

«Молодёжь и дети» направлен на создание условий для всестороннего развития молодого поколения и воспитания ответственных граждан, готовых строить будущее страны. Основной задачей проекта является формирование эффективной системы образования, способной обеспечить всестороннее развитие личности и воспитание патриотизма среди молодежи¹.

Заключение

Традиционные российские духовно-нравственные ценности являются важным элементом и духовной основой защиты российского государства и общества, особенно молодежи, от возникающих внешних угроз, информационно-психологического воздействия, военного противостояния с западом через его сателлитов, от экономических санкций недружественных стран. Они способствуют сохранению социального единства в обществе, обеспечивают его устойчивость к внешним вызовам и угрозам, формируют у россиян активную гражданскую позицию, укрепляют моральную стойкость и создают условия для успешного преодоления возникающих в современном формирующемся многополярном мире вызовов и угроз для России и всего мирового сообщества. Перед социальными институтами, и в первую очередь государством, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809, и в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» сформулированы фундаментальные задачи и ориентиры на то, чтобы продолжать вести, развивать и поддерживать согласованную работу по сохранению и приумножению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в целях обеспечения долгосрочной стабильности и процветания российского общества.

¹ Национальные проекты России. – URL: <https://ifz.ru/nauka/nac-project>. (дата обращения: 02.07.2025).

ЕРЕМИНА Е.А.¹ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ (Статья)

Аннотация. В статье раскрываются особенности правовой политики Российской Федерации по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры. Дается ее общая характеристика, включающая в себя объект, субъектный состав, цели, задачи и основные инструменты. Особое внимание уделяется институту государственной финансовой поддержки сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры. Подчеркивается, что основная роль в реализации обозначенной политики отведена именно инструментам финансового права.

Ключевые слова: правовая политика; традиционные духовно-нравственные ценности; финансовое обеспечение; финансовый контроль.

EREMINA E.A. Features of the Legal Policy of State Support for the Preservation of Traditional Spiritual and Moral Values in the Field of Culture (Article)

Abstract. The article reveals the features of the legal policy of the Russian Federation on the preservation of traditional spiritual and moral values in the field of culture. Its general characteristics are given, including the object, subject composition, goals, objectives and main in-

¹ © Еремина Елизавета Анатольевна, доцент кафедры предпринимательского права факультета «Высшая школа финансового права и государственного аудита» Института правоведения ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

struments. Particular attention is paid to the institution of state financial support for the preservation of traditional spiritual and moral values in the field of culture. It is emphasized that the main role in the implementation of the designated policy is assigned precisely to the instruments of financial law.

Keywords: legal policy; traditional spiritual and moral values; financial support; financial control.

Для цитирования: Еремина Е.А. Особенности правовой политики государственной поддержки сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 62–76. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2025.04.05

Введение

Право не существует вне зависимости от системы ценностей – универсальных оснований, разделяемых всеми. Традиционные ценности являются основой российского общества, позволяющей защищать и укреплять суверенитет России.

Следует признать, что аксиологический дискурс становится все более значим для современной правовой действительности. Если прежде категория ценностей в своем нематериальном значении практически не использовалась в нормативно-правовых источниках, то тенденцией последнего времени является возрастание ее роли в правовом регулировании. Принятие Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 25.01.2023) (далее – Указ № 809), поставило перед законодателем задачу включения ценностных ориентиров в существующую правовую систему, а перед научным сообществом – теоретического осмысления обозначенной категории, ее концептуального наполнения и формирования перечня ценностей, признаваемых народом России в качестве своих базовых начал.

К исследованию содержательной составляющей рассматриваемой категории обращаются А.П. Алексеенко, В.В. Архипов,

С.А. Белов, В.Е. Кондуров¹, рассматривая каждую из ценностей, обозначенных в Указе № 809. К сравнению традиционных ценностей с категорией правовых принципов обращаются А.А. Иванов, С.С. Малахова² и др.

Вместе с тем комплексные научные исследования в области охраны и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей по-прежнему немногочисленны. Одним из таких специальных исследований является работа К.А. Устиленцева³, в которой автор дает теоретическую характеристику правовой политики в сфере охраны и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. К тематике правовой политики в данной области обращаются также К.А. Чуйченко, Н.М. Кропачева и В.Е. Кондурова⁴. Особенности влияния ценностного аспекта на отраслевое правовое регулирование рассматривают А.А. Бессонов⁵, Е.В. Кашкина⁶, Г.Н. Чеботарев⁷, А.П. Якушев⁸ и др.

Основной сферой жизни, призванной сохранять, накапливать, передавать и приумножать традиционные ценности является культура, отражающая духовность, традиции, самобытность народа. Культура России является неотъемлемой частью ее националь-

¹ Реализация традиционных российских духовно-нравственных ценностей в правовой системе / Алексеев А.П., Архипов В.В., Белов С.А., Кондуров В.Е. // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 3. – С. 332–359.

² Иванов А.А., Малахова С.С. Традиционные духовно-нравственные ценности и правовые принципы: сравнительный анализ юридических категорий // Теология. Философия. Право. – 2022. – № 2 (18). – С. 50–58.

³ Устиленцев К.А. Правовая политика в сфере охраны и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей: дис.... канд. юрид. Наук / – Москва, 2024. – 215 с.

⁴ Чуйченко К.А., Кропачева Н.М., Кондуров В.Е. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 156–165.

⁵ Бессонов А.А. Криминалистика на защите российских духовно-нравственных ценностей // Журнал Российского права. – 2025. – № 1. – С. 17–26.

⁶ Кашкина Е.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект уголовного-правовой охраны. Часть первая // Российский судья. – 2024. – № 9. – С. 16–19.

⁷ Чеботарев Г.Н. Трансформация права в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 2. – С. 4–8.

⁸ Якушев А.П. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дис.... д-ра юрид. наук. – Москва, 2020. – 531 с.

ной идентичности. В данном контексте, пересекаясь с ценностными ориентирами, развиваемыми, сохраняемыми и поддерживаемыми государством, вступая во взаимодействие с экономикой, образованием, государственным управлением, культура способна обогатить, приумножить общий потенциал государства, способствовать обеспечению его суверенитета.

Тем самым государственная политика по сохранению традиционных ценностей во многом пересекается с государственной культурной политикой, и в своей взаимосвязи оба эти явления государственной деятельности направлены на поддержку реализации культурных проектов и иной культурной деятельности, способствующей продвижению традиционных ценностей. При этом именно через эффективную правовую политику такая государственная политика будет реализовываться¹.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809, стали отправной точкой для начала выстраивания соответствующей государственной политики и указывают на необходимость корректировки документов стратегического планирования (подп. «а» п. 19), а также совершенствования системы поддержки проектов в области культуры (подп. «в» п. 19). В качестве задач государственной политики обозначаются, в том числе, поддержка соответствующих культурных проектов; формирование государственного заказа на создание произведений литературы и искусства, направленных на популяризацию традиционных ценностей, а также обеспечение контроля качества его выполнения (п. 24).

Таким образом государство обязуется поддерживать субъектов культурной деятельности и обеспечивать реализацию своей культурно-воспитательной функции. В связи с чем актуальна постановка проблемы правового обеспечения эффективности государственной поддержки сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры.

¹ Малько А.В. Теория правовой политики. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – С. 27.

Теоретические основы правовой политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры

Категория правовой политики является одной из наиболее востребованных в последнее время. Несмотря на то что к ней в разное время обращались ведущие правоведы, оформилась она в полноценную, самостоятельную теоретическую концепцию именно в работах А.В. Малько¹. Во многом с опорой на его работу было написано не одно правовое исследование. Так, в своей работе К.А. Устиленцев дал определение правовой политике в сфере охраны и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, а также разработал многоуровневую комплексную систему ее целей и задач².

В рамках данной статьи предполагается раскрыть основные характеристики правовой политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры.

Как представляется, *объектом правовой политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры* являются урегулированные нормами права общественные отношения, участники которых выступают в качестве носителей прав и обязанностей в процессе сохранения, создания, распространения и освоения культурных благ и традиционных духовно-нравственных ценностей.

Реализация правовой политики по сохранению традиционных ценностей – это, прежде всего, деятельность соответствующих субъектов в юридической сфере. Важнейшее значение будет иметь определение *субъектного состава* обозначенной политики. Такими субъектами могут выступать: публично-правовые образования; органы государственной власти и органы местного самоуправления; субъекты инфраструктуры государственной поддержки культурной деятельности (фонды поддержки); творческие союзы, общественные объединения в области культуры и искусства, креативных индустрий; организации культуры; а также индивидуальные деятели культуры.

Инфраструктуру государственной поддержки сферы культуры составляют организации, чья деятельность направлена на поддержку субъектов культурной деятельности, в том числе в области

¹ Малько А.В. Указ. соч.

² Устиленцев К.А. Указ. соч. – С. 14–18.

сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей. Таковыми организациями являются Фонд-оператор президентских грантов по развитию гражданского общества, Президентский фонд культурных инициатив, Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии (далее – Фонд кино), ООО «Российский фонд культуры» и др.

Важными характеристиками правовой политики являются ее цели и средства. *Цель правовой политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры* может быть определена как создание эффективного механизма правового обеспечения сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в процессе создания и сохранения культурных ценностей, предоставления культурных благ населению субъектами культурной деятельности.

Классификация общеправовых задач обозначенной политики К.А. Устиленцева включает охранительные, популяризационные, а также задачи, направленные на формализацию традиционных духовно-нравственных ценностей в российском законодательстве¹. Признавая высокий научный потенциал данной теоретико-правовой модели, следует отметить, что исследования отраслевой направленности позволят выработать эффективные подходы к регулированию данной сферы. Так в контексте финансового-правового института государственной поддержки такими задачами могут стать стимулирование формирования децентрализованных фондов организаций культуры за счет внебюджетных источников денежных средств; совершенствование контрольно-надзорных мер за деятельностью всех субъектов культурной деятельности, направленных на оценку эффективности расходования денежных средств и др.

Таким образом, эффективная правовая политика обеспечивает наступление желаемого социального эффекта и определяет способы достижения цели. Результатом этой политики должно стать создание благоприятных условий для реализации субъектами культурной деятельности своих талантов, возможностей, сохранения культурного наследия, традиционных духовно-нравственных ценностей.

Для достижения целей правовой политики используется система средств, включающая в себя сочетания специальных юридических инструментов, выражающих специфику данной политики,

¹ Устиленцев К.А. Указ. соч. – С. 16–18.

а также создающих условия для удовлетворения субъективных интересов.

Свое юридическое закрепление государственная культурная политика находит как в нормативных правовых актах, регулирующих отрасль культуры в целом, так и отраслевых законодательных и подзаконных актах. В связи с чем следует обратиться к анализу нормативно-правовых актов как инструментов правовой политики государственной поддержки сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры, с целью выявления отдельных юридических средств, создающих благоприятные условия ее развития. Кроме того, учитывая цель исследования, при рассмотрении содержания положений нормативных правовых актов представляется целесообразным остановиться именно на положениях стимулирующего характера.

Конституция РФ в ч. 4 ст. 68 определяет, что культура России является уникальным наследием ее многонационального народа, поддерживается и охраняется государством. В ходе реформы Конституции РФ в 2020 г. были внесены принципиальные положения, касающиеся государственной политики в области охраны и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры, таких как сохранение и защита исторической правды (п. 3. ст. 67.1), защита культурной самобытности народов и этнических общностей России, гарантии сохранения этнокультурного и языкового многообразия (п. 2 ст. 69), сохранение общероссийской культурной идентичности (п. 3. ст. 69).

Деятельность в сфере культуры регулируется Основами законодательства Российской Федерации о культуре от 09.10.1992 № 3612–1 (ред. от 24.06.2025), а также другими специальными федеральными законами, определяющими особенности правового регулирования отдельных сфер культуры. Среди них следует выделить федеральные законы: от 29.12.1994 № 78-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О библиотечном деле» (далее – Закон № 78-ФЗ); от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ред. от 12.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) (далее – Закон № 54-ФЗ); от 22.08.1996 № 126-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» (далее – Закон № 126-ФЗ) и др.

В указанных законах определяются положения финансовой поддержки государственного музейного фонда (ст. 18 Закона № 54-ФЗ), государственного финансирования кинематографии (гл. III Закона № 126-ФЗ), проведения государственной политики

по поддержке и развитию библиотечного дела (ст. 14–15 Закона № 78-ФЗ) и др.

На стимулирование меценатства и благотворительной деятельности, позволяющей организациям культуры привлекать дополнительные внебюджетные источники финансирования, направлены федеральные законы: от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» и от 04.04.2014 № 327-ФЗ «О меценатской деятельности».

Меры государственной поддержки отрасли проявляются также в основах, стратегиях, программах и других документах стратегического планирования, принимаемых на уровне Президента и Правительства РФ.

Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее – Указ № 309) в качестве национальных целей развития определена цель «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности», в рамках которой предполагается создание к 2030 г. необходимых условий для ее достижения на основе традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей (подп. «а» п. 3 Указа № 309); а также обеспечение продвижения и защиты традиционных ценностей в рамках не менее 80% проектов в сфере культуры, искусства и народного творчества, финансируемых государственными институтами развития к 2036 г. (подп. «ж» п. 3 Указа № 309).

Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом от 24.12.2014 № 808 (ред. от 25.01.2023), являются базовым актом совершенствования российского законодательства о культуре. Во введении Основ отмечается, что «основой общероссийской гражданской идентичности является исторически сложившаяся система российских духовно-нравственных ценностей, объединяющая самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации».

В разделе V Основ определяются принципы государственной культурной политики: приоритетная государственная поддержка культурной деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторической памяти и защиту исторической правды; осуществление государственного финансового контроля за деятельностью на

предмет соответствия финансируемых мероприятий целям государственной культурной политики.

В целях реализации вышеупомянутых документов уполномоченными федеральными органами исполнительной власти разрабатываются государственные программы и национальные проекты. Положения, касающиеся реализации политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей содержит Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры» (далее – Программа).

Во исполнение национальных целей развития разделом II Программы определены основные приоритеты государственной культурной политики: продвижение статуса культуры как национального приоритета; сохранение единого культурного пространства на основе традиционных духовно-нравственных ценностей как фактора национальной безопасности и территориальной целостности России и др.

Программа в п. 2 разд. III предусматривает, что создание условий для воспитания на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей будет осуществляться путем: поддержки реализации проектов, направленных на возрождение духовных традиций и сохранение национального культурного наследия; поддержки творческих проектов в области культуры, а также проектов, направленных на укрепление российской гражданской идентичности на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и др.

Еще одним важным документом является Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 11.09.2024 № 25.01-р (далее – Стратегия). В разделе II этого документа «Современное состояние, основные проблемы, перспективы развития российской культуры и государственной культурной политики» выделяются следующие основные проблемы реализации государственной культурной политики: неравномерное социально-экономическое развитие территорий, различие региональной обеспеченности организациями культуры; медленные темпы модернизации инфраструктуры организаций культуры, ограниченность внебюджетных доходов организаций культуры.

Приоритетными направлениями реализации Стратегии (разд. III) являются: обеспечение государственной поддержки культурной деятельности, способствующей сохранению традиционных ценностей; формирование государственного заказа на соз-

Особенности правовой политики государственной поддержки сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры

дание соответствующих произведений литературы и искусства, национальных фильмов; создание системы мониторинга реализации государственной культурной политики; разработка правовых инструментов привлечения внебюджетных средств; осуществление оценки и контроля эффективности реализации государственной культурной политики.

Ежегодно в посланиях Президента РФ уделяется особое внимание культуре, вопросам ее развития. Например, в Послании 2021 г. было предложено в ближайшие три года обеспечить за счет бюджетного финансирования обновления учреждений культуры в сельской местности, в малых исторических городах России¹. В Послании 2023 г. Президентом РФ было предложено использовать ресурсы Фонда президентских грантов, Фонда культурных инициатив, Института развития интернета, а также других специальных организаций для поддержки культурных проектов², а в 2024 г. Правительству России было поручено сформировать долгосрочную программу сохранения объектов культурного наследия России³.

Важное значение имеют бюджетные прогнозы, разрабатываемые и предоставляемые одновременно с проектом федерального бюджета в Государственную думу Федерального Собрания РФ (ст. 173 Бюджетного кодекса РФ (ред. от 24.06.2025) (далее – БК РФ)). Таким документом является Прогноз социально-экономического развития РФ на 2025–2027 гг.⁴, в котором говорится о предусмотренных бюджетных расходах на модернизацию и оснащение учреждений культуры, поддержку реализации творческих проектов, создание мест памяти, просветительского контента.

Наиболее весомой угрозой реализации рассмотренный выше правовой политики может стать ее возможная декларативность – потенциальная вероятность того, что мероприятия, обозначенные в документах стратегического планирования, так и не получают своего закрепления в действующее законодательство в области культуры и в дальнейшем не приведут к ожидаемому результату.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21.04.2021 г. // Российская газета. – 2021. – 22 апр.

² Там же. – 2023. – 22 февр.

³ Там же. – 2024. – 01 марта.

⁴ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг. (разработан Минэкономразвития России). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В связи с чем возведение сохранения традиционных ценностей в ранг национальных приоритетов влечет необходимость государственной поддержки соответствующей культурной деятельности. Ее приоритетность должна находить свое отражение во всех нормативных правовых актах, составляющих систему законодательства о культуре, и должна стать принципом, закрепленным как на уровне отраслевых федеральных законов о культуре, так и региональных. В дальнейшем такой принцип должен учитываться при формировании государственных программ и национальных проектов, а также последующем распределении бюджетных средств.

В связи с чем правовая политика находит свое воплощение не только в нормативных правовых актах, но и в совокупности правовых инструментов стимулирующего и контрольного характера.

Государственная финансовая поддержка сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры

Культура в силу своего созидающего, творческого характера, исключительной роли в общественном развитии, должна поддерживаться государством. Для реализации государственной культурной политики необходимо выстраивание эффективного механизма правового регулирования в области стимулирования субъектов культурной деятельности. Именно такую функцию выполняет институт государственной поддержки.

Понятие «государственная поддержка» является многоаспектным, и может включать в себя меры финансового, информационного, консультационного, организационного и иного характера. Однако, по большей части, сама суть предоставляемой государственной поддержки имеет все же финансовую природу, поскольку предоставление денежных средств, расходуемых на все остальные меры поддержки, регулируется именно нормами финансового права¹.

Для института государственной поддержки характерна его целенаправленность и системность. Необходимо воздействие всей системы финансово-правовых стимулов, направленных на реали-

¹ Швецова И.В. Бюджетное кредитование как самостоятельное направление финансовой деятельности публично-правовых образований в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук – Саратов, 2024. – С. 131.

зацию цели поддержки – создание эффективного механизма правового регулирования финансового обеспечения процесса сохранения и развития традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры. Государство как субъект воздействия должно подбирать подходящие правовые инструменты для придания стимулирующего эффекта для поддерживаемой сферы.

Культура – одна из постоянных статей расходов консолидированного бюджета Российской Федерации. Государство заинтересованно в сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры и постоянно выделяет средства финансового обеспечения. Основными инструментами бюджетного обеспечения в таком качестве будут выступать инструменты прямого, полного или частичного финансирования в форме бюджетных субсидий (ч. 1 ст. 78 БК РФ), грантов (ч. 7 ст. 78 БК РФ), предоставление государственных гарантий (ст. 115 БК РФ). Кроме того, инструментом бюджетно-правового стимулирования будет признаваться институт государственного заказа.

Государственная финансовая поддержка мероприятий по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры осуществляется также за счет иных источников, привлеченных от благотворительной и меценатской деятельности, а также государственно-частного партнерства. В связи с чем могут быть использованы и меры налогового стимулирования (предоставление налоговых льгот) как субъектов культурной деятельности, так и бизнес-сообщества, поддерживающего сферу культуры. Так, часть вторая Налогового кодекса РФ (ред. от 28.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) содержит целый ряд налоговых льгот, направленных на поддержку сферы культуры, меценатской, благотворительной деятельности и государственно-частного партнерства по налогу на добавленную стоимость (п. 27 ст. 251 НК РФ), налогу на прибыль (ст. 149–150; 284 НК РФ), а также дает возможность субъектам Российской Федерации предоставлять такие льготы по региональным и местным налогам (ст. 219 НК РФ).

Также значимой мерой может стать предложенная Президентом России инициатива государственной поддержки льготного кредитования в области сохранения объектов культурного наследия совместно с Корпорацией по развитию малого и среднего

предпринимательства¹. По своей сути – это объединение институтов поддержки культурных проектов и развития малого и среднего предпринимательства. Для восстановления объектов культурного наследия одновременно будут привлечены к процессу частные инвесторы и институт развития Корпорация «МСП», а также реализована оптимизация расходования бюджетных средств.

В механизм реализации института государственной финансовой поддержки должны быть встроены и элементы контрольного финансово-правового регулирования.

Финансово-правовыми инструментами государственной финансовой поддержки сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей также будут являться следующие:

– предварительная оценка проектов и мероприятий на соответствие традиционным ценностям при решении вопроса о целесообразности их государственной поддержки;

– текущий мониторинг достижения поставленных целей, в том числе с позиции анализа эффективности расходования бюджетных средств;

– последующее осуществление государственного контроля за соответствием финансируемых за счет средств бюджетов мероприятий целям и задачам обозначенной государственной политики.

Оценка проектов, программ и мероприятий на предмет соответствия традиционным ценностям при решении вопроса о целесообразности их поддержки может быть реализована посредством экспертизы содержания проектов, их целей, задач и ожидаемых результатов, в том числе посредством внедрения института общественной экспертизы проектов. Для реализации данного направления могут создаваться экспертные советы, состоящие из представителей научного сообщества, общественных организаций, деятелей культуры. Значимую роль может сыграть установление обязательной научной экспертизы в качестве этапа подготовки законов в сфере культуры. При реализации обозначенной меры важным будет являться определение правового статуса экспертов, организация инфраструктуры экспертной деятельности в данной области, а также разработка и внедрение методических рекомендаций и критериев оценки проектов, программ и мероприятий.

¹ См.: Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/77222> (дата обращения: 10.07.2025).

Предполагаемые меры могут быть схожи и организационно построены как механизм поддержки кинематографа, где Минкультуры России выполняет функции государственного заказчика производства и проката национальных фильмов, а также перераспределяет бюджетные субсидии на поддержку Фонда кино с учетом тематической направленности фильмов. В 2024 г. приоритетными стали темы российской культуры, науки, семьи, детства (приказ Минкультуры России от 15.02.2024 № 277 «Об утверждении приоритетных тем государственной финансовой поддержки кинопроизводства в 2024 году»).

При выстраивании системы мониторинга достижения целей государственной культурной политики Минкультуры России в рамках проведения мероприятий ведомственного финансового контроля необходимо также уделить особое внимание мониторингу информации о внебюджетных источниках финансирования соответствующих культурных мероприятий для оценки эффективности и корректировки существующей системы привлечения благотворительной и спонсорской поддержки.

Еще одним направлением реализации мер по поддержке сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей должны стать оценка эффективности расходования бюджетных средств. Так, Фонд кино наделен полномочиями оператора информационной системы, содержащей данные о посещаемости фильмов на основе информации о проданных билетах в кинотеатрах. Создание подобной платформы должно послужить анализу результативности выделения бюджетных средств.

Важной видится необходимость обеспечить прозрачность распределения средств финансовой поддержки. Члены экспертных советов, на которых возложены полномочия по отбору получателей средств поддержки, не должны быть аффилированы с организациями, претендующими на получение субсидий¹. В связи с чем при разработке положения об экспертных советах следует учитывать, что члены экспертных советов не должны иметь право в таких случаях оценивать и голосовать. Порядок отбора заявок должен предусматривать критерий успешности предыдущих проектов заявителя. Финансовая поддержка организаций, имеющих нега-

¹ Бюллетень Счетной палаты РФ. – 2019. – № 10. – С. 54.

тивный опыт в реализации проектов, несет риски неэффективного расходования средств бюджета¹.

Таким образом, контроль за целевым использованием денежных средств, предоставленных субъектам культурной деятельности, является важнейшей задачей обеспечения государственной политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что анализ нормативного правового регулирования сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей демонстрирует тесную взаимосвязь правовой политики по их сохранению с государственной культурной политикой.

Важным элементом правовой политики Российской Федерации по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере культуры является институт государственной финансовой поддержки, направленный на создание эффективного механизма финансового обеспечения обозначенной государственной политики.

Основными инструментами данного института будут являться прямое, полное или частичное финансовое обеспечение, финансирование проектов через организации инфраструктуры, предоставление государственных гарантий, а также институт государственного заказа. Также важное значение приобретают инструменты финансового контроля, включая предварительную оценку проектов на соответствие традиционным ценностям при решении вопроса о целесообразности их государственной поддержки, текущий мониторинг, а также осуществление последующего государственного финансового контроля достижения целей с позиции анализа эффективности расходования бюджетных средств.

¹ Еремина Е.А. Правовое регулирование финансового обеспечения государственной поддержки кинематографии // Вопросы экономики и права. – 2024. – № 197. – С. 12.

САФИНА С.Б.¹ ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ (Статья)

Аннотация. В статье рассматриваются правовое просвещение и правовое воспитание в качестве инструментов формирования правовой культуры. Выявляется смысл и особенности содержания деятельности по осуществлению правового просвещения и правового воспитания; дается обзор федеральных и региональных нормативных правовых актов, регулирующих правовое просвещение и правовое воспитание; анализируются основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан и стратегии воспитания. Отмечается, что основными сферами, формирующими правовую культуру, являются семья, школа и информационное пространство. Делается вывод, что правовое просвещение и правовое воспитание возможно только при учете нравственных основ российского общества, а повышение уровня правовой культуры в обществе подразумевает реализацию государством на деле основных правовых принципов.

Ключевые слова: правовое просвещение; правовое воспитание; правовая культура; нравственные основы; правосознание.

SAFINA S.B. Legal Education and Legal Upbringing as Instruments for the Formation of Legal Culture (Article)

Abstract. The article examines legal education and legal upbringing as tools for the formation of legal culture. The meaning and features of the content of activities for the implementation of legal education

¹ © Сафина Светлана Борисовна, секретарь Конституционного совета Республики Башкортостан, завкафедрой конституционного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, доктор юридических наук, доцент.

and legal upbringing are revealed; an overview of federal and regional regulatory legal acts governing legal education and legal upbringing is given; the foundations of the state policy of the Russian Federation in the sphere of development of legal literacy and legal awareness of citizens and the strategy of education are analyzed. It is noted that the main areas that shape legal culture are family, school and the information space. It is concluded that legal education and legal upbringing are possible only if the moral foundations of Russian society are taken into account, and raising the level of legal culture in society implies the implementation by the state of the basic legal principles in practice.

Keywords: legal education; legal upbringing; legal culture; moral foundations; legal consciousness.

Для цитирования: Сафина С.Б. Правовое просвещение и правовое воспитание как инструменты формирования правовой культуры (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 77–89. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2025.04.06

Введение

Формирование высокого уровня правовой культуры и полноценного гражданского общества, обеспечение верховенства закона являются основополагающими целями государственной политики в Российской Федерации. В формировании юридически зрелой личности одинаково важно и обладание правовыми знаниями (правовое просвещение), и выработка правовых убеждений, под воздействием обстоятельств переходящих в потребность правового поведения (правовое воспитание). В большинстве случаев человек не совершает противоправных действий не из-за страха быть наказанным, а потому что сам считает этот поступок опасным и противоречащим своим мировоззренческим принципам. В связи с этим правовое просвещение и правовое воспитание, способствующие распространению правовых знаний, идей, ценностей и воздействующие на личность в целях формирования мотивации законопослушного поведения, играют важнейшую роль среди прочих средств.

В целях формирования правовой культуры государство предусматривает деятельность по распространению правовых знаний и систематическому воздействию на сознание и поведение граждан органами публичной власти, общественными объединениями,

некоммерческими организациями, средствами массовой информации и др. Правовое просвещение и правовое воспитание неразрывно связаны с обучением, но в отличие от него не просто способствуют освоению правовых знаний, а ставят целью формирование человека как личности с внутренней потребностью следовать закону.

Правовая регламентация деятельности по правовому просвещению и правовому воспитанию

Система правового просвещения и правового воспитания достаточно хорошо регламентирована российским законодательством и активно реализуется. На сегодняшний день в этой сфере принято достаточно много законодательных норм, норм подзаконного характера, разработаны разного рода методические материалы, проводится немало научно-практических мероприятий. Одним из основных документов являются Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом РФ 28.04.2011 г. (далее – Основы), в соответствии с которыми правовое просвещение и правовое воспитание обозначены среди основных направлений государственной политики. Основы направлены на «формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения» (п. 3). В Основах в п. 10–11 отмечается, что «Недостаточный уровень правовой культуры и правосознания, правовой нигилизм граждан России являются серьезной проблемой обеспечения реализации принципов верховенства права», «...Правовой нигилизм девальвирует подлинные духовно-нравственные ценности, служит почвой для многих негативных социальных явлений (пьянство, наркомания, порнография, проституция, семейное насилие, бытовая преступность, пренебрежение правами и охраняемыми законом интересами окружающих, посягательство на чужую собственность, самоуправство, самосуд)».

Еще одним документом, затрагивающим правовое регулирование в исследуемой теме, является Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. Данная Стратегия, как отмечается в ней, «опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного

развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством». Примечательно, что в качестве целей, задач, направлений Стратегия развития воспитания обособленно не позиционирует правовое воспитание как таковое, не выделяет его, а лишь включает развитие правовой и политической культуры детей в гражданское воспитание наряду с расширением конструктивного участия в принятии решений, затрагивающих их права и интересы, в том числе в различных формах самоорганизации, самоуправления, общественно значимой деятельности. Между тем, на наш взгляд, устанавливая в Стратегии в качестве приоритета государственной политики создание условий для воспитания здоровой, счастливой, свободной, ориентированной на труд личности и формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, было бы оправданным определить правовое воспитание в качестве самостоятельного направления. Сегодня по поручению Президента РФ ведется системная работа по подготовке Стратегии развития образования до 2036 г. с перспективой до 2040 г., в которую вовлечены эксперты в области образования, педагоги, ректоры ведущих университетов, представители бизнеса и госкорпораций, непосредственно учащиеся и молодежь. Стратегия задумана с целью обеспечения всесторонней подготовки молодых поколений к вызовам будущего, но, судя по имеющимся в открытом доступе материалам, о правовом воспитании в проекте Стратегии речи не идет.

Отметим, что новая ст. 67.1 Конституции РФ, появившаяся в результате конституционных поправок 2020 г., признала «важнейшим приоритетом государственной политики России» детей, их «всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие», но о правовом воспитании в тексте статьи ничего нет. Конституционные нормы о всестороннем развитии детей находят свое подтверждение в принятых впервые или вносящих изменения в существующие нормативные правовые акты: федеральные законы «Об образовании в Российской Федерации», «О молодежной политике в Российской Федерации», «О российском движении детей и молодежи», а также указах Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравст-

венных ценностей» и др. Но на правовом просвещении и правовом воспитании там внимание не акцентируется.

Указание на правовое просвещение в федеральном законодательстве можно встретить там, где оно наряду с правовым информированием выступает в качестве формы воздействия в деле профилактики правонарушений и повышения уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан. Это федеральные законы «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Если обратиться к уровню региональных нормативных правовых актов, можно увидеть, что, в отличие от федерального законодателя, в некоторых субъектах РФ уже приняты специальные законы о правовом просвещении либо о правовом информировании и правовом просвещении (в Республике Удмуртия, Пермском крае, Владимирской, Воронежской, Кировской, Курганской, Ленинградской, Самарской, Саратовской, Тверской областях). В настоящее время подобный закон принимается в Республике Башкортостан (29 мая законопроект принят Государственным Собранием – Курултайем – в первом чтении). Закон «О правовом информировании и правовом просвещении в Республике Башкортостан» разработан в развитие вышеназванных Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан и направлен на урегулирование общественных отношений в сфере правового информирования и правового просвещения граждан на территории Республики Башкортостан. В качестве цели правового информирования и правового просвещения закон устанавливает систематическое распространение правовых знаний и воздействие на сознание и поведение граждан для формирования ценностных ориентаций и установок на необходимость соблюдения закона и уважения к праву.

Таким образом, следует признать, что в целом на сегодняшний момент мы имеем необходимый правовой и организационный механизм для ведения деятельности по повышению уровня правовой культуры. Однако сказать, что поставленные цели по формированию в обществе устойчивого уважения к закону и повышению уровня правовой культуры граждан, а также по внедрению в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм достигнуты, нельзя.

Сферы жизни, определяющие правовую культуру

Говоря о правовом просвещении и правовом воспитании, мы, безусловно, в первую очередь ориентируемся на молодежь. Специалисты говорят, что поколенческие ценности являются следствием экономической, политической и культурной модели общества и закладываются до 10–12-летнего возраста¹. Правовая культура – поколенческая ценность, следовательно, ее формирование должно начинаться достаточно рано. Правовое воспитание человека в раннем возрасте чрезвычайно важно, потому что уже тогда ребенок способен воспринимать правила человеческого общежития и усваивать навыки общения.

Правовое просвещение – систематический, планомерный труд. Его результаты не бывают моментальными и видны по прошествии нескольких лет. Толковый словарь В.И. Даля разъясняет: «просветить, просвещать» – значит «даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру; образовать ум и сердце»². Поэтому важно не просто дать правовые знания и разъяснить принципы, но и достучаться в сознание, сформировать убеждения – а это уже целенаправленное воспитательное воздействие. Заниматься правовым просвещением без воспитания нельзя. Недооценка в обществе роли общечеловеческих моральных ценностей, из которых проистекает фундаментальный правовой принцип «не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе», неизбежно приводит к правовому нигилизму и, как следствие, к негативным социальным явлениям и большим проблемам в жизненном, гражданском и профессиональном самоопределении молодежи.

Работа по правовому просвещению и правовому воспитанию осуществляется в разных сферах. Во-первых, позитивный тип правосознания и поведения закладывается в семье, определяется ее моральным климатом и законопослушным поведением родителей. Это очевидно, ведь семья для маленького ребенка служит моделью всего мира и по мере взросления человека прививает ему навыки

¹ См. Иванова А. О'кей, Игрек! Ценности и психологические особенности поколения Y (1981–1995 г. р.): научно-популярная монография. – Санкт-Петербург: СУПЕР Изд-во, 2022. – С. 26.

² Православный интернет-портал azbyka.ru. – URL: <https://azbyka.ru/otchnik/Spravochniki/tolkovyyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-p/10383> (дата обращения: 05.06.2025).

социализации, т.е. вхождения в общество и овладения его правилами и ценностями. Только родители ответственны за своевременное разъяснение детям того, что такое «хорошо» и что такое «плохо», что есть добро и что есть зло. Но сегодня нередко родители – это поколение, которое выросло уже без установки на приоритет духовного перед материальным, коллективного перед индивидуальным. Переход от Морального кодекса строителя коммунизма к свободе не для чего, а от чего – похож на кидание из крайности в крайность. Свобода рынка, свобода отношений, свобода убеждений и свобода поведения не привела, почему-то, к осознанию того, что за блага свободы надо уметь обречь себя на несвободу тоже. Ничего нет зазорного в желании жить в красивом доме, ездить в качественном автомобиле, носить красивые вещи и т.д. Вопрос в выборе средств достижения этих целей. Объявив в ст. 37 Конституции РФ свободу труда, позволив бесконтрольно владеть огромными материальными благами отдельным членам общества, государство потеряло аргумент для убеждения молодежи в правильности труда, и труда честного. Вот и истоки коррупции, мошенничества, краж и разбоев. Нельзя не согласиться с советом: «Если вы хотите вырастить хороших детей – тратьте на них в два раза меньше денег и в два раза больше времени»¹. Недостаток общения и духовной близости между ребенком и родителями – вот настоящий вызов сегодняшнего времени. Хотя многие взрослые, выросшие в послевоенное время, скажут, что «родители много работали» и «мы росли сами», при этом заметив, что «родители воспитывали своим примером». Надо учитывать, что в те времена не было много альтернатив родителям-воспитателям. Сейчас воспитательский вакуум с лихвой заменяется другими доступными средствами, и в первую очередь Интернетом. Очевидно, время предъявляет новые требования к формам и методам воздействия на умы молодежи, к способам убеждения в правильности законопослушного поведения, в следовании правомерному поведению по внутреннему убеждению, а не из-за страха наказания.

Во-вторых, важным источником и активным субъектом правового просвещения и правового воспитания являются образовательные учреждения различного типа и вида. Бесспорно, главный период формирования правосознания у молодого поколения – это время обучения в школе, когда ребенок учится общаться в коллек-

¹ Портал Проза. ру. – URL: <https://proza.ru/2016/02/01/1245> (дата обращения 15.06.25).

тиве, соотносить свои желания и возможности с желаниями и возможностями других детей, нести ответственность за свои поступки, осознавать свою роль в социальной группе.

Уже до школы у детей пробуждается понимание человеческого достоинства и его ценности в других людях, воспитываются уважение к окружающим, умение мирно разрешить конфликтную ситуацию. Дети должны научиться быть милосердными и дружелюбными, чтобы в дальнейшем это мотивировало их на правообразное поведение, не допускающее причинение физического и морального вреда, имущественного ущерба и т.п.

Формирование правосознания происходит и через изучение учебных предметов. В этом аспекте можно говорить о литературно-правовом воспитании, потому что правильный выбор литературного произведения для изучения и его правильный анализ оказывают подчас очень сильное влияние на формирование мировоззрения и жизненных принципов. Литературное произведение помогает уяснить и соотнести между собой такие понятия, как «мораль, право, законность, ответственность, достоинство, честь. Внимание обучающихся привлекается к вопросам этико-философского характера: о добре и зле, жизни и смерти, смене поколений, человеке и Боге, человеке и природе, человеке и нации, чести и долге, совести, нравственном выборе»¹.

Не менее важно и историко-правовое воспитание. Программы истории и обществознания, например, позволяют «организовать систематическое и целенаправленное освоение школьниками основных идей философии прав человека. В ходе изучения отечественной и всеобщей истории, обществознания обучающиеся получают представление о развитии человека и общества, о статусе индивида в рамках различных цивилизаций, о проблемах свободы и ответственности, гражданственности, причинах войн, конфликтов, способах их предупреждения»².

Значит ли это, что только гуманитарные дисциплины оказывают определяющее влияние на правовые установки обучающихся? Безусловно, нет. Потому что влияние на умы изучением любого учебного предмета определяется учителем: его убеждениями и поведением, его отношением к детям, его реакцией на конфликт.

¹ См.: письмо Министерства образования и науки РФ от 15.03.2007 № 03–519 «Об обучении старшеклассников правам человека в образовательных учреждениях Российской Федерации».

² Там же.

Личность учителя, его профессиональная подготовка будут иметь колоссальное значение в том, каким будет его воздействие на правовое сознание учащихся. Особенно это проявляется во внеурочной деятельности, когда воздействие происходит ненавязчиво и незаметно, а потому эффективно. Реакция педагога на события и проблемы во взаимоотношениях школьников имеет огромное значение в деле формирования нравственных правил, выстраивания взаимопонимания, воспитания терпимости и принятия другого человека.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утвержденный приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287 (ред. от 22.01.2024), предусматривает требование по формированию «личностных компетенций, внутренней позиции личности, необходимых для конструктивного, успешного и ответственного поведения в обществе с учетом правовых норм, установок уважительного отношения к своему праву и правам других людей на собственное мнение, личные убеждения; закрепление у них знаний о нормах и правилах поведения в обществе». В связи с этим не совсем понятно недавнее решение Минпросвещения об исключении изучения обществознания с 1 сентября 2025 г. из школьной программы шестых-седьмых классов, а с 1 сентября 2026 г. – из программы восьмых классов. Таким образом, обществознание останется только в девятих-одиннадцатых классах. Часть преподавательского сообщества по обществознанию усомнилась в пользе принятого решения, так как этот предмет играет важную роль в нравственном и правовом воспитании подростков. Именно в 13–15 лет важно знакомиться с правовыми нормами, особенностями моральной и юридической ответственности, и ожидаемое сокращение учебного курса может привести к поверхностному освоению знаний о праве, обществе и гражданской ответственности.

В-третьих, правовое просвещение и правовое воспитание не может осуществляться без информационных материалов, формирующих правосознание, без средств массовой информации. Рассчитанные на молодежную аудиторию печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы, безусловно, должны быть взвешенными по своему содержанию, а издательские культурно-массовые организации – не злоупотреблять свободой СМИ. Очевидно, нуждаются в государственной поддержке произведения, распространяющие в обществе модель законопослушного поведения, не содержащие элементов неуважения к правам личности

или не поэтизирующие криминальное поведение. Уже много лет в российском обществе превалирует точка зрения о том, что, несмотря на конституционный запрет цензуры, контроль за содержанием информации, предназначенной для детей и юношества, должен быть. Потенциал средств массовой информации в деле приобщения детей к элементарным общепринятым нормам и правилам, развития сферы правовых ценностей огромен.

Нравственные основы правового просвещения и правового воспитания

Также считаем бесспорным факт, что деятельность по правовому просвещению и правовому воспитанию невозможна без опоры на нравственные ориентиры. Признавая, что не любые нравственные постулаты буквально находят свое отражение в законодательстве, заметим, что идеологическая основа правового регулирования в обществе исходит из его традиционных нравственных ценностей. Право, как искусство добра и справедливости, должно опираться на нравственные императивы. Способность человека различать добро и зло является нравственным показателем, и именно он определяет фундамент правового сознания, а, следовательно, и правовой культуры. Абсолютно верно С.Н. Бабурин, анализируя Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809, говорит о неполном перечне духовно-нравственных ценностей, содержащихся в Основах. «Едва ли не на первом месте в иерархии высших духовно-нравственных ценностей традиционного русского общества должны быть названы любовь, вера, святости.... Любовь в духовных ценностях первична. Лишь любовь может быть превыше закона и справедливости»¹.

В конце мая 2025 г. председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин заявил, что в первом квартале 2025 г. зарегистрировано 5904 преступления, совершенных несовершеннолетними, что на 27,5% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а число тяжких и особо тяжких

¹ Бабурин С.Н. Цивилизационные ориентиры Конституции России (размышления над монографией «Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации») // Государство и право. – 2024. – № 11. – С. 75.

преступлений увеличилось в полтора раза¹. В Следственном комитете считают, что зачастую преступность среди подростков связана с «отрицательным примером взрослых», которые имеют преступный опыт. В последнее время также распространены преступления, причина которых связана с воздействием негативной информации в Интернете². Специалисты уже давно говорят о растущей немотивированной агрессии подростков, и этот рост продолжается. Нередки случаи, когда школьники пытаются самоутвердиться за счет унижения физически и психологически более слабых детей. Вызовам, которые предъявляет Интернет и социальные сети, на сегодняшний день нет противопоставления. Недостаток доверительного общения с родителями, неумение найти общий язык со сверстниками, неприятие другой личности и другой точки зрения формируют почву для общения посредством исключительно социальных сетей. Возможность бесконтрольно выражаться, найти практически всегда чью-то поддержку, не нести ответственность за оскорбления и травлю делают Интернет удобной площадкой для выражения своих эмоций и чувств.

Следует признать и не всегда удачное содержание заявленных программ, побуждающих детей к развитию управленческих компетенций и лидерству, на деле сводящихся к мотивации доминировать, и не всегда обоснованно. Почему-то мало акцентируется внимание на том, что успешная учеба, спортивные достижения, виртуозная игра на музыкальных инструментах – тяжелый труд. Как следствие – не в почете вообще труд, а умение заработать с минимальными усилиями – успех. Принятые и принимаемые стратегии, методики, планы мероприятий и т.п. не должны реализовываться формально. Модное сегодня «проектное управление», когда достижение поставленных целей реализуется в конкретно поставленный срок при ограниченных ресурсах, здесь абсолютно неуместно, потому что просветительский и воспитательский процессы – процессы «вдолгую» и не решаются кавалерийским наскоком. И как бы ни хотелось чиновникам с оптимизмом отрапортовать о достигнутых результатах, необходимо помнить, что правовое сознание (как и любое мировоззрение) не формируется на заказ. Очень много факторов идеологического и материального свойства

¹ Бастрыкин рассказал о резком росте подростковой преступности в 2025 году. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4525293> (дата обращения: 05.06.2025).

² Там же.

играют свою роль, и много связанных с ними задач еще предстоит решить.

Заключение

Осуществление правового просвещения и правового воспитания должно основываться на конституционной норме, гарантирующей создание государством условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей. Молодежная среда – самая чувствительная и отзывчивая, бурно реагирующая на все, что происходит вокруг. И именно в этой среде так высок сегодня запрос на главный правовой принцип – принцип справедливости. Нельзя не согласиться с И.А. Умновой-Конюховой, относящей справедливость, наряду с достоинством человека, к гуманистическим устоям общества и важным для России конституционным ценностям¹. В этой связи ученый предлагает дополнить Конституцию РФ нормами о признании земли и других природных ресурсов общенародным достоянием и гарантировании каждому гражданину справедливой доли от доходов, получаемых от их добычи, а также о справедливом перераспределении национальных благ, позволяющем не допускать бедность трудоспособного населения и богатства, нажитого неправомерным и несправедливым путем².

Правовое просвещение и правовое воспитание может быть результативным при условии совершенствования многих сфер жизни. В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан указаны основные факторы, влияющие на состояние правовой грамотности и правосознания граждан. Среди них: состояние законодательства, его адекватность реальной экономической и общественно-политической ситуации в стране, отражение в нем принципов равноправия и справедливости, соответствие интересам и потребностям населения; деятельность публичной власти, гарантирующая доступность юридической помощи и правосудия, эффективную деятельность правоохранительных органов, неотвратимость наказания за нарушение закона, строгое соблюдение

¹ См.: Умнова-Конюхова И.А. Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии: монография. – Москва: РУСАЙНС, 2021. – С. 278.

² См.: там же.

государственными и муниципальными служащими норм закона и профессиональной этики¹. И, конечно же, профессионализм педагогов, повышение уровня их юридической грамотности, совершенствование методической подготовки и программ их дополнительного образования. Уже давно назрел вопрос о положении учителя в российском обществе, престижа его профессии.

Очевидно, что только грамотная организация деятельности по формированию правового сознания, систематическая и профессиональная просветительская и воспитательная работа могут дать желаемые результаты в деле повышения уровня правовой культуры.

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом РФ 28.04.2011 № Пр –1168. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/ (дата обращения 15.06.25).

КОДАНЕВА С.И.¹ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ (Статья)

Аннотация. Сохранение традиционных ценностей невозможно без культурного наследия. Наступление цифровой эры привело к появлению инновационных методов в области защиты культурных ценностей. Цифровое пространство открывает новые возможности для сохранения и распространения культурного наследия – от оцифровки древних рукописей и артефактов до создания виртуальных музеев и онлайн-архивов. Однако вместе с этими возможностями возникают проблемы, которые требуют анализа и принятия соответствующих правовых мер. Настоящая статья посвящена изучению возможностей и рисков цифровизации для сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности; цифровое наследие; цифровой туризм; культурное наследие; патриотическое воспитание; молодежная политика.

KODANEVA S.I. Prospects for Legal Regulation of Digital Heritage in Russia (Article)

Abstract. The preservation of traditional values is impossible without cultural heritage. The advent of the digital age has led to the emergence of innovative methods in the field of cultural property protection. The digital space opens up new opportunities for the preservation and dissemination of cultural heritage, from the digitization of ancient manuscripts and artifacts to the creation of virtual museums and online archives. However, along with these opportunities, problems arise that require analysis and the adoption of appropriate legal measures. This article is devoted to the study of the opportunities and risks of digitalization for the preservation of cultural heritage.

¹ Коданева Светлана Игоревна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент.

Keywords: traditional spiritual and moral values; digital heritage; digital tourism; cultural heritage; patriotic education; youth policy.

Для цитирования: Коданева С.И. Перспективы правового регулирования цифрового наследия в России (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 90–104. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2025.04.07

Введение

Трансформация современного мира затрагивает не только международные отношения, но и фундаментальные ценности человечества. Несмотря на достижения в социально-экономической и технологической сферах, общество сталкивается с серьезной проблемой – постепенной утратой традиционных моральных и духовных основ. Россия не стала исключением в этом глобальном процессе. На нашу страну оказывает значительное влияние целый ряд внешних акторов: западные государства, транснациональные корпорации, зарубежные некоммерческие организации, религиозные объединения, а также экстремистские и террористические структуры. Их деятельность имеет два ключевых вектора воздействия. Первый – это попытка «переформатирования» российской культуры под западный образец, что может привести к размыванию исторически сложившихся духовных и культурных ценностей. Второй вектор связан с попытками продвижения радикальных идеологий и создания экстремистских групп, что представляет не меньшую угрозу для сохранения национальной идентичности.

Неслучайно в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, традиционные духовно-нравственные ценности рассматриваются как основа суверенитета России, база для развития общества и личности.

В соответствии с Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденными Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809, под таковыми понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историче-

ском и культурном развитии многонационального народа России. Иными словами, речь идет о духовном и культурном наследии, сформировавшемся за всю историю страны.

В международном праве культурное наследие признается жизненно важным компонентом человеческой идентичности, заслуживающим защиты и сохранения. Оно включает в себя как материальные, так и нематериальные элементы. К первым относятся объекты, подпадающие под действие Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия, Конвенции ЮНЕСКО 2001 г. об охране подводного культурного наследия, Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Нематериальное культурное наследие охраняется Конвенцией ЮНЕСКО 2003 г. об охране нематериального культурного наследия и включает устные традиции и формы выражения; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; а также знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

В Российской Федерации культурное наследие защищено Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Федеральным законом от 20.10.2022 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», согласно которому нематериальное этнокультурное достояние – это нематериальное культурное наследие народов РФ как совокупность присущих этническим общностям духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения. Помимо объектов, определенных в Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» в ст. 5 охватывает знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории, а также иные объекты. В этом Законе, как и в вышеуказанных стратегических документах Российской Федерации, под-

черкнута та важная роль, которую культурное наследие играет в сохранении национальной идентичности, без чего не могут возникнуть чувства патриотизма, сопричастности, ответственности за родной край, включая сохранение его уникальной природной среды, культурной самобытности, а в конечном итоге – стремление защищать свою родину, ее целостность и независимость и заботиться о ее гармоничном развитии и процветании.

Однако в современных условиях глобализации и культурной гомогенизации сохранение культурного наследия, особенно его нематериальной составляющей, становится все более сложной задачей. Развитие цифровых технологий также имеет значительный потенциал воздействия на данную сферу, причем как позитивный, так и негативный. В связи с этим представляется крайне важной объективная оценка данного потенциала, с тем чтобы максимально использовать возможности цифровых технологий и нивелировать связанные с ними риски, насколько это возможно.

Цифровое культурное наследие

Как отмечают Е.А. Проскурина и В.Н. Жуков¹, в прошлом передача культурных и духовных ценностей от поколения к поколению осуществлялась через традиционные каналы, такие как законодательство, мораль, фольклор, работа общественных лидеров и т.д. В цифровую эру эти традиционные способы стали терять свою эффективность. Появляются новые социальные группы и каналы коммуникации. Современное медиaprостранство, объединяющее как классические СМИ, так и новые цифровые платформы, создает собственные символы и образы, которые быстро распространяются и легко воспринимаются аудиторией. В отличие от традиционных притч и легенд, где смысл часто скрыт и требует глубокого осмысления, современный цифровой контент предлагает понятные и доступные формы передачи идей. Примечательно, что создавать такой контент теперь может любой пользователь Интернета, а не только профессиональные творцы или официальные институты. Это кардинально меняет механизмы формирования общественного сознания и культурного кода. Таким образом, формирование цифрового культурного наследия происходит в

¹ Проскурина Е.А., Жуков В.Н. Политика памяти как исследовательская проблема: вызовы и ответы в контексте политического процесса России // Закон и власть. – 2024. – № 6. – С. 185–189.

глобальном масштабе множеством субъектов, представляющих различные культуры и преследующих собственные цели.

Следует определить, что понимается под цифровым культурным наследием. Согласно Хартии ЮНЕСКО 2003 г. о сохранении цифрового наследия, оно охватывает «ресурсы в области культуры, образования, науки и управления, а также информацию технического, правового, медицинского и другого характера, созданную в цифровом виде или переведенную в цифровую форму из существующих аналоговых ресурсов. Многие из этих ресурсов имеют непреходящую ценность и значимость и поэтому представляются собой наследие, которое следует сохранять и защищать для современных и будущих поколений».

Цифровое культурное наследие можно разделить на две категории: собственно цифровое наследие (культурный контент, изначально созданный в цифровой форме) и оцифрованное наследие.

Первая категория представляет интерес в двух аспектах. Во-первых, специалисты в области археологии уже поднимают вопрос об отнесении подобного рода цифровых источников к предмету данной науки, поскольку изучение следов человеческой деятельности в цифровых сферах позволяет получить представление о формировании и эволюции виртуальных обществ¹. Во-вторых, в контексте темы настоящего исследования, цифровой культурный контент, в зависимости от его содержания, может способствовать как сохранению традиционных ценностей, так и их разрушению, сохранению исторической памяти или, напротив, искажению мировой истории, пересмотру взглядов на роль и место России в ней и т.д. Поэтому необходима взвешенная, но активная политика государства, обеспечивающая баланс между творческой свободой самовыражения в цифровой среде и защитой общественных интересов и ценностей, в том числе посредством блокировки контента, противоречащего традиционным российским духовным ценностям и искажающего историческую память.

Что касается второй категории объектов, то «достижения в области цифровых технологий, таких как Интернет вещей, искусственный интеллект, дополненная реальность и дистанционное зондирование, значительно облегчили изучение и сохранение

¹ Проскурина Е.А., Жуков В.Н. Политика памяти как исследовательская проблема: вызовы и ответы в контексте политического процесса России // Закон и власть. – 2024. – № 6. – С. 185–189.

культурного наследия, что тесно связано с принципами открытого доступа и права на культуру»¹.

Так, широкие возможности технологии предоставляют для библиотек и архивов, которые активно занимаются оцифровкой своих коллекций, что позволяет достигать сразу нескольких целей. Во-первых, расширение возможностей доступа для пользователей во всем мире, что направлено на реализацию конституционно закрепленных культурных прав граждан. При этом, как свидетельствует реализуемый в ЕС проект Europeana, создание единого цифрового хранилища рукописей и произведений искусства направлено на формирование у граждан ЕС общеевропейской идентичности и единой европейской гражданственности, поскольку отобранные для размещения в этом хранилище объекты призваны демонстрировать культурную, духовную и историческую общность всех образующих Союз народов². Этот пример представляется крайне важным и полезным и для России, поскольку формирование подобного единого онлайн-хранилища, объединяющего коллекции библиотек и музеев регионов России позволило бы не только сделать доступным знакомство с культурным наследием всех образующих страну народов, но и, при правильном подборе материалов, показать его историческую общность, сохраняя при этом традиции каждого народа.

Во-вторых, в научной литературе отмечается, что цифровое архивирование обеспечивает сохранность хрупких или приходящих в негодность материалов за счет создания электронных копий, снижая необходимость физического контакта с ними пользователей и исследователей³.

Не менее востребованными цифровые технологии являются в развитии археологии. Беспилотные летательные аппараты позволяют исследовать местность, а использование высоко детализированной фотосъемки и лидаров – выявлять археологические объек-

¹ Проскурина Е.А., Жуков В.Н. Политика памяти как исследовательская проблема: вызовы и ответы в контексте политического процесса России // Закон и власть. – 2024. – № 6. – С. 185–189.

² Capurro С., Plets G., Verheul J. Digital Heritage Infrastructures as Cultural Policy Instruments: Europeana and the Enactment of European Citizenship // International Journal of Cultural Policy. – 2024. – Vol 30, N 3. – P. 304–324.

³ Cultural Preservation and Digital Heritage: Challenges and Opportunities / Silviutina I., Tytar O., Barbash M., Petrenko N., Yepuk L. // Amazonia Investiga. – 2024. – Vol 13, N 75. – P. 262–273.

ты без физического присутствия человека, снижая риски повреждения таких объектов. Дроны и спутники обнаруживают объекты, находящиеся под поверхностью земли. С помощью технологий 3D-моделирования и цифровых близнецов возможно цифровое воспроизведение артефактов, памятников и археологических объектов, причем не только в их фактическом виде, но и в изначальном, что представляет новые возможности для реставрации и восстановления пострадавших артефактов. Искусственный интеллект также используется для идентификации и классификации найденных объектов, например, определения времени их происхождения, принадлежности определенной школе или даже автору и т.д. Искусственный интеллект позволяет восполнять пробелы в фрагментированных произведениях искусства или текстах.

Такой подход позволяет реконструировать древнюю среду обитания и модели человеческой деятельности, расширяя масштабы и глубину археологических исследований, что позволяет получить более глубокое представление об эволюции древних цивилизаций.

Ряд авторов отмечает потенциал цифровых технологий для сохранения памятников и иных материальных объектов культурного наследия. Так, с помощью беспилотных летательных аппаратов и специальных датчиков можно выявлять и отслеживать различные повреждения на таких объектах, включая эрозию материала, трещины и разрушения стен и т.д.¹

Тематические цифровые платформы позволяют реализовывать проекты краудсорсинга для сохранения как нематериального культурного наследия (местных традиций, обрядов, устных преданий и т.п.), так и вовлекать общественность в восстановление разрушенных памятников истории и культуры, расшифровку исторических документов или идентификацию артефактов².

Однако одного только материального сохранения наследия недостаточно. Главная его роль – это воспитание людей, формирование их духовной и культурной идентичности, связи между поколениями. Поскольку в противном случае при возникновении куль-

¹ Yuntao Lian, Jiafeng Xie. The Evolution of Digital Cultural Heritage Research: Identifying Key Trends, Hotspots, and Challenges through Bibliometric Analysis // Sustainability. – 2024. – Vol. 16. – Article number 7125.

² Жабко Е.Д. Формы и методы представления военно-исторического наследия в современной информационной среде // Вестник СПбГИК. – 2024. – № 4 (61). – С. 142–150.

турного разрыва молодые поколения будут в своем духовном и культурном опыте опираться не на историческое наследие, а на новое цифровое, которое, как было отмечено выше, подвержено рискам гомогенизации и вестернизации. Поэтому важно оценить возможности цифровых технологий в продвижении и популяризации традиционного культурного наследия, особенно в молодежной среде. Как показывают проведенные исследования, активное вовлечение молодых людей в ознакомление с культурным наследием своего региона и страны в целом помогает им утвердить свою самоидентификацию, а также развивать общую идентичность среди членов местного сообщества, что способствует их социальной интеграции¹. При этом следует учитывать, что молодые поколения все больше погружаются в виртуальные среды, где и приобретают основной жизненный опыт. В научной литературе даже получил распространение термин «цифровые аборигены» для описания молодых поколений, на когнитивные процессы и усвоение информации которых влияет постоянное воздействие разнообразных цифровых технологий.

Как показали многочисленные исследования², для более глубокого восприятия традиционного культурного наследия важно, с одной стороны, чувство сопричастности и погруженности, а с другой – аутентичности. Чувство сопричастности возникает, когда общие исторические факты дополняются индивидуальными историями личностей, мест или событий, усиленных за счет использования технологий виртуальной, дополненной или смешанной реальности, позволяющих ощутить себя участником соответствующих событий. Поэтому, все большее распространение получает так называемый цифровой туризм, который позволяет посетителям погрузиться в подлинное воссоздание исторических сцен или объектов с помощью технологий виртуальной, дополненной или смешанной реальности, обогащая их эмоции от посещения объектов культурного наследия. При этом установлено, что для посетителей важно ощущение аутентичности как самих экспозиций, так и цифровых визуализаций. Более того, приобретаемый ими в результате культурный опыт усиливает эмоциональную связь с наследием и желание глубже знакомиться с отраженными в нем историей

¹ Yingxin Zhang, Kaya D.I., van Wesemael P. An Assessment Framework for Digital Participatory Practices Engaging Youth in Cultural Heritage Management // Journal of Cultural Heritage. – 2024. – Vol. 70. – P. 408–421.

² Ibid.

и культурой, усиливает культурную самоидентификацию посетителей и желание сохранять культурное наследие¹.

Кроме того, «облачные выставки» стирают пространственные границы, позволяя расширять аудиторию и доступ к культурным ценностям. Например, в Китае проект «Цифровые коллекции» имеет целью сохранение культурного наследия в специальной метавселенной². В России подобный проект был реализован в 2023 г. в музее-панораме «Бородинская битва» – в метавселенной Spatial размещена экскурсия «1812: Образы Эпохи»³. Приложение «Артефакт» позволяет пользователям при помощи дополненной реальности увидеть, как выглядели древние здания и памятники, а также узнать о событиях, происходивших на этих территориях.

Таким образом, цифровые туристические платформы могут оптимизировать впечатления от путешествий, повысить удовлетворенность и сформировать намерения по сохранению культурной самобытности путем создания сценариев, сюжетных линий и режимов работы, которые дают посетителям ощущение подлинной истории. А цифровые помощники позволяют сделать материал более персонализированным, адаптировав его содержание и изложение под запросы конкретного пользователя, что также позволяет больше узнавать о культурном наследии, представленном в музее, и повышает удовлетворенность посетителей.

Пользуются успехом у молодежи технологии геймификации, включая так называемые «серьезные» игры, которые знакомят с культурным наследием в игровой форме. Например, в литературных VR-играх воссоздается обстановка литературного произведения, можно вести диалог с персонажем книги. Такие игры могут

¹ A Study on Shaping Tourists' Conservational Intentions Towards Cultural Heritage in the Digital Era: Exploring the Effects of Authenticity, Cultural Experience, and Place Attachment / Junjie Li, Xiangbin Peng, Xiaodong Liu, Huanchen Tang, Wei Li // Journal of Asian Architecture and Building Engineering. – 2025. – Vol. 24, N 3. – P. 1965–1984.

² Чэнь Ц. Музей будущего: сохранение и презентация культурного наследия в музеях цифровой эпохи на примере музеев КНР // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 2. – С. 54–61.

³ Ахтамзян Н.И., Ахтамзян А.И., Носова К.А. «Использование технологий метаверс для проведения виртуальных многопользовательских экскурсий: опыт музея-панорамы «Бородинская битва» // Историческая информатика. – 2024. – № 3. – С. 113–129.

стать отличной формой привлечения к чтению¹. Позволяют игры изучать историю в занимательной форме: например, в игре «Путь Батыра», визуальные образы которой основаны на материале традиционной культуры народа и национальных традициях². Еще одним направлением геймификации является знакомство с коллекциями музеев, например в игре «Загадочный дворец: Волшебная книга желаний», представленной Музеем Запретного города в Китае и основанной на архивах династии Цин³.

Однако следует учитывать, что сами по себе цифровые технологии не способны решить проблему просвещения молодежи и приобщения ее к культурному наследию. Требуется разработка комплексной нормативной правовой базы, направленной на выравнивание технических возможностей доступа (через школы, библиотеки, досуговые центры и т.д.), обучение правилам безопасного поведения в Интернете, навыкам аналитического мышления при работе с контентом, а также ограничение распространения контента, содержащего заведомо недостоверные данные и разного рода фальсификации. Это правовое регулирование должно охватывать различные отрасли права: образовательное, информационное, в сфере культуры и т.д.

Важно понимать двойственную природу цифровых технологий в контексте работы с культурным наследием. С одной стороны, они открывают широкие перспективы для сохранения и продвижения культурных ценностей, но с другой – создают определенные угрозы.

Существует распространенное заблуждение о неуязвимости цифрового пространства. Многие считают, что электронные архивы, не имеющие физических границ, способны обеспечить вечную сохранность знаний. Однако реальность оказывается куда более тревожной. Недавние инциденты с кибератаками на ведущие мировые учреждения культуры наглядно показали уязвимость циф-

¹ Шунков А.В., Тараненко Л.Г., Дворовенко О.В. Феномен Цифровизации культуры и искусства в России // Мир русскоговорящих стран. – 2024. – № 2 (20). – С. 105–128.

² Популяризация национального наследия через создание цифрового продукта – обучающей компьютерной игры / Ефремова У.П., Камаева В.А., Цесевичене О.А., Шумайлова А.Д. // Управление культурой. – 2024. – № 4. – С. 25–35.

³ Чэнь Цзин. Музей будущего: сохранение и презентация культурного наследия в музеях цифровой эпохи на примере музеев КНР // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 2. – С. 54–61.

ровых хранилищ. Это подчеркивает острую необходимость в разработке более надежных систем кибербезопасности для защиты цифровых архивов.

Еще одно заблуждение связано с тем, что цифровые платформы якобы защищены от влияния военных и политических конфликтов. Хотя, действительно, существует возможность сохранить культурное наследие в электронном виде, это не гарантирует его полную безопасность в условиях глобальных потрясений¹. Однако в литературе отмечается, что «противостоящие в таких конфликтах стороны могут использовать цифровые уязвимости для совершения той или иной формы культурного геноцида, культуры отмены. Нацеливаясь на цифровые хранилища, злоумышленники могут стереть целые культуры, этнические группы и идентичности из глобальной коллективной памяти, оставив будущим поколениям неполный рассказ об истории человечества»². Кроме того, технологии стремительно развиваются, и цифровые хранилища устаревают, становятся несовместимыми с новыми программным обеспечением и аппаратными комплексами. Поэтому следует использовать гибридные формы хранения (создание как цифровых, так и обычных бумажных копий наиболее ценных объектов).

Все более ярко проявляется проблема защиты авторского права и подлинности произведений, особенно в условиях интенсивного развития генеративных моделей искусственного интеллекта, которые атакуют интернет-ресурсы библиотек, музеев и иных организаций культуры, зачастую парализуя их работу, с тем чтобы использовать оцифрованные материалы для самообучения. Затем эти материалы нейросети используют при генерации ответов на запросы пользователей без указания на их изначальных авторов. Но, что еще более опасно для сохранения культурного наследия, алгоритмы могут выдавать «галлюцинации», т.е. фейковые ссылки на несуществующие работы, либо приписывать авторам тексты, которые те никогда не писали. При этом массовые пользователи воспринимают эти «выдумки» искусственного интеллекта как реальные и достоверные, что искажает их понимание культурного наследия. Следует согласиться с С.С. Ипполитовым в том,

¹ См., напр.: Cultural Preservation and Digital Heritage: Challenges and Opportunities / Siliutina I., Tytar O., Barbash M., Petrenko N., Yepyk L. // Amazonia Investiga. – 2024. – Vol 13, N 75. – P. 262–273.

² Dinh Nguyen C. Digital Cultural Heritage in the Crossfire of Conflict: Cyber Threats and Cybersecurity Perspectives // Insights. – 2024. – Vol. 37, N 7. – P. 1–11.

что сложившаяся практика активного использования ИИ неподготовленными молодыми людьми, не умеющими критически оценивать результаты работы нейросетей, но всецело полагающимися на достоверность полученного от них ответа, приведет к тому что «уже нынешнее поколение выпускников российских вузов может оказаться первым в череде подобных, чей национальный культурный код не только не будет сформирован за период получения высшего образования, но и то, что заложено семьей и школой, окажется трансформированным, размытым и искаженным вследствие рассмотренных выше процессов»¹.

Оцифровка культурного наследия часто приводит к его упрощению и утрате сложных межкультурных и многоязычных контекстов. Развитие социальных сетей также «может привести к фрагментации и коммерциализации культурного наследия, ослабляя его целостность и глубину»².

С другой стороны, из-за требований авторского права приходится отказываться от включения в различные мультимедийные проекты (даже если они размещаются для открытого доступа бесплатно) многих произведений, из-за чего пользователи лишаются части важного исторического и культурного знания. Поэтому возникает потребность в пересмотре соотношения авторского права и прав общественности в цифровой среде, а в более глобальном смысле – поиск баланса между правом на доступ к культурному наследию и правами собственников. Следует отметить, что в ЕС эту проблему осознали достаточно давно. Так, первым шагом стало принятие Рамочной конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества (известной как Конвенция Фару), которая, выходя за рамки исключительно сферы культуры, напрямую связывает доступ к культурному наследию с правами человека, с одной стороны, и декларирует использование такого наследия как основу устойчивого (в том числе экономического) развития Европы – с другой. Иными словами, в ней предпринята попытка найти баланс между свободным доступом к культурным ценно-

¹ Ипполитов С.С. Деструкция цифрового наследия: искусственный интеллект в культуре и образовании // *Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение.* – 2025. – № 1 (13). – С. 21–36.

² Systematic Review: a Scientometric Analysis of the Status, Trends and Challenges in the Application of Digital Technology to Cultural Heritage Conservation (2019–2024) / Weicong Li, Qian Xie, Jinghui Ao, Haopai Lin, Shanshan Ji, Mengsi Yang, Jiahui Sun // *Heritage Science.* – 2025. – Vol. 13. – Article N 90.

стям и интересами их правообладателей, в частности, на справедливое вознаграждение¹. ЕС занимает достаточно активную позицию в отношении цифровизации культурного наследия, рекомендуя государствам-членам принимать меры по оцифровке и открытию доступа к их культурному наследию. Ограничением для ЕС является то, что управление наследием находится в компетенции его членов, однако Союз стремится обойти это ограничение, пользуясь тем, что цифровой рынок – это сфера его компетенции. Так, например, Директива 2019/1024 об открытых данных содержит принцип, согласно которому материалы, находящиеся в открытом доступе, являются общественным достоянием, и распространяет этот принцип на оцифрованные культурные ресурсы, фактически открывая неограниченные возможности для их последующего использования третьими лицами.

В.Б. Наумов обращает внимание на еще одну проблему, связанную с развитием первой категории цифрового наследия, о которой было сказано выше. Это – утрата способности к самостоятельному творчеству, на смену которому приходит мгновенное получение «творческих» произведений, сгенерированных нейросетями². Этот процесс также требует осмысления и реагирования, в частности путем включения в образовательные стандарты курсов по развитию у детей и подростков навыков осознанного и критического использования нейросетей в качестве технического инструмента, дополнения к собственному творчеству, а не замены его.

Заключение

Учитывая рассмотренные выше примеры использования цифровых технологий, необходимо создание государственных платформ (или проектов, реализуемых под контролем государства), содержащих аутентичные и достоверные объекты как материального, так и нематериального культурного наследия и данные о них. Это могут быть платформы, объединяющие библиотечные,

¹ Dore G., Turan P. When Copyright Meets Digital Cultural Heritage: Picturing an EU Right to Culture in Freedom of Panorama and Reproduction of Public Domain Art // *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. – 2024. – Vol. 55. – P. 37–65.

² Наумов В.Б. Проблемы цифрового сохранения культурного наследия: в поисках социально-правовых решений // *Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)*. – 2024. – Т. 51, № 4. – С. 37–50.

архивные и музейные коллекции всех регионов России, а также предлагающие онлайн-экскурсии, спектакли, концерты, кинофильмы. При этом такие ресурсы должны использовать научно обоснованные технологии, позволяющие максимально усилить эмоциональный отклик и вызвать чувство сопричастности, вовлеченности у пользователей, что, как было отмечено выше, напрямую влияет на культурную самоидентификацию посетителей и их желание знакомиться с культурным наследием своей страны и сохранять его. Первые шаги в этом направлении уже делаются. Например, созданы портал Культура.рф, цифровая коллекция Российской государственной библиотеки, платформа «Дорога памяти» и др. Однако это только еще больше подчеркивает важность формирования адекватной нормативной правовой базы для реализации подобных проектов, начиная от вопросов авторско-правовой защиты объектов, размещенных в открытом доступе, их защиты от использования для обучения ИИ (или, напротив, регулирование порядка такого использования для обучения алгоритмов, созданных под контролем государства, что требует введения дополнительных требований к разработчикам и операторам нейросетей, например, через систему сертификации) и заканчивая требованиями к качеству используемого контента.

Необходима проработка возможности использования не-взаимозаменяемых токенов и блокчейна для сохранения цифровых образов объектов культурного наследия (особенно архивного, библиотечного и музейного фондов) и для подтверждения их подлинности, что приобретает особую актуальность в ситуации, когда генеративные нейросети подменяют реальные произведения своим «творчеством», тем самым приводя к деструкции культурного наследия.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразными разработка и принятие федерального закона о цифровом культурном наследии, который бы создавал правовые основания для формирования такового (поскольку в настоящее время отдельные нормы об оцифровке тех или иных объектов культурного наследия разбросаны по различному отраслевому законодательству). Урегулировал бы вопросы стандартизации технических требований к цифровым хранилищам различных организаций культуры, оборудования и программно-аппаратных средств. Создал правовые основания для выявления, идентификации (для чего нужны нормативно закреплённые критерии) и блокировки контента, направленного на деструкцию российского культурного наследия.

Не менее важным является вопрос привлечения пользователей на соответствующие платформы, особенно школьников и студентов. Для этого представляется необходимым включение в образовательные программы школьного образования курсов по использованию Интернета и чат-ботов, направленных на формирование навыков критического отношения к полученным результатам. Помимо этого, «в учебные планы школ и образовательные программы должны быть включены посещение онлайн-музеев, реализация проектов с использованием указанных выше платформ, содержащих официальную и достоверную информацию»¹.

¹ Горшкова М.А., Ефремов А.В. Использование цифровых платформ для воспитания патриотизма у подростков // Человеческий капитал. – 2025. – № 04 (196). – С. 53–64.

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 342

DOI: 10.31249/iajpravo/ 2025.04.08

ТЕЛЯТИЦКАЯ Т.В.¹ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПОДХОДЫ (Статья)

Аннотация. В условиях цифровизации государственное управление сталкивается с новыми вызовами, включая рост административных правонарушений в электронной среде. В статье анализируются правонарушения, связанные с нарушением правил дорожного движения, с использованием цифровых платформ, электронного документооборота, онлайн-торговли и др., исследуются правовые механизмы противодействия таким правонарушениям, их оптимизация и адаптация к реалиям цифрового государства. Особое внимание уделено зарубежному опыту в сфере административной ответственности, включая штрафные санкции, альтернативные меры и цифровые инструменты мониторинга. Проведен сравнительный анализ подходов к административному принуждению в зарубежных странах и в правовой системе Республики Беларусь. Обоснована необходимость внедрения инновационных механизмов, учитывающих баланс между эффективностью мер принуждения и защитой прав граждан в цифровой среде. Представлены практические рекомендации по совершенствованию административно-правового регулирования для повышения эффективности государственного контроля за цифровыми процессами.

¹ © *Телятицкая Татьяна Валерьевна*, кандидат юридических наук, профессор кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь; e-mail: tvt@tut.by

Ключевые слова: цифровое государство; административные правонарушения; административная ответственность; правовые механизмы; цифровизация; международный опыт.

TELYATITSKAYA T.V. Administrative Responsibility in the Digital Age: Challenges and Approaches (Article)

Abstract. In the context of digitalization, public administration faces new challenges, including a growing number of administrative offenses committed in the electronic environment. This article analyzes offenses related to traffic violations, the use of digital platforms, electronic document management, online commerce, and other areas. It examines the legal mechanisms for countering such offenses, their optimization, and adaptation to the realities of the digital state. Particular attention is paid to foreign experience in the field of administrative liability, including fines, alternative measures, and digital monitoring tools. A comparative analysis is conducted of administrative enforcement approaches in foreign countries and the legal system of the Republic of Belarus. The necessity of introducing innovative mechanisms that ensure a balance between the effectiveness of enforcement measures and the protection of citizens' rights in the digital environment is substantiated. Practical recommendations are offered for improving administrative and legal regulation to enhance the effectiveness of state control over digital processes.

Keywords: digital state; administrative offenses; administrative liability; legal mechanisms; digitalization; international experience.

Для цитирования: Телятицкая Т.В. Административная ответственность в цифровую эпоху: современные вызовы и подходы (Статья) // Социальные новации и социальные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 105–119. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.08

Введение

Электронное государство становится неотъемлемой частью современной системы государственного управления, способствуя упрощению взаимодействия между гражданами, бизнесом и органами власти. Однако цифровизация неизбежно порождает новые вызовы, включая рост числа административных правонарушений в цифровой среде. В этих условиях возникает необходимость адаптации правовых механизмов противодействия таким нарушениям.

Особую актуальность эта проблема приобретает для Республики Беларусь, где развитие цифровой инфраструктуры требует не только модернизации правовой базы, но и учета лучших зарубежных практик. Анализ зарубежного опыта позволяет выявить эффективные меры административной ответственности, включая штрафные санкции, альтернативные наказания и цифровые инструменты мониторинга. Эти меры охватывают широкий спектр правонарушений – от нарушений правил дорожного движения и обработки персональных данных до злоупотреблений в сфере онлайн-торговли, нарушения налогового режима в цифровой среде, подделки электронных подписей и неправомерного доступа к государственным цифровым сервисам.

Целью данной статьи является исследование существующих административных механизмов регулирования правонарушений в цифровой среде, выявление их недостатков и разработка предложений по их совершенствованию.

Проблемы административных правонарушений в цифровой среде

В контексте борьбы с административными правонарушениями в цифровой среде изучение зарубежного опыта приобретает особую значимость. Современные зарубежные правовые системы предлагают широкий спектр решений, включая цифровые инструменты для мониторинга и пресечения правонарушений, что может быть полезным для адаптации отечественного законодательства. Например, в ряде стран применяются автоматизированные системы мониторинга, такие как камеры контроля скорости или программы анализа данных, позволяющие быстро выявлять и фиксировать нарушения. Эти технологии демонстрируют высокую эффективность и могут быть интегрированы в белорусскую систему административного регулирования.

Подобные технологии используются не только в транспортной сфере. Например, в Канаде и Эстонии применяются цифровые решения для выявления нарушений в области электронной отчетности, налоговой дисциплины и соблюдения обязательств при дистанционной продаже товаров. В Сингапуре действуют административные меры за искажение информации при подаче электронных заявлений, включая подделку электронных подписей. В Литве активно развивается практика санкций за нарушение законодательства о цифровой торговле.

Следует отметить, что законодательство об административных правонарушениях большинства зарубежных стран отличается более карательным уклоном по сравнению с аналогичным законодательством Республики Беларусь. В условиях цифровизации такой подход также распространяется на правонарушения в электронной среде. Например, в Японии административные правонарушения, связанные с использованием цифровых технологий для незаконной деятельности, могут наказываться штрафами до 1 млн иен. Например, в 2025 г. Фумихиро Отобе был оштрафован на 500 000 иен за модификацию и продажу игровых консолей Nintendo Switch с предустановленными пиратскими играми¹.

В Германии административные правонарушения, связанные с неправомерным использованием персональных данных или киберугрозами, могут караться штрафами в размере до 50 000 евро. Согласно § 43 Федерального закона о защите данных (BDSG), такие штрафы применяются за нарушения, связанные с обработкой персональных данных и обеспечением информационной безопасности².

Даже в КоАП РФ употребляется термин «наказание» вместо ранее существовавшего (и сохранившегося в законодательстве Республики Беларусь) термина «взыскание». Российские ученые подчеркивают, что использование термина «наказание» изменило общий подход к мерам административной ответственности, ее роли в обеспечении публичных интересов и оценки степени вмешательства в личную свободу³. Этот термин акцентирует внимание на повышенной степени общественной опасности административных правонарушений, а также на их значимости для поддержания порядка в обществе. Однако такой подход, как представляется, в определенной степени размывает грань между административными и уголовными мерами воздействия, что не всегда оправдано. Особенно это важно в контексте цифровой среды, где нарушения

¹ Japanese man receives suspended 2-year prison sentence for selling modified Switch consoles // Polygon. – URL: <https://www.polygon.com/news/558268/japan-conviction-switch-modifying-hacking-prison-sentence-fine> (дата обращения: 15.04.2025).

² Fines, Penalties and Damages for Data Protection Violations – GDPR Series. Part 2 // Planit Legal. – URL: <https://planit.legal/en/fines-penalties-and-damages-for-data-protection-violations-gdpr-series-part-2/> (дата обращения: 15.04.2025).

³ Шишкина О.Е. Административная ответственность в России сквозь призму истории: монография. – Москва: Проспект, 2025. – С. 151.

могут быть как незначительными, так и крайне серьезными, что требует гибкого подхода к выбору санкций.

Белорусский законодатель, сохранив термин «взыскание», тем самым подчеркивает более мягкий характер административной ответственности, делая ее ближе к дисциплинарной, чем к уголовной. Такой подход соответствует принципам справедливости и пропорциональности в правоприменении, что особенно важно в условиях цифровизации. В цифровой среде, где правонарушения могут варьироваться от технических ошибок до намеренных действий, излишне карательные меры могут привести к неоправданным ограничениям и негативным последствиям для пользователей и бизнеса.

Что касается зарубежной практики, большинство зарубежных стран используют универсальный термин «санкции», который охватывает широкий спектр мер воздействия. Эти санкции варьируются от штрафов до альтернативных мер, таких как обязательные образовательные программы, социальные работы или временные ограничения на доступ к цифровым ресурсам. Например, в некоторых странах цифровые правонарушения, такие как злоупотребление личными данными, могут наказываться временной блокировкой учетных записей или ограничением доступа к онлайн-платформам. Эти подходы позволяют более точно учитывать природу цифровых правонарушений и обеспечивать пропорциональность наказания.

В любом случае, бесспорным является то, что «именно в административных наказаниях заключен основной принудительный потенциал, выражающийся в личных имущественных, а также организационных отношениях»¹. В условиях электронного государства этот потенциал приобретает новые формы, включая цифровые санкции и меры принуждения, которые становятся важным элементом современного административного права. Это позволяет обеспечивать баланс между необходимостью соблюдения правопорядка и защитой прав граждан в цифровой среде.

Следует отметить, что такой подход, при котором акцент делается на усиление карательной составляющей, может привести к излишней жестокости в отношении мелких правонарушений. Особенно это актуально в условиях цифровой среды, где нарушения

¹ Административное принуждение в финансово-экономической сфере: состояние и тенденции развития: монография / под ред. А.В. Куракина, Г.Ф. Ручкиной. – Москва: Русайнс, 2021. – С. 33.

могут быть случайными или техническими. Например, неумышленное нарушение правил использования цифровых платформ или государственными онлайн-сервисами не всегда требует применения суровых мер. В этой связи становится важным внедрение гибких инструментов, позволяющих адаптировать ответственность к конкретным условиям и обстоятельствам правонарушения.

Несмотря на различия в подходах, изучение зарубежного опыта в области административной ответственности может помочь определить наиболее эффективные меры борьбы с правонарушениями, которые будут соответствовать современным вызовам и потребностям Республики Беларусь. Зарубежные страны демонстрируют разнообразие в подходах, включая внедрение цифровых технологий для мониторинга и управления административными правонарушениями, таких как автоматизированные системы контроля и алгоритмы для определения степени вины.

Подходы к административной ответственности в Беларуси и зарубежных странах

Помимо национальных правовых решений, важно учитывать международные документы, в том числе Конвенцию о киберпреступности (Будапештская конвенция 2001 г.), в которой подчеркивается необходимость выработки национальных механизмов противодействия цифровым правонарушениям¹. Хотя документ ориентирован преимущественно на уголовную сферу, он может служить ориентиром и при построении административных механизмов реагирования, особенно в части защиты цифровых данных и ответственности за вмешательство в электронные системы.

КоАП Республики Беларусь предусматривает следующие виды административных взысканий: штраф, общественные работы, административный арест, лишение права заниматься определенной деятельностью, депортация, конфискация, взыскание стоимости, запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений. Эти меры, хотя и достаточно разнообразны, нуждаются в адаптации к условиям цифровой эпохи.

Законодательство зарубежных стран в этом плане разнообразнее, хотя штраф предусмотрен везде и практически за все виды

¹ Convention on Cybercrime (ETS N 185) // Council of Europe. – URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185> (дата обращения: 15.04.2025).

административных правонарушений. Причем, есть достаточно интересные подходы в вопросах определения суммы штрафа и выбора альтернативных санкций.

В зарубежной практике можно выделить пять основных подходов к наложению штрафов, которые демонстрируют разнообразие механизмов административной ответственности, ориентированных на справедливость и эффективность. Одним из наиболее интересных является *пропорциональный подход*, предусматривающий наложение штрафов с учетом уровня дохода виновного лица. Это позволяет обеспечить равномерность воздействия штрафов на лиц с различным финансовым положением, делая наказание ощутимым для всех категорий нарушителей. Для лиц с высоким доходом штрафы могут быть значительно выше, а для граждан с низкими доходами – более посильными, что создает баланс между справедливостью и практичностью.

Пропорциональный подход требует дополнительного анализа доходов нарушителя, что, однако, может затруднить его применение в массовых правонарушениях. Тем не менее он активно используется в ряде стран. Так, в США на федеральном уровне действует система Federal Poverty Guidelines, которая устанавливает минимальный уровень дохода, остающийся у лица после уплаты штрафа¹. Это позволяет избежать ситуаций, когда административные санкции становятся чрезмерно обременительными для граждан с низкими доходами.

Канада также внедрила элементы пропорциональности в систему наложения штрафов. Например, в провинции Онтарио в 2021 г. были внесены изменения в законодательство, позволяющие судьям учитывать доходы и финансовое положение нарушителя при определении размера штрафа². Такой подход не только обеспечивает справедливость, но и повышает доверие граждан к правовой системе, так как исключает ситуацию, при которой одинаковые штрафы оказывают непропорциональное воздействие на людей с разным уровнем дохода.

¹ Federal Poverty Guidelines // An official website of the United States government. – URL: <https://www.healthcare.gov/glossary/federal-poverty-level-fpl/> (дата обращения 28.01.2025).

² Build Ontario Act (Budget Measures), 2021, S.O. 2021, с. 40 – Bill 43 // Ontario.ca. – URL: <https://www.ontario.ca/laws/statute/s21040> (дата обращения: 14.04.2025).

В условиях цифровизации этот подход может быть дополнен использованием автоматизированных систем, которые анализируют доходы нарушителя на основе данных налоговых или социальных служб. Это снизит административные издержки и ускорит процесс определения пропорциональных штрафов. Применение такого механизма особенно актуально в электронных государственных сервисах, где цифровые технологии могут стать основой для создания гибкой и справедливой системы наложения взысканий.

Абсолютный подход представляет собой систему, при которой штрафы за административные правонарушения устанавливаются на основе фиксированной суммы, независимой от уровня дохода виновного лица. Этот метод обеспечивает ясность и предсказуемость наказания, так как размер штрафа заранее определен и не подлежит индивидуальной корректировке. Такие фиксированные суммы часто применяются в сфере дорожного движения, где единообразие штрафов помогает поддерживать порядок и дисциплину на дорогах.

Примером эффективного использования абсолютного подхода является практика Великобритании, где штрафы за нарушения в области безопасности дорожного движения определяются таблицей, привязанной к конкретным видам правонарушений¹. В этой системе тип и степень нарушения прямо влияют на размер наказания, что исключает субъективный фактор в правоприменении. Аналогично, в Германии фиксированные штрафы зависят от тяжести правонарушения, что делает систему понятной для всех участников правовых отношений².

Абсолютный подход обладает рядом преимуществ, таких как прозрачность и простота администрирования. Он позволяет избежать сложных расчетов и анализа, связанных с финансовым положением нарушителя, что особенно важно при массовом характере правонарушений. Однако этот метод имеет и существенные недостатки. Применение фиксированных штрафов может оказаться несправедливым, особенно для лиц с низким доходом, для которых сумма штрафа может стать чрезмерно обременительной.

¹ Road Traffic Offenders Act // The Official Home of Revised Enacted UK Legislation 1267-Present: Changes Over Time – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/53/contents> (дата обращения: 30.01.2025).

² Зенькович Е.В. Административная ответственность в ряде стран Европы: сравнительное исследование: монография. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 128 с.

В то же время для граждан с высоким уровнем дохода такие штрафы могут быть практически незаметными, что снижает их дисциплинирующий эффект.

В условиях цифровизации абсолютный подход может быть дополнен использованием современных технологий, таких как электронные таблицы штрафов, доступные через государственные онлайн-платформы. Эти системы могут быть интегрированы с электронными базами данных для оперативного расчета штрафов и автоматизации процесса их уплаты. Однако остается важным вопрос справедливости, особенно в тех случаях, когда фиксированные штрафы применяются к нарушениям, связанным с цифровой средой, где последствия правонарушений могут сильно различаться. Введение дополнительных механизмов, таких как скидки за оперативную уплату штрафа или образовательные программы вместо штрафов, может частично компенсировать недостатки абсолютного подхода и сделать его более адаптивным.

Система «очков» представляет собой модель административного регулирования, при которой каждое правонарушение оценивается определенным количеством баллов (очков), на основании которых затем определяется размер штрафа или применяются другие меры ответственности. Этот подход широко используется в ряде стран, главным образом для регулирования нарушений в сфере дорожного движения, но имеет потенциал для применения и в других областях, включая цифровую среду.

В США система «очков» активно применяется для оценки тяжести нарушения правил дорожного движения, причем ее параметры варьируются в зависимости от штата. Например, в Калифорнии превышение скорости на 1–15 миль в час оценивается в 1 очко, на 16–25 миль – в 2 очка, а на 26 миль и более – в 3 очка. Также 1 очко присваивается за проезд на красный свет. При достижении определенного порога очков (например, 4 очка за 12 месяцев) нарушителю высылается официальное предупреждение (Warning Letter), напоминающее о необходимости соблюдения правил¹. С увеличением количества очков возможны дополнительные санкции, такие как прохождение курса обучения безопасному

¹ Negligent Operator Treatment System (NOTS). – URL: <https://www.ticketcrusherslaw.com/traffic-ticket/negligent-operator-hearings/#.~:text=The%20Negligent%20Operator%20Treatment%20System,identify%20negligent%20or%20careless%20drivers> (дата обращения 23.01.2025).

вождению или даже временное изъятие водительского удостоверения.

Основное преимущество системы «очков» заключается в ее способности учитывать тяжесть каждого правонарушения и применять дифференцированный подход. Такой метод позволяет постепенно усиливать ответственность, создавая условия для коррекции поведения нарушителя. Например, наряду со штрафами система предусматривает воспитательные меры, такие как обязательное посещение курсов, направленных на предотвращение повторных нарушений.

Однако система имеет и свои недостатки. Во-первых, она может вызывать споры среди нарушителей, которые считают, что индивидуальные обстоятельства их дела не были учтены. Во-вторых, для ее эффективного функционирования требуется хорошо отлаженная система учета нарушений и обмена данными между различными ведомствами.

В условиях цифровизации система «очков» может быть адаптирована для использования в онлайн-среде. Например, нарушения, связанные с цифровыми услугами (нарушение правил использования платформ, рассылка спама, нарушение авторских прав), могут оцениваться с помощью балльной шкалы. Интеграция с государственными электронными сервисами позволит автоматизировать сбор данных о нарушениях и оперативно уведомлять граждан об их статусе. Дополнительно можно предусмотреть возможность уменьшения количества очков за участие в обучающих программах или своевременное устранение последствий нарушения.

Индивидуальный подход к наложению административных штрафов предполагает учет степени вины нарушителя и его индивидуальных обстоятельств, таких как уровень дохода, семейное положение, состояние здоровья и другие факторы. Такой подход направлен на обеспечение справедливости и пропорциональности наказания, делая его более адаптивным и эффективным в предотвращении повторных нарушений.

Примером успешного применения индивидуального подхода является Финляндия, где размер штрафов за превышение скорости и другие административные правонарушения определяются не только степенью нарушения, но и персональными характеристиками нарушителя. Например, для расчета штрафа учитываются доходы лица, предыдущие нарушения и смягчающие обстоятельства. Более того, в некоторых случаях штраф может быть уменьшен или отменен, если нарушитель признает свою вину и выпол-

нит дополнительные условия, такие как прохождение курсов по безопасности дорожного движения¹. Этот подход позволяет не только наказать виновного, но и способствовать его исправлению, минимизируя вероятность повторных правонарушений.

Индивидуальный подход обладает рядом значительных преимуществ. Он позволяет избежать ситуаций, когда одинаковый штраф оказывается чрезмерно обременительным для граждан с низким доходом и незначительным для лиц с высоким уровнем дохода. Кроме того, индивидуализация наказания повышает его воспринимаемую легитимность, что, в свою очередь, способствует укреплению доверия граждан к системе правосудия.

Однако применение индивидуального подхода также имеет свои ограничения. Основным вызовом является его сложность в администрировании. Требуется сбор и анализ большого объема данных о нарушителе, что может быть трудозатратным и дорогостоящим. Кроме того, такой подход может вызвать критику со стороны общественности, которая может воспринимать смягчение наказания как несправедливое, особенно если основанием являются субъективные обстоятельства, такие как высокий социальный статус или принадлежность к определенной категории граждан.

В условиях цифровизации индивидуальный подход может быть значительно усовершенствован за счет использования технологий больших данных и автоматизации процессов анализа информации. Например, цифровые платформы государственных органов могут собирать и анализировать данные о доходах, семейном положении и предыдущих нарушениях граждан для оперативного расчета справедливого штрафа. Также можно предусмотреть использование электронных сервисов для прохождения образовательных курсов.

Альтернативные санкции представляют собой меры административной ответственности, которые применяются вместо штрафов и нацелены на исправление поведения нарушителя. Они позволяют не только наказывать, но и предупреждать повторные правонарушения, оказывая воспитательное и превентивное воздействие. Такой подход особенно актуален в условиях цифровизации, где нарушения могут быть связаны с недостаточной осведом-

¹ Закон о дорожном движении Финляндии (Liikennelaki) // Finlex Data Bank. – URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1981/19811269> (дата обращения 30.01.2025).

ленностью граждан или неумением правильно использовать цифровые технологии.

В ряде стран уже успешно реализуются механизмы альтернативных санкций. Например, в Германии нарушители правил дорожного движения часто направляются на курсы по безопасности дорожного движения, где они изучают основы безопасного поведения на дорогах. Также в Германии широко практикуются общественно полезные работы, направленные на исправление нарушителя и его дальнейшую социализацию¹. Нидерланды предлагают нарушителям посещать специальные «курсы правильного поведения на дороге», где акцент делается на формирование навыков ответственного поведения за рулем². Аналогичный подход используется в Японии, где нарушители не только проходят образовательные программы, но и выполняют общественные работы, помогающие осознать последствия своих действий³.

Особенно интересен опыт Канады, где применяются альтернативные меры воздействия на нарушителей, проявивших агрессию или другие формы антисоциального поведения. В частности, организация John Howard Society of Waterloo-Wellington предлагает программы для взрослых, включающие тренинги по управлению гневом, решению проблем и финансовой грамотности. Эти программы направлены на снижение вероятности повторных нарушений и улучшение адаптации участников к требованиям общества⁴.

Помимо традиционных альтернативных мер, в различных странах также применяются инновационные подходы. Например, нарушители могут быть направлены на предупредительные программы, демонстрирующие последствия правонарушений и формирующие навыки их предотвращения. В некоторых случаях используется отработка ущерба, где нарушитель выполняет определенную работу для компенсации ущерба, причиненного по-

¹ Medical-psychological assessment (Germany) // Wikipedia. – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Medical-psychological_assessment_\(Germany\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Medical-psychological_assessment_(Germany)) (дата обращения: 15.04.2025).

² SWOV Fact sheet – Stap.nl. – URL: https://www.stap.nl/content/bestanden/fs_rehabilitation_courses.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

³ Penal system of Japan // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Penal_system_of_Japan (дата обращения: 15.04.2025).

⁴ Adult Programs – John Howard Society of Waterloo-Wellington. – URL: <https://johnhoward.on.ca/waterloo/services/adult-programs/> (дата обращения: 15.04.2025).

терпевшему. Также популярны меры, связанные с наблюдением за поведением нарушителя, когда он находится под контролем психологов или специалистов по социальной работе, способствующие более глубокой проработке причин правонарушения и долгосрочному исправлению.

В условиях цифровой среды альтернативные санкции могут принимать новые формы. Например, нарушителей можно направлять на курсы цифровой грамотности, если правонарушение связано с неумением пользоваться электронными системами. Также можно применять временные ограничения на использование определенных цифровых сервисов или платформ.

В ряде стран применяются уникальные меры административного воздействия, отражающие особенности национальной идентичности и культурных традиций. Так, в Индии используются курсы йоги как воспитательная мера для нарушителей, в Японии – публичные извинения, в Германии – курсы управления стрессом, а во Франции и Южной Корее – обучение правилам использования электронных транспортных средств¹. Эти подходы направлены на воспитание ответственного поведения и могут быть адаптированы к реалиям цифровой среды.

В условиях цифровизации подобные меры могут быть использованы и в виртуальной среде. Например, нарушителям правил использования цифровых платформ можно предложить пройти образовательные программы, направленные на повышение их цифровой грамотности, или временно ограничить доступ к определенным ресурсам, что послужит воспитательной мерой и стимулирует ответственное поведение.

Это лишь некоторые примеры необычных санкций, применяемых в различных странах. Несмотря на их экзотичность, такие меры оказываются весьма эффективными в предупреждении повторных правонарушений. Их основная цель заключается не только в наказании, но и в воспитании правопослушного поведения, а также в формировании у нарушителей осознания последствий своих действий. Такие подходы демонстрируют, что применение нестандартных санкций может быть успешным, если они адаптированы к социальным и культурным особенностям общества.

¹ Alternatives to Fines for Low-Level Offenders: An International Review // Australian Institute of Criminology – URL: <https://www.aic.gov.au/publications/tandi/tandi463> (дата обращения 30.01.2025).

Каждый из представленных подходов к наложению санкций за правонарушения обладает своими преимуществами и недостатками. Например, фиксированные штрафы обеспечивают прозрачность, но не учитывают индивидуальных обстоятельств, в то время как пропорциональные или индивидуализированные подходы предоставляют гибкость, но требуют значительных ресурсов для их реализации. Выбор оптимального метода зависит от множества факторов, включая тяжесть правонарушения, уровень его общественной опасности, экономические и социальные условия, а также культурные особенности правовой системы. В любом случае «формирование административной политики должно базироваться на обстоятельной и объективной оценке административной деликтности... Публичное управление и применение санкций должны быть не самоцелью, а средством служения интересам общества»¹.

Заключение

Развитие электронного государства открывает перед государственным управлением новые возможности, но одновременно создает сложные вызовы, требующие адаптации правовых механизмов. Интеграция цифровых технологий в правоприменительную практику предполагает гибкость административного регулирования, учет специфики цифровых правонарушений и акцент на профилактических мерах.

Анализ законодательства Республики Беларусь и зарубежного опыта показывает необходимость внедрения новых подходов к административной ответственности. Среди них – адаптивные штрафы, образовательные программы и альтернативные санкции. Адаптивные штрафы, учитывающие уровень дохода и степень вины, обеспечивают справедливость наказаний. Образовательные программы помогают гражданам формировать навыки правомерного поведения в цифровой среде. Альтернативные санкции, такие как курсы цифровой грамотности или общественно полезные работы, способствуют исправлению поведения и предупреждению повторных нарушений.

Представляется, что совершенствование законодательства Республики Беларусь в области административной ответственности за цифровые правонарушения может идти следующим путем: закрепление в КоАП положений об ответственности за нарушение

¹ Зенькович Е.В. Указ соч. – С. 75.

требований к онлайн-торговле, незаконное использование электронных подписей, непредоставление достоверной налоговой отчетности в цифровой форме и злоупотребление цифровыми государственными сервисами. Также предлагается разработка правовых механизмов альтернативных санкций в виде обязательного прохождения цифровых курсов и внедрение адаптивных штрафов с учетом цифрового профиля нарушителя.

Эффективное внедрение этих мер не только укрепит порядок в электронной среде, но и повысит доверие граждан к цифровым государственным услугам. Четкие и прозрачные правовые механизмы позволят сбалансировать контроль за цифровыми процессами и защиту прав пользователей. В долгосрочной перспективе это обеспечит устойчивость электронного государства, создавая надежную основу для интеграции цифровых технологий в систему государственного управления.

ГРОГОЛЬ А.Г.¹ ESG-СТРАТЕГИЯ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАНДАРТИЗИРОВАННЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИ И СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ КОРПОРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Обзор)

Аннотация. В данном обзоре рассматривается влияние механизмов ESG-стратегий на эффективное осуществление деловой практики и бизнес-операций юридического лица. Статьи и дополнительные источники литературы, представленные в нем, позволяют выявить сущность каждого компонента ESG, проследить взаимосвязь между институтом раскрытия информации, его влиянием на корпоративное управление, а также четко разграничить механизмы действительного экологического корпоративного управления и так называемого «зеленого камуфляжа». Раскрываются эффективные механизмы корпоративного управления фондами компании и стратегии привлечения акционерно-инвестиционного капитала в рамках ESG-стратегии, правовое регулирование ESG-стратегий на международном, в том числе европейском, уровне, системы мониторинга экологического, социального и корпоративного сектора на внутреннем и внешнем уровнях с учетом высокой значимости институтов раскрытия информации как основополагающих факторов снижения финансовых и нефинансовых рисков.

Ключевые слова: ESG-стратегия; экологическое, социальное, корпоративное управление; институт раскрытия информации; «зеленый камуфляж»; корпоративное регулирование.

GROGOL A.G. ESG Strategy as an International Standardized Instrument for Regulating Environmentally and Socially Oriented Corporate (Review)

¹ Гроголь Анастасия Георгиевна, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Abstract. This review examines the impact of ESG strategy mechanisms on the effective implementation of business practices and business operations of a legal entity. The articles and additional literature sources presented in it make it possible to identify the essence of each component of the ESG, as well as to trace the relationship between the institute of information disclosure, its impact on corporate governance, as well as to clearly distinguish the mechanisms of effective environmental corporate governance from the so-called “green camouflage”. Effective corporate governance mechanisms for the company's funds and strategies for attracting equity and investment capital within the framework of the ESG strategy, legal regulation of ESG strategies at the international, including European, level, monitoring systems for the environmental, social and corporate sectors at the internal and external levels, taking into account the high importance of disclosure institutions as fundamental factors in reducing financial risks, are disclosed. and non-financial risks.

Keywords: ESG-strategy; environmental, social, and corporate governance; information disclosure Institute; «green camouflage»; corporate regulation.

Для цитирования: Гроголь А.Г. ESG-стратегия как международный стандартизированный инструмент регулирования экологически и социально ориентированной корпоративной деятельности (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 3: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 120–134. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.09

Введение

В современных условиях устойчивого развития и повышения прозрачности корпоративной деятельности внедрение эффективных механизмов корпоративного регулирования является одной из приоритетных задач нынешнего корпоративного сектора. Предприятия, организации или компании передового типа ставят в качестве операционной цели не только достижение высоких финансовых показателей как результатов экономической деятельности, но и стремятся к переходу на устойчивый путь развития путем внедрения ESG-стратегий, что означает осуществление деловой практики, которая отвечала бы высоким стандартам экологического производства, социально ориентированному подходу при со-

блюдении и обеспечении прав работников организации и грамотно выстроенной системе корпоративного управления.

Важную роль в реализации ESG-стратегий играет также информация в виде финансовых и нефинансовых отчетов о корпоративной деятельности. Основными направлениями и ключевыми факторами, на основании которых составляются соответствующие отчеты, выступают данные по экологическим, социальным и управленческим аспектам, которые напрямую соотносятся с ESG-стратегией в корпоративном регулировании. Такой механизм раскрытия информации позволяет выстроить доверительное отношение к тому или иному юридическому лицу со стороны потенциальных клиентов, инвесторов, акционеров и управленческого состава.

Концепция ESG рассматривается как один из инструментов корпоративного управления, прослеживается использование этой концепции с позиции недобросовестного «зеленого камуфляжа» в рамках реализации E-компонента, анализируются финансовые и нефинансовые механизмы эффективной бизнес-практики в рамках ESG, а также вопросы внедрения и распространения ESG-стратегии на международном уровне.

ESG-стратегия как инструмент в корпоративном управлении

В теории и доктрине ESG-концепцию рассматривают в призме трех элементов, вытекающих из ее названия: экологический (E-компонент), социальный (S-компонент) и корпоративный (G-компонент). Впервые концепция ESG была официально представлена в 2004 г. в докладе ООН при подготовке Глобального договора ООН (The United Nations Global Compact), принятого ГА ООН в качестве международной инициативы в сфере корпоративной ответственности и устойчивости в 2000 г. – значимой попытки обеспечить развитие корпоративного сектора в соответствии с тенденцией устойчивого развития¹.

Рассматривая E-компонент данной стратегии в рамках корпоративного управления, М.П. Афанасьев, доктор экономических наук, профессор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и НИУ «Высшая школа экономики», и Н.Н. Шаш, доктор

¹ The UN Global Compact. United Nations. – URL: <https://www.un.org/en/chronicle/un-global-compact-finding-solutions-global-challenges> (дата обращения: 15.05.2025).

экономических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, рассматривают проблемы, связанные с решением задачи, стоящей перед предприятиями и организациями: обеспечение экологически ориентированного производства с соблюдением определенных стандартов, внедрение программ по стимулированию экологически ориентированного производства, сохранение биоразнообразия и агитация к рациональному использованию природных ресурсов. Авторы отмечают, что повышенное общественное внимание к различным экологическим и климатическим угрозам и вызовам способно напрямую воздействовать на инвестиционную привлекательность компании. S-компонент включает в себя некоторые проявления ответственного инвестирования, такие как поддержка социальных проектов, обеспечение достойных условий труда, установление доверительных партнерских отношений между инвесторами, кредиторами, поставщиками и потребителями. Переходя к современным тенденциям в сфере действия S-компонента, профессора сходятся во мнении, что все большее число компаний, осуществляющих коммерческую деятельность в различных направлениях экономического сектора, стремятся перейти на путь устойчивого развития, отказавшись от больших объемов прибыли в краткосрочной перспективе с целью поддержания общественных тенденций к ответственному ведению бизнес-практик и коммерческих операций [1, с. 185].

В подтверждение данного тезиса М.П. Афанасьев и Н.Н. Шаш приводят сведения, согласно которым именно крупные компании-гиганты в различных отраслях экономики выступают в качестве активистов к внедрению ESG-стандартов и, соответственно, переходу на устойчивую модель развития. Однако предприятия малого и среднего бизнеса, как отмечают авторы, в большей степени занимают противоречивую позицию по отношению к ESG-повестке, особенно ввиду отсутствия единообразных методик при внедрении экологических, социальных и корпоративных стандартов на международном уровне. Особая сложность заключается в установлении единого терминологического аппарата, способов ответственного инвестирования (включая позитивные и отрицательные инвестиционные направления), методик ведения коммерческой деятельности на основании ESG-стандартов. Изучив элементный состав G-компоненты, авторы отнесли к ней институт раскрытия информации, транспарентность (прозрачность) финансовых и нефинансовых отчетных показателей, антикоррупционный мониторинг, установление доверительных взаимоотношений

среди высшего руководства и сохранение гендерной структуры в составе высшего руководства компании с целью устранения дискриминации по половому и иным признакам [1, с. 185–186].

В вопросах практического применения данной концепции М.П. Афанасьев и Н.Н. Шаш придерживаются позиции, согласно которой ESG-стратегия в сфере корпоративных отношений является удобным инструментом по сокращению налогового бремени ввиду пониженной ставки на льготное «зеленое» налогообложение, разработке и внедрению программ страхования рисков согласно ESG-стратегии, а также установлению «зеленых» норм резервирования для коммерческих банков. Особое внимание авторы обращают на тесную взаимосвязь ESG-стратегии с институтом ответственного инвестирования, заключающегося в приоритетном выборе при вложении инвестиционного капитала в компании, которые отходят от шаблонного курса на достижение исключительно финансовых благ в сторону повышения экологических, социальных и иных качественных характеристик, включающих бережное отношение к окружающей среде, выстраивание доверительных отношений среди сотрудников, партнеров и высшего руководства, а также снижение уровня дискриминации сотрудников по гендерному признаку. Такой тренд на ответственное инвестирование впоследствии получил особое название – «импакт-инвестиций»¹, основной целью которых является достижение позитивного эффекта от проведения экологической и социальной политики в рамках отдельной коммерческой организации. Приведенные авторами сведения от Организации экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Co-operation and Development, OECD) продемонстрировали, что термин «импакт-инвестиции» в корпоративной среде стал применяться в отношении особой категории ESG-инвесторов [1, с. 187–189].

Использование концепции ESG с позиции недобросовестного «зеленого камуфляжа» (greenwashing practices) в рамках реализации E-компонента

В то время как ESG-стратегии начали повсеместно распространяться в системах корпоративного управления, возросло зло-

¹ *Импакт-инвестиции (impact investing)* – это вложения в компании, организации и фонды, которые помимо финансовой отдачи, стремятся к достижению положительного социального или экологического эффекта.

употребление и недобросовестная практика, направленная на введение потенциальных инвесторов и кредиторов в заблуждение, которая в научной среде получила название «зеленый камуфляж» или «гринвошинг» (greenwashing). Такой феномен, по мнению Юдит Лилла Крестури, доктора философских наук, профессора Будапештского университета Корвинус, Венгрия, Эдины Берлингер, доктора философских наук, руководителя кафедрой финансов указанного Университета и Агнеш Любли, доктора философских наук, профессора этого же Университета, следует рассматривать в качестве определенных действий (бездействий) и практик, определенной политики создания какого-либо продукта (изделий) более экологичным, соответственно инвестиционно выгодным для инвесторов и кредиторов [3, р. 192]. По мнению авторов, к корпоративному сегменту термин «гринвошинг» может применяться на уровне фирмы или иной коммерческой структуры и выражаться в выборочном раскрытии информации [цит. по: 3, р. 193]. Также «информационная асимметрия» означает, что отчеты фирм о соблюдении концепций устойчивого развития, ESG-стратегий будут лишь частично соответствовать действительности, поскольку несут в себе исключительно положительные показатели от результатов деятельности организации, а негативные аспекты по общему правилу «зеленого камуфляжа» компании стараются не афишировать, несмотря на их порой ключевое значение [3, р. 192–193].

В ходе дальнейшего исследования Ю. Крестури, А. Любли и Э. Берлингер переходят к анализу опыта Европейского союза, в продвижении концепции устойчивого развития и сопутствующих стратегий, в том числе в сфере корпоративного регулирования. С учетом сущности рассмотренного ранее E-компонента в качестве важного аспекта, отражаемого в нефинансовой отчетности организации, авторы отмечают, что на уровне европейского пространства проблема «гринвошинга» становится все серьезнее. Европейское управление по ценным бумагам и рынку (The European Securities and Market Authority, ESMA) провело собственное исследование, результатом которого стали неутешительные выводы. Несмотря на ESG-повестку и переход многих компаний на устойчивый путь развития, коммерческий сектор все еще заинтересован в извлечении финансовой выгоды путем искусственного повышения своей социальной значимости и деловой репутации.

Далее авторы рассматривают проблему, когда ответственный инвестор или кредитор, соблюдающий международно установленные стандарты ESG, может принять неблагоприятное реше-

ние ввиду незнания ключевых характеристик, формирующих экологическую стратегию фирмы. Например, когда инвестор, исходя из деятельности или политики высшего руководства компании, не может самостоятельно идентифицировать приверженность данных лиц к Е-компоненту, или в степени «компромисса» (commitment) между финансовыми и экологическими показателями организации [цит. по: 3, р. 193–195].

В качестве наиболее экологически вредных и, соответственно, подверженных «гринвошингу» авторы считают предприятия энергетического сектора: поставщики энергии, а также энергоемкие компании. Высокая доля негативного воздействия на окружающую среду при одновременном глобальном значении в энергетической системе, популяризации тенденций и общественных требований к переходу на возобновляемые источники энергии оказывает колоссальное давление на компании данной отрасли, проявляющееся в усиленном контроле не только со стороны органов государственного регулирования, но и со стороны общества, – все они стремятся продемонстрировать свою приверженность принципам и стратегиям в рамках устойчивого развития. Как отмечают авторы, превышающие допустимые нормы показатели атмосферных выбросов углекислого газа в ходе производственной деятельности, острая конкуренция, усиление нормирования и иных установленных законодательно требований буквально заставляют высшее руководство, менеджеров и иных задействованных лиц прибегать к использованию «асимметрию информации» путем намеренного введения в заблуждение о реальном экологическом состоянии предприятия. Однако в качестве позитивного аспекта авторы указывают возможность создания благоприятной среды для внедрения новых технологий в энергетическом секторе ввиду повышенной доли конкуренции и контроля [3, р. 196–197].

Согласно данным, приведенным Сильвией Руис-Бланко, профессором Университета Виго, Италия, Сильвией Ромеро, доктором философских наук, профессором Государственного университета Монклер, США, и Белен Фернандес-Фейху, профессором Университета Виго, Италия, из ста крупнейших компаний, зарегистрированных на бирже и включенных в базу данных аналитического агентства Bloomberg, лишь некоторые из них сохранили позитивные тенденции к раскрытию действительной ESG-ориентированной информации, так как с 2016 г. по настоящее время количество проводимых проверок и мониторинга было сокращено с 400 до 360. При этом, наименьший уровень доступности инфор-

мации приходится на компании, относящиеся к отрасли, чувствительной к воздействию на окружающую среду либо в непосредственной близости от данных предприятий [4, р. 4030–4033].

S-компонент как проявление института корпоративной ответственности в корпоративном управлении

Сохранение социального имиджа компании или организации является одной из наиболее приоритетных задач на современном этапе развития коммерческой сферы, так как данный подход существенно стимулирует конкурентоспособность. Такая методика позволяет сохранить устойчивость и благоприятно влияет на общий приток инвестиций, прекращение или сокращение кадровой текучки, приток квалифицированных сотрудников, – все это стимулирует повышение социального делового статуса компании, выводит ее на передовые стандарты корпоративной этики и высокой социальной ответственности. Именно институт коллективной социальной ответственности (далее – КСО), который подробно анализируют Сильвия Руис-Бланко, Сильвия Ромеро и Белен Фернандес-Фейху, внедряется в качестве составного элемента S-компонента ESG-стратегии. Под КСО авторы понимают процесс интеграции основных аспектов устойчивого развития в бизнес-стратегию и сохранение открытого диалога (open-to-dialogue) при взаимодействии высшего руководства и состава акционеров определенной организации. Поскольку механизм КСО в данном компоненте является основным, то в качестве правового элемента его успешного внедрения следует считать ранее упомянутый Глобальный договор (The Global act). Данный документ стал основополагающим источником юридического свойства применения ESG при ведении бизнес-практики на общемировом уровне для всех подписавших государств. К исследованиям в области КСО подходили с разных точек зрения, что позволило определить два подхода к пониманию КСО: символический (symbolic) (разговорный, для трактовки данного термина в личных целях) и содержательный (substantive) (практический, используемый в действительности). При подготовке ESG-отчетности о соответствии организации устойчивому развитию сопутствующий документ-отчет будет рассматриваться как с позиции символического, так и содержательного инструмента. Авторы отмечают, что символический подход носит номинальный характер и применяется в случаях, когда исключительной целью отчета является улучшение имиджа компании с целью повышения ее деловой ре-

путации. Символизм в рамках института КСО, по убеждению С. Ромеро и С. Руис-Бланко, следует справедливо считать концепцией управления впечатлениями (*impression management*). Однако с позиции практического применения, безусловно, такой документ должен в действительности отражать экономические, социальные и экологические последствия деятельности компании. С учетом того, что приверженность принципам устойчивого развития в рамках ESG-стратегий далеко не всегда соблюдается в полном объеме, отчет об устойчивом развитии выступает особым механизмом коммуникации, позволяющим заинтересованным сторонам оценить уровень вовлеченности компании в реализацию института КСО. Однако авторы подчеркивают, что наличие лишь символического подхода и отсутствия реальных действий при реализации КСО неминуемо ведут к возникновению «гринвошинга», или «зеленого камуфляжа» [4, р. 4024–4026].

Г-компонент в корпоративном управлении: финансовые и нефинансовые механизмы эффективной бизнес-практики

Поскольку Г-компонент представляет собой аналитически выстроенную модель ведения эффективных корпоративных операций, что также включает оценку соответствия определенным показателям, то в данную категорию также попадают результаты оценки эффективности деятельности руководящего состава в лице совета директоров, а также эффективность внутреннего аудита. Именно поэтому внедрение ESG-факторов с упором на Г-компонент, по мнению Ахмеда А. Эламера, доктора философских наук, старшего преподавателя Лондонского университета Брунеля, Муньи Булхаги, научного сотрудника данного Университета, превратилось в необходимое условие для достижения операционного совершенства, эффективного вовлечения акционеров, инвесторов и иных заинтересованных лиц в управленческие операции компании, с целью поддержания устойчивости развития. Приведенные авторами эмпирические данные подтверждают выводы о том, что грамотное внедрение рассматриваемой стратегии благоприятно отражается на высоких показателях инновационной деятельности компании, ее репутации среди конкурентообразующих предприятий, финансовых показателях. Однако следует учитывать, что корпоративная среда подвержена колебаниям, что делает затруднительным полноценное внедрение такой «идеализированной» концепции. По мнению авторов, существует возможность возник-

новения споров в области корпоративного внедрения ESG – в том случае, когда действия организации противоречат принципам устойчивого развития, обычаям деловой этики или иным этическим нормам [2, p. 3313].

В современном корпоративном ландшафте происходит множество модификаций, вызванных снижением исключительно коммерческих результатов деятельности компании по итогам очередного периода. Это означает, что в рамках ESG-стратегии экологические, социальные и корпоративные факторы приобрели большую значимость, чем традиционное стремление к извлечению прибыли. Компоненты управления, применяемые в рамках этой стратегии, оказывают позитивное влияние на конкурентоспособность компании и повышают инвестиционную привлекательность, что выражается в устойчивости к экономическим рискам, активном внедрении «зеленых» механизмов регулирования (green regulating mechanisms) с учетом экологических стандартов и методик, а также наилучших доступных технологий в деловой практике. Как отмечает М. Булхаги, число инвесторов, демонстрирующих скептицизм и недовольство по отношению предприятиям и организациям с «традиционным» подходом, растет. А. Эламер утверждает, что отказ следовать принципам ESG является очевидным сигналом неустойчивости и подверженности большим рискам, что существенно снижает инвестиционный климат компании [2, p. 3312].

Согласно убеждению Ракель Гард Санчес, профессора, научного сотрудника кафедры финансовой экономики и бухгалтерского учета Университета Гранады, Испания, и Марии Виктории Лопес-Перес, доктора философских наук, профессора Государственного университета Наварры, Испания, соблюдение принципов ESG, безусловно, по-разному влияет на инвестиционную привлекательность организации со стороны инвесторов и кредиторов, однако авторы сходятся во мнении, что раскрытие информации о финансовых и нефинансовых операциях компании могут в перспективе стать тем самым сигналом устойчивости, который долгосрочные инвесторы и кредиторы ставят в разряд особенно ценных, поскольку внедрение стратегий ESG могут оказать и зачастую демонстрируют снижение финансовых затрат, связанных с высокой стоимостью заемных средств, получаемых компанией в виде займа или кредита, и стоимостью собственных средств компании, которые она получает от владельца-учредителя. Негативное же отношение к институту раскрытия информации, согласно ESG-стратегии, возможно со стороны краткосрочных инвесторов и кредиторов, так

как при принятии решения об инвестировании в ту или иную организацию они обращают внимание исключительно на финансовые показатели и финансовую отчетность по результатам отчетного периода коммерческой деятельности [5, р. 3181–3183].

Отметим, что в институт раскрытия информации, в соответствии с ESG, помимо финансовых критериев также входят экологические, социальные и управленческие аспекты. С точки зрения авторов, институт раскрытия информации о результатах деятельности организации, согласно концепции ESG, напрямую связан с прозрачностью финансовой и нефинансовой отчетности, что также демонстрирует приверженность компании социальным, морально-нравственным и иным этическим принципам помимо извлечения прибыли [Ibid].

Внедрение и распространение концепции ESG на международном уровне

В 2015 г. Генеральной ассамблеей ООН в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех» был принят набор из 17 взаимосвязанных целей. Эти цели были названы в резолюции ГА ООН «Повесткой дня на период до 2030 года», и они заменили собой Цели развития тысячелетия. Итоговый документ ГА ООН получил название «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Особая важность этого документа заключается в том, что цели устойчивого развития (ЦУР) и принципы концепции ESG практически совпадают и служат базисом для формирования государственной политики в области охраны окружающей среды. Парижское соглашение по климатическим условиям (Paris Agreement), принятое и подписанное 195 государствами в рамках Рамочной Конвенции ООН об изменении климата (United Nations Framework Convention on Climate Change), было ратифицировано Российской Федерацией постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2019 г. № 1228 (ред. от 2019 г.) «О принятии Парижского соглашения» и направленно на достижение стабильных показателей качества климатических условий в связи с увеличением глобальной температуры. В данном документе был установлен ряд норм, относящихся к концепции ESG, особенно при продвижении таких ЦУР, как сокращение показателей парникового эффекта, улучшение качества атмосферного воздуха, адаптация к изменению климата и так далее.

Европейское право поддерживает тенденцию в распространении, популяризации и интеграции концепции ESG в рамках Европейского союза (ЕС): разрабатываются и внедряются прогрессивные механизмы и нормативные правовые акты, повышается роль коллективной социальной ответственности при осуществлении действий (бездействий), наносящих урон экосистеме и обществу в целом. Как отмечают А. Эламер и М. Булхаги, ЕС через различные органы региональной интеграции, многопрофильную нормативную правовую базу создают необходимый плацдарм для развития корпоративного сектора с полноценной имплементацией ESG-стратегий в рамках внедрения концепции устойчивого развития. Авторы убеждены, что сильный контроль и строгие требования к раскрытию информации финансовых и нефинансовых отчетов в соответствии с ESG в сочетании с амбициозными целями в области устойчивого развития позволят устранить противоречия между ESG и эффективностью корпоративного управления. Исходя из положений Европейского зеленого курса (The European Green Deal), утвержденного Еврокомиссией, трактуется как добровольные действия той или иной организации, направленные на «оздоровление» и защиту экологии и окружающей среды¹ [2, р. 3313–3315].

В ходе исследования правового пространства ЕС Р.Г. Санчес и М.В. Лопес-Перес пришли к выводу, что документы, принимаемые в рамках ЕС в форме директив и регламентов, обладают узкой сферой действия и сделали заключение о действительном образцовом многопрофильном и эффективном правовом механизме в рамках ЕС-пространства. Регламент о раскрытии информации об устойчивом развитии в сфере финансовых услуг, принятый Еврокомиссией в 2019 г. (The Regulation (EU) 2019/2088 of 27 November 2019 on sustainability – related disclosures in the financial services sector, SFDR), содержит требование о раскрытии информации о применении ESG-факторов при принятии решений о финансировании определенных сфер производства, что способствует раскрытию компонента транспарентности (прозрачности) и доступности экологически значимой информации при анализе дея-

¹ The European Green Deal. European Commission. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 15.02.2025).

тельности организации¹. Чуть ранее с учетом развития законодательства в сфере регулирования коллективной социальной ответственности 1 января 2017 г. в силу вступила Директива ЕС о нефинансовой отчетности, принятая Европейским парламентом и Советом (Directive 2014/95/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2014 amending Directive 2013/34/EU as regards disclosure of non-financial and diversity information by certain large undertakings and groups Text with EEA relevance) в отношении всех дальнейших финансовых отчетных периодов, начиная с даты вступления документа в силу. Эта Директива адресована компаниям, осуществляющим свою коммерческую деятельность на территории ЕС. Согласно Директиве организации, попадающие в данную категорию, обязаны включить в общую корпоративную отчетность нефинансовые показатели в рамках ESG за отчетный период; в ней описывается, как результаты деятельности организации повлияли на экологическое, социальное и корпоративное развитие как компании в целом, так и ее сотрудников [5, p. 3183].

Поскольку внедрение ESG-принципов напрямую связано с регулированием различных рисков, то в рамках ESG-трансформации авторы отмечают необходимость включения в корпоративную систему управления нефинансовые риски, возникающие ввиду определенных экологических, климатических, социальных и иных корпоративных факторов. Данная тенденция обусловила необходимость появления различных систем рейтинговой оценки вышеуказанных характеристик. Согласно приведенным М.П. Афанасьевым, Н.Н. Шаш сведениям, многие авторитетные институты, к которым относятся GRI (Global Reporting Initiative, Нидерланды), SASB (Sustainability Accounting Standards Board, США), осуществляют независимую экспертную оценку бизнес-практик и результатов коммерческой деятельности организации на предмет соответствия ESG-стандартам, устанавливаемым вышеупомянутыми институтами. Авторы подчеркивают, что такую оценку на международном уровне проводят не только институты с высокой репутацией, но и агентства, в числе которых Bloomberg (Нью-Йорк, США), JUST Capital (Нью-Йорк, США), S&P Dow Jones Indices (Нью-Йорк, США), которые, помимо оценки эффективности, также вводят

¹ Regulation on Sustainable Finance Disclosure. European Commission. – URL: https://finance.ec.europa.eu/regulation-and-supervision/financial-services-legislation/implementing-and-delegated-acts/sustainable-finance-disclosures-regulation_en (дата обращения: 06.06.2025).

балльную систему выстраивания компаний в рейтингах. При этом авторы отмечают, что на данный момент до сих пор не выработан единый методологический подход при проведении ESG-оценки той или иной компании, а показатели даже самых уважаемых аналитических организаций зачастую значительно разнятся [1, с. 192–194].

Заключение

Анализ научной литературы показывает, что ESG-стратегия рассматривается учеными как механизм повышения финансовой и нефинансовой эффективности корпоративной деятельности, удобный и практически эффективный инструмент осуществления деловой практики и экономических операций компании. В современных условиях устойчивого пути развития раскрытие экологической, социальной и управленческой информации о деятельности организации выступает в качестве благоприятного стимула и действенного способа повышения инвестиционной привлекательности, расширению финансового и нефинансового фонда, «декоммерциализации» целей корпоративных операций путем повышения социальной и корпоративной ответственности. К сожалению, несмотря на позитивные прогнозы, по мнению некоторых исследователей, можно наблюдать растущее число различных форм злоупотребления и использования ESG в коммерческих личных целях. На данном основании возникает риск распространения такого феномена, как «гринвошинг», или «зеленый камуфляж», в особенности в сфере энергоемких предприятий и связанный с данной отраслью производств. Примечателен опыт ЕС в рамках европейского правового пространства в целом, особенно в части создания детализированной правовой регламентации функционирования концепции устойчивого развития, ESG-стратегий, институтов раскрытия финансовой и нефинансовой отчетности и др.

Список литературы

1. Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. ESG-трансформация в корпоративном секторе: систематизация глобального подхода // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 6. – С. 185–197.
2. Elamer A.A., Boulhaga M. ESG Controversies and Corporate Performance: The Moderating Effect of Governance Mechanisms and ESG Practices // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. – 2024. – Vol. 31, N 4. –

- P. 3312–3327. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/csr.2749> (дата обращения: 13.06.2025).
3. Keresztúri J.L., Berlinger E., Lublóy Á. Environmental Policy and Stakeholder Engagement: Incident-Based, Cross-Country Analysis of Firm-Level Greenwashing Practices // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. – 2025. – Vol. 31, N 1. – P. 192–211. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/csr.2945> (дата обращения: 16.06.2025).
 4. Ruiz-Blanco S., Romero S., Fernandez-Feijoo B. Green, Blue or Black, But Washing—What Company Characteristics Determine Greenwashing? // *Environment, Development and Sustainability*. – 2022. – N 24 (3). – P. 4024–4045. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10668-021-01602-x> (дата обращения: 05.06.2025).
 5. Sánchez R.G., Lopez-Pérez M.V. The Effect of Environmental, Social, and Governance Disclosure and Real Earning Management on the Cost of Financing // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. – 2024. – Vol. 31, N 4. – P. 3181–3193. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/csr.2740> (дата обращения: 10.06.2025).

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 349, 340.50

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.10

КРЫСАНОВА Н.В.¹ ДОГОВОР ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ (Обзор)

Аннотация. Анализируются работы российских цивилистов, исследующих особенности правового регулирования оборота такого самостоятельного объекта гражданских прав, как энергия. Раскрываются специфические характеристики энергии как объекта гражданского оборота, а также приводятся точки зрения ученых на договоры в области электроэнергетики и на дефиницию «энергия» как объекта гражданско-правового регулирования. Исследуются особенности правового статуса субъектов в сфере снабжения электрической энергией. Особое внимание уделено проблемным вопросам отношений по снабжению электроэнергией граждан-потребителей.

Ключевые слова: энергия; электроэнергия; гарантирующие поставщики; присоединенная сеть; абонент; потребитель.

KRYSANOVA N.V. The Contract of Energy Supply in Civil Circulation (Review)

Abstract. The review analyzes the work of Russian civil scientists who study the specifics of the legal regulation of the turnover of such an independent object of civil rights as energy. The specific characteristics of energy as an object of civil turnover are revealed, as well as the views of scientists on contracts in the field of electric power industry and on the definition of “energy” as an object of civil law regulation. The peculiarities of the legal status of subjects in the field of electric energy supply are investigated. Special attention is paid to

¹ Крысанова Нина Владимировна, старший научный сотрудник отдела правопедения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

problematic issues of relations in the supply of electricity to consumer citizens.

Keywords: energy; electricity; guaranteeing suppliers; connected network; subscriber; consumer.

Для цитирования: Крысанова Н.В. Договор энергоснабжения в гражданском обороте (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 135–145. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.10

Введение

Развитие технологий в современном обществе привело к появлению новых материальных благ, вещественность которых весьма условна, поэтому отнесение таких объектов к категории имущества в контексте ст. 128 ГК РФ вызывает определенные споры. К данным объектам, в частности, относится энергия, определение места которой в системе объектов гражданских прав до настоящего времени относится к числу дискуссионных. В первую очередь это обусловлено спецификой объекта. Кроме того, специальные правила, регулирующие общественные отношения сфере оборота энергии, не всегда соответствуют общим правилам, установленным гражданским правом. Между тем в литературе в основном пишут об общих правовых проблемах продажи, транспортировки и использования энергии, не уделяя должного внимания особенностям подачи электроэнергии абонентам и потребителям и ее использования как особого вида товара, ресурса и физического явления. Научных работ, посвященных подаче (транспортировке, оказанию услуг по снабжению абонентов и потребителей) и использованию (как организациями, так и гражданами) электроэнергии, в юридической литературе довольно мало. Причем, в основном в научных публикациях обсуждаются, как правило, общие вопросы организации оптового или розничного рынков электроэнергии или отдельные вопросы выявления системы договоров. При этом не исследуются должным образом проблемы определенных существенных и иных условий договоров электроснабжения, надлежащего исполнения договоров и ответственности за ненадлежащее исполнение договоров электроснабжения в интересах абонентов и потребителей-граждан, не делается особого различия между абонентами-организациями и абонентами-гражданами. Хотя абонентом может быть и управляющая организация, которая

заключает договоры с гарантирующим поставщиком с целью организации подачи электроэнергии для общих бытовых нужд как самой организации, так и граждан, проживающих в домах. Особенности регулирования договора энергоснабжения предусмотрены положениями ст. 539–548 ГК РФ и взаимосвязанными с этими нормами федеральными законами и другими нормативными правовыми актами.

Предмет договора энергоснабжения

Согласно ст. 539 ГК РФ, предмет договора энергоснабжения – соглашение энергосбытовой организации (гарантирующего поставщика) и потребителя об установлении и (или) изменении их гражданских прав и обязанностей по реализации энергосбытовой организацией электрической энергии (мощности) потребителю. Статусом «потребитель электрической энергии» по договору энергоснабжения признается лицо, владеющее на праве собственности либо ином законном основании (аренда, право оперативного управления, договор подряда и т.д.) недвижимостью (в том числе энергопринимающим устройством). В отношении одной точки поставки энергии может быть заключен только один договор энергоснабжения. Из чего следует, что договор энергоснабжения может быть заключен только с одним владельцем энергопринимающих устройств [2, с. 101].

Следует учитывать, что рассматриваемый договор имеет долгосрочный характер. Ввиду чего в течение всего срока действия договора энергоснабжения могут быть заключены сделки по передаче объекта недвижимости другому лицу во временное владение или в собственность. Формирование договорных отношений на розничном рынке электроэнергетики осуществляется на основе свободных и конкурентных отношений, в рамках реализации принципа свободы договора, однако Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 25.10.2025, с изм. и доп., вступ. в силу 01.03.2025) «Об электроэнергетике» содержит значительный объем ограничений. Так, в ст. 6 этого Закона предусмотрены ограничения для одного субъекта рынка – гарантирующего поставщика; заключаемые с ним договоры носят публичный характер. Проблема ограничения свободы договора находит проявление в системе ценообразования и порядке формирования условия о цене в договоре, в ограничениях, установленных для субъектов электроэнергетики и потребителей.

В юридической литературе высказываются различные точки зрения по вопросу определения предмета договора энергоснабжения. По мнению М.М. Евтихиева, существуют две основные теории. Представители первой признают энергию вещью и, соответственно, считают возможным применение вещно-правового режима. В настоящее время число сторонников этой теории увеличилось ввиду принятия изменений о договоре энергоснабжения в гл. 30 ГК РФ о купле-продаже. В научной доктрине также приняты попытки обосновать распространение вещного права на энергию через категорию «бестелесные вещи». Вторая теория заключается в отрицании отнесения энергии к вещам. Представители этой теории обосновывают правовую природу энергии, основываясь на систематизации объектов гражданских прав. По мнению М.М. Евтихиева, будучи самостоятельным объектом гражданских прав, энергия как особый объект, обладающий физической природой, но не имеющий признака материальности, способный к генерации и – при определенных условиях – к передаче в хозяйственных связях участников оборота, рассматриваемый как товар, обладающий имущественной ценностью и высоким социально-экономическим значением, вписывается в зарезервированную законодателем для подобных новых объектов категорию «иное имущество» [2, с. 101]. Вторая теория противопоставляется первой и заключается в отрицании отнесения энергии к вещам. Отрицая вещно-правовую квалификацию энергии, В.В. Кресс поддерживает позицию ученых, рассматривающих энергию исключительно в качестве объекта обязательственных прав, поскольку ввиду ее физической природы и возможности генерации и передачи исключительно через техническую инфраструктуру энергия в качестве самостоятельного объекта гражданских прав может выступать исключительно как предмет обязательственных правоотношений [5, с. 25]. Предметом договора энергоснабжения, по мнению Е.А. Суханова, является не энергия как таковая, а действия энергоснабжающей организации по передаче электрической энергии по электрическим сетям, технологически присоединенным к энергопринимающим устройствам потребителя, а также действия потребителя по приему электрической энергии в объемах, определенных договором, и оплате полученной им электрической энергии [5, с. 27].

Обычно все разъяснения или положения по рассматриваемому договору сводятся к тому, что содержание правоотношения по электроснабжению составляют корреспондирующие права и обязанности. Основной обязанностью гарантирующего поставщи-

ка является подача электроэнергии потребителю, а основной обязанностью потребителя выступает ее оплата. Электрическая энергия при этом является объектом договора энергоснабжения, элементом предмета данного договора. Материальным объектом договора электроснабжения является электрическая энергия как особый товар, обладающий специфическими признаками и являющийся особым товаром. Так, в специальном Федеральном законе от 23.11.2009 № 261-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные нормативные правовые акты Российской Федерации» под *энергетическим ресурсом* понимается носитель энергии, энергия которого используется или может быть использована при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также вид энергии (атомная, тепловая, электрическая, электромагнитная энергия или другой вид энергии). Из указанной нормы можно сделать вывод, что понятие «энергетический ресурс» охватывает все виды энергии. Следовательно, можно предположить, что нормативная модель о договоре энергоснабжения, закрепленная в ст. ст. 539–548 ГК РФ, полностью охватывает все виды энергии, подаваемые энергоснабжающими организациями абонентам через так называемую присоединенную сеть [5, с. 33].

Однако, подчеркивает Е.О. Крассов, это всего лишь предположение, поскольку конкретных норм, определяющих особенности электроснабжения, потребителей, порядок технического обслуживания электроустановок электроснабжающей организации и потребителя нет [3, с. 36]. По мнению этого автора, целесообразно внести изменения в ч. 1. ст. 539 ГК РФ и указать, что по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию (электроэнергию, тепловую энергию или другой вид энергии и ресурсов (газ, горячую воду, холодную воду)) [4, с. 131]. Техническое понятие «присоединенная сеть» характеризует один из признаков (элементов) и правовой конструкции – договор энергоснабжения в ст. 539 ГК РФ, весьма приблизительно охватывающий очень разные устройства и оборудование, при помощи которых потребители получают и используют различные по своей физической природе виды энергии. Для урегулирования сложных технических, организационных и имущественных отношений, возникающих на основе договоров энергоснабжения (теплоснабжения, электроснабжения, газоснабжения и др.) между электроснабжающими организациями и абонентами, потребовалось принять

цельный ряд подзаконных нормативных правовых актов. При этом электроснабжение через присоединенную сеть настолько специфично, что требует отдельного правового регулирования.

Субъектный состав договора энергоснабжения

Определенные сложности вызывает оценка технических устройств передачи электроэнергии – от ее производителей (электрических и атомных станций) до потребителей. В этом процессе участвует значительное количество организаций, что осложняет правовое регулирование единого процесса подачи и потребления электроэнергии. Электрическая энергия реализуется на розничных рынках на основании договора энергоснабжения и договора купли-продажи (поставки), который заключается исключительно на розничных рынках. В гражданском законодательстве в качестве субъектов договора энергоснабжения признаются абонент (потребитель), являющийся покупателем, а также энергоснабжающая организация – продавец электроэнергии. Вместе с тем, как замечает М.М. Евтихийев, в Правилах розничных рынков термин «абонент» не используется, вместо него используется термин «субъекты розничных рынков», к которым, в частности, относится потребитель [2, с. 102]. Потребитель приобретает электроэнергию для собственных бытовых и (или) производственных нужд. Анализируя данное определение, О.Е. Крассов делает вывод о том, что в нем определены цели приобретения электроэнергии, но не то, кем является потребитель [3, с. 48]. В качестве стороны, приобретающей электроэнергию по договору энергоснабжения, «не может выступать покупатель электроэнергии, приобретающий ее в целях продажи, а также исполнитель коммунальных услуг, т.е. лица, покупающие электроэнергию в предпринимательских целях» [3, с. 35].

Особое место электроснабжения в системе гражданско-правовых договоров предопределяет, среди прочих элементов, его субъектный состав. Электроснабжение граждан – абонентов-потребителей, осуществляется при участии управляющих организаций. Эта многосубъектность на стороне потребителей электроэнергии, по мнению А.Ю. Богдановой, обуславливает невозможность реализовать права потребителя-гражданина правовыми инструментами защиты только одного гражданина или только одной управляющей организации, между интересами которых могут быть противоречия, обусловленные особым статусом управляющей организации, действующей как в интересах собственных (общедомовых), так и в инте-

ресах многих граждан, проживающих в разных домах. Вместе с тем интересы конкретного гражданина – потребителя электроэнергии могут отличаться от интересов других граждан [1, с. 107].

Производители реализуют электроэнергию посредством присоединения к оптовому рынку электроэнергии. На розничных рынках в роли продавца выступают гарантирующие поставщики, приобретающие или производящие электрическую энергию для абонентов и потребителей-граждан. Следовательно, производители электроэнергии не имеют прав для реализации электроэнергии гражданам по прямым договорно-хозяйственным связям. При этом А.Ю. Богданова полагает, что это нецелесообразно для развития правового государства в новых регионах России [1, с. 106].

Виды договоров электроснабжения

О.Е. Крассов [3] основное внимание уделяет анализу системы договорных связей в сфере организации снабжения электрической энергией, для которой присущи следующие признаки: существование разных видов договоров об организации снабжения электрической энергией обусловлено особенностями электрической энергии как объекта гражданских прав и технологическими особенностями функционирования электроэнергетики; дифференциация данных договоров по особенностям регулируемых ими видов деятельности и сфер электроэнергетики (производства, передачи (распределения), реализации (сбыта) и потребления электрической энергии), в которых они применяются; один вид договоров является необходимой предпосылкой для заключения второго их вида, а в ряде случаев и других видов договоров об организации снабжения электрической энергией, складывающихся на оптовом и розничных рынках электроэнергии.

В его исследовании в основном раскрыта система договоров и особенности предмета этих договоров. Вопросы заключения и исполнения договора электроснабжения граждан практически не затрагиваются. При этом не рассматриваются особенности подачи электроэнергии гражданам при участии гарантирующих поставщиков, электросетевых организаций, организационном участии управляющих организаций, обслуживающих несколько многоквартирных домов. Неслучайно в договорных правоотношениях, где стороной является гражданин (розничная купля-продажа, договор бытового подряда и проката, гостиничные услуги для граждан

и др.) применяется Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей».

Договор энергоснабжения законодательно отнесен к категории публичных договоров (п. 1 ст. 426 ГК РФ), что подтверждается судебной практикой. Конструктивными элементами публичного договора как особой (специальной) договорной конструкции являются:

– наличие особого субъекта отношений – коммерческой организации или организации, осуществляющей приносящую доход деятельность;

– осуществление данной деятельности в отношении любого обратившегося (независимо от предметной области договорной связи);

– недопущение дискриминационных предпочтений по категориям потребителей;

– установление равных ценовых критериев для соответствующих категорий потребителей;

– недопущение отказа в заключении договора при наличии соответствующей возможности. Функционально публичный договор направлен на защиту слабой стороны в отношениях – потребителя. Применительно к рассматриваемому договору публичность договора имеет определенную специфику. В случае с договором энергоснабжения сторонами договора являются энергоснабжающая организация и абонент. Последним может являться как физическое, так и юридическое лицо [4, с. 128–130].

Правовое регулирование снабжения граждан электроэнергией и правовой статус продавцов (поставщиков)

В целом можно сказать, что ст. 539–548 ГК РФ и действующие подзаконные нормативные акты в сфере электроснабжения не раскрывают и не регулируют во всей полноте и необходимости особенности снабжения граждан электрической энергией. В тех случаях, когда ГК РФ не способен охватить все аспекты в правовом регулировании электроснабжения абонентов-граждан, делаются бланкетные отсылки к нормам подзаконных правил, утверждаемых Правительством РФ, которые также не всегда учитывают особенности электроснабжения граждан как бытовых потребителей, законные и обоснованные интересы которых требуют не только гражданско-правовой, но и конституционно-правовой защиты. Однако некоторые нормы ГК РФ предоставляют гражданам опре-

деленные преимущества, например в части заключения договора (с момента первого фактического подключения его сетей к сетям энергоснабжающей организации), что обычно бывает до сдачи подрядчиком дома в эксплуатацию заказчику по договору подряда [1, с. 103].

А.Ю. Богданова подчеркивает, что участие в договоре электроснабжения гражданина, использующего энергию для удовлетворения бытовых нужд, в качестве потребителя – обуславливает особый специальный договорно-правовой режим, состоящий из ряда норм ГК РФ и подзаконных актов, а также организационных и технических действий по подключению потребителей-граждан к электрической сети, подаче электроэнергии, техническому обслуживанию и ремонту электрической сети, приборов учета электроэнергии, потребляемых гражданами. Производители электроэнергии не имеют права реализовывать электроэнергию гражданам для бытовых (личных, семейных) нужд по прямым договорно-хозяйственным связям, что вряд ли целесообразно для дальнейшего развития государства [1, с. 105].

Так, ГК РФ предоставляет гражданам определенные правовые преимущества по условиям подачи и потребления энергии, обеспечения надлежащего технического состояния и безопасности энергетических сетей и приборов учета (ч. 1 ст. 540, ч. 3 ст. 541, ч. 2 ст. 543). Некоторые условия договоров, а также порядок изменения и расторжения договоров энергоснабжения, перерыв и прекращение подачи энергии могут определяться соглашением сторон или иными законами, другими правовыми актами (бланкетный метод) (ст. 544, 546). Роль положений ГК РФ в регулировании отношений по снабжению электрической энергией, по мнению А.Ю. Богдановой, не очень велика [1, с. 108].

На основе анализа законодательства Е.О. Крассов признает, что производители реализуют электроэнергию посредством присоединения к оптовому рынку электроэнергии. На розничных рынках в роли продавца выступают гарантирующие поставщики, приобретающие или производящие электрическую энергию для абонентов и потребителей-граждан [4, с. 142].

Е.О. Крассов, исследуя правовой статус продавцов (поставщиков), которые определяются в законодательстве как энергоснабжающие и энергосбытовые организации, подчеркивает практическое значение различия энергоснабжающих и энергосбытовых организаций: оно заключается в порядке применения норм законодательства о заключении договора купли-продажи (поставки).

В качестве энергосбытовых организаций выступают организации, осуществляющие продажу произведенной и (или) приобретенной электроэнергии на розничных рынках в пределах Единой энергетической системы России. Лицами, осуществляющими энергосбытовую деятельность, в соответствии с Законом об электроэнергетике являются гарантирующие поставщики электрической энергии. Причем, данные лица заключают как договоры энергоснабжения, так и договоры купли-продажи (поставки). Однако, замечает Е.О. Крассов, не все энергоснабжающие организации признаются энергосбытовыми. Для того чтобы энергоснабжающая организация имела право участвовать в отношениях, регулируемых договорами, в соответствии с правилами, установленными Гражданским кодексом РФ, она должна обладать следующими признаками. Во-первых, она может заниматься как приобретением в целях продажи, так и производством электроэнергии. Во-вторых, произведенную или приобретенную энергию данная организация продает потребителям. В-третьих, передача электроэнергии (т.е. исполнение договорных обязательств перед потребителем осуществляется с использованием линий электропередачи, принадлежащих энергоснабжающей организации и технологически присоединенных к энергопринимающим устройствам потребителя. Соответственно, делает вывод Е.О. Крассов, основное отличие энергоснабжающей организации от энергосбытовой состоит в том, что первая располагает собственными электрическими сетями, в отличие от второй [3, с. 40].

На оптовом рынке предусмотрено заключение большого количества правовых способов, обеспечивающих куплю-продажу электроэнергии. Однако, как подчеркивает Е. О. Крассов, в нормативных правовых актах отсутствует четкое регулирование вопросов, связанных с договорными формами оформления отношений контрагентов в результате использования правовых способов купли-продажи электроэнергии [3, с. 50]. Так, к договорам об организации снабжения электроэнергией относятся договоры, которые должны заключать лица, занимающиеся деятельностью по производству, поставке (продаже) электроэнергии, энергоснабжению, предоставлению услуг по передаче электроэнергии, оперативно-диспетчерскому управлению, сбыту и организации купли-продажи. Эту группу договоров составляют договоры, заключаемые в электроэнергетической отрасли, имеющие организационный характер и отвечающие общим признакам организационных дого-

воров, а также имеющие специфику гражданского договора, объектом которого является электроэнергия [3, с. 51–57].

Заключение

Обеспечение безопасности и надежности энергоснабжения – приоритетная задача электроэнергетики как отрасли экономики. Бесперебойное ее функционирование является гарантией энергетической безопасности страны, которая регулируется с помощью политических, экономических, а также правовых средств [3, с. 9]. Одним из таких правовых средств в условиях рыночной экономики является институт договоров об организации снабжения электрической энергией. Применяемые в настоящее время договорные формы стали значительно сложнее тех, которые использовались в условиях плановой экономики. Анализ работ российских ученых, предпринятый в данном обзоре показывает, что необходимо совершенствовать правовое регулирование, унифицировать и упорядочивать договорные отношения, складывающиеся в сфере электроэнергетики.

Список литературы

1. Богданова А.Ю. Права потребителей в сфере снабжения электрической энергией на розничных рынках электроэнергии // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. – 2024. – № 2 (73). – С. 103–108.
2. Евтихийев М.М. Гражданско-правовой договор электроснабжения как основное правовое средство в механизме правового регулирования электроснабжения граждан // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 3 (219). – С. 100–103.
3. Крассов Е.О. Договоры в сфере организации снабжения электрической энергией в Российской Федерации. – Москва: Норма, 2025. – 296 с.
4. Крассов Е.О. Договор оказания услуг по передаче электрической энергии: правовой характер // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. – 2024. – № 1. – С. 126–145.
5. Кресс В.В. Теоретические аспекты определения места энергии (энергетических ресурсов) в системе объектов гражданских прав // Lex russica. – 2024. – Т. 7, № 5. – С. 22–35.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 341

DOI: 10.31249 /iajpravo/2025.04.11

АЛФЕРОВА Е.В.¹, АЛФЕРОВ О.Л.² ПУТИ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: СТРАТЕГИИ, ФОРМЫ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ЕГО ПЕРЕМЕН (Обзор)

Аннотация. В данном обзоре рассматриваются основные «идеально-типичные» пути и факторы изменений в международном праве. Анализируются трудности, связанные с обеспечением эффективного регулирования ключевых вопросов международного права, роль государств и международных институтов в развитии международного права, реализации стратегий и форм его изменений.

Ключевые слова: международные отношения; международное право; международные нормы; изменения в международном праве; международные организации; международный правовой порядок; стабильность международного права; международные институты.

ALFEROVA E.V., ALFEROV O.L. Ways of Changing International Law: Strategies, Forms and Driving Forces of its Change (Review)

Abstract. This review examines the main “ideal-typical” ways and factors of changes in international law. The difficulties associated with ensuring effective regulation of key issues in international law, the role of States and international institutions in changes in international law, the implementation of strategies and forms of its change are analyzed.

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник, заведомо правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

² Алферов Олег Леонидович, ведущий редактор отдела правоведения ИНИОН РАН.

Keywords: international relations; international law; international norms; changes in international law; international organizations; international legal order; stability of international law; international institutions.

Для цитирования: Алферова Е.В., Алферов О.Л. Пути изменения международного права: стратегии, формы и движущие силы его перемен (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 146–162. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.11

Введение

Международная политика и право находятся в постоянном движении. Как замечают Нико Криш, профессор Женевского Института международных исследований и исследований в области развития, и Эзги Йылдыз, доцент кафедры международных отношений Калифорнийского государственного университета в Лонг-Бич, доктор философии в области международных отношений, редакторы и авторы книги «Множество путей изменений в международном праве» [9], международное право выглядит сегодня гораздо менее гибким, хотя в определенной степени оно отражает меняющиеся политические обстоятельства своего времени. Как и когда политические изменения приводят к новым международно-правовым нормам и их интерпретации, до сих пор не совсем понятно. По словам Н. Криш и Э. Йылдыз, «Цель этой работы – приблизиться к пониманию того, как происходят изменения в международном праве, исследовать факторы, которые способствуют или препятствуют принятию политических преобразований в международном правовом порядке» [4, р. 3–4]. При этом особое внимание в книге уделяется направлениям и подходам к изменению международного права государств, международных органов и организаций, играющих центральную роль на каждом пути этих изменений. Авторы намеренно отошли от доктринальных категорий, в рамках которых юристы-международники обычно изучают изменения, и исключили многие случаи, когда новые права, обязательства и понимание международно-правовых норм возникали вне рамок традиционных процессов, ориентированных на государство [4, р. V–VI]. Вместе с тем основные концепции и инструментариум позволили им структурировать данное исследование и провести всесторонний анализ процессов изменений, происходящих в

международном праве, с акцентом на исследованиях, которые находятся на стыке международного права и международных отношений.

Трудности, связанные с регулированием ключевых вопросов международного права

Вопрос об изменениях занимает центральное место в международном праве из-за отсутствия законодательных механизмов, которые позволили бы адаптировать правовые нормы к изменяющимся обстоятельствам. Этот вопрос всегда вызывал озабоченность юристов-международников, но он приобрел особую остроту в начале XX в., когда призывы к «мирному изменению» международных договоров (часто заключенных в условиях крайне неравноправных отношений) приобрели политическую силу, а отсутствие международного законодательного органа вызывало всеобщее недовольство. В связи с этим многие исследователи указывают на структурные трудности, связанные с обеспечением эффективного регулирования вопросов, представляющих глобальный интерес, таких как изменение климата, ограничения в адаптации действующего международного права к меняющимся политическим интересам и взглядам, например в случае с правом мировой торговли в связи с проблемами окружающей среды и развития или проблемами регулирования инвестиционных отношений. Хотя эти трудности, возможно, заставляют стороны искать решения вне рамок официального международного правопорядка, есть также признаки того, что они приводят к адаптации традиционно жестких методов установления официального права. Особенно это касается таких областей, как (международное) экологическое право, право прав человека, гуманитарное право, уголовное право или право международных организаций, а также ключевых институтов общего международного права, таких как ответственность государства, право о применении силы или обычное право, влияние международных институтов на развитие международного права [4, р. 6–7].

Следует отметить, что в растущей междисциплинарной литературе на стыке международного права и международных отношений вопросу изменений международных норм, и это признается странным, уделяется лишь ограниченное внимание. Значительная часть этой литературы направлена на трактовку и понимание конкретных норм международного права в данный момент, при этом в

ней не уделяется особого внимания динамике изменения правовых норм с течением времени.

Анализ позиций ряда ученых-международников позволил Н. Криш и Э. Йылдыз утверждать, что «картина, которая складывается в результате существующих изменений в международном праве, вызывает больше вопросов, чем дает ответов, что существует пропасть между различными оценками степени стабильности или гибкости международного права...» [4, р. 9]. Отмечается, что исследования, ориентированные на государство, конкурируют с теми, в которых основное внимание уделяется роли международных институтов. Многие из этих различий связаны с более широкими разногласиями по поводу природы международной политики, а эмпирические данные о международном праве как таковом остаются разрозненными. И большинство из исследователей – как юристы, так и политологи – представляют публикации, относящиеся к различным областям международного права и разным историческим периодам; тем самым картина изменений международного права преуменьшается, и их можно выявить только в результате комплексного исследования и почерпнуть из разрозненных данных [Ibid].

Н. Криш и Э. Йылдыз стремятся реконструировать многочисленные пути изменений в различных областях международного права, особенно в процессах изменений, которые нельзя свести к разработке международных договоров. Объясняют они это тем, что международные договоры являются наиболее распространенным способом внесения изменений в национальное законодательство, и они широко изучаются, но международные договоры – это относительно редкое явление, учитывая, насколько сложно их заключать. Исследователи также приходят к выводу, что за последние два десятилетия, с одной стороны, процесс заключения договоров застопорился. С другой стороны, многие изменения в международном праве происходят по разным направлениям – с участием действий государств, судов, экспертных органов и т.д. Под изменением в данном случае понимается любое изменение аргументации в пользу определенной позиции по содержанию международной нормы [4, р. 9]. Такой подход выходит за рамки идеи о том, что изменения международного права требуют замены одной нормы другою, что обычно лежит в основе доктринальных подходов. Вместе с тем существуют различные степени изменений, некоторые из них более ограниченные, другие более радикальные, и что невозможно провести четкую грань между простым

изменением толкования нормы и появлением нового правила. Изменение происходит, когда в какой-то другой момент времени меняется масштаб возможных интерпретаций или весомость определенных позиций в юридическом дискурсе.

Основные «идеально-типичные» пути и факторы изменения международного права

Исследователи выделяют пять основных «идеально-типичных» факторов (путей) изменения международного права, существующих в различных контекстах. Каждый путь имеет свою собственную логику и опирается на определенные полномочия и механизмы, с помощью которых происходят изменения или на которые субъекты международного права полагаются, предлагая изменения: 1) односторонние действия и заявления государств, показывающие изменения их позиции; 2) многосторонние заявления государств в рамках международной организации; 3) заявления и решения международных организаций, не предполагающие участия государств в их принятии (бюрократический путь); 4) решения судебных и квазисудебных органов (судебный путь); 5) заявления (признанных) специалистов в личном качестве без учета принадлежности к государствам или международным организациям, часто в форме отчетов, технических руководств, стандартов и т.п. [4, р. 13–15].

1. *Путь действий государства (The state action path)*. На этом пути изменения могут возникнуть, когда государства меняют свое поведение и делают соответствующие заявления, опираясь на традиционное представление об изменениях в международном обычном праве и последующей практике международных договоров. Легитимность этого пути основывается на авторитете государства. Хотя попытки внесения изменений могут быть инициированы несколькими государствами, их успех зависит от формирования более широкого консенсуса вокруг предлагаемого изменения. Механизм изменений обычно состоит из двух этапов: предложение новой нормы или установление новой практики, а затем достижение консенсуса вокруг этих новых представлений. Традиционно считалось, что такой консенсус требует практически всеобщего признания или молчаливого согласия, но на практике фактический порог может быть ниже.

2. *Многосторонний путь (The multilateral path)*. Здесь изменения происходят в результате заявлений, сделанных многими го-

сударствами в рамках международной организации. Они опираются на коллективный авторитет государств, а также на институциональный авторитет международной организации. Так, резолюция, принятая Советом ООН по правам человека, например, часто будет казаться более авторитетной, чем коллективное заявление тех же государств вне рамок организации. Попытки изменить ситуацию на этом пути обычно осуществляются путем внедрения новых идей с помощью деклараций и документов мягкого права, а также принятия официальных международных договоров, которые могут изменить мнение об обычных или толковании существующих соглашений, даже если они не ратифицированы повсеместно.

3. *Бюрократический путь (The bureaucratic path)*. Изменения на этом пути определяются как результат решений или заявлений, принимаемых международными организациями в контексте, который не предполагает прямого участия государств в процессах принятия решений. Он основан на делегированных полномочиях или бюрократических полномочиях, вытекающих из опыта, возможностей и процедур, хотя он также может отражать принципиальный (моральный) авторитет. Источники полномочий часто бывают неоднозначными и зависят от конкретного органа, о котором идет речь. Например, КМП ООН опирается как на свой мандат, так и на признанный опыт своих членов. Обычно этот путь заключается в подготовке текстов для целей разъяснения и толкования и, таким образом, носит более технический характер.

4. *Судебный путь (The judicial path)*. Изменения в этой форме признаются результатом решений и заключений судов и квазисудебных органов. Они зависят от полномочий судебных экспертов и, часто, также от делегирования полномочий государствами. Изменения обычно происходят с помощью механизмов толкования или передачи мнений, выраженных в других правовых инструментах (как мягких, так и жестких), без открытых претензий на осуществление изменений. Международные суды являются типичной опорой на этом пути, но такие институты, как договорные органы ООН по правам человека или национальные контактные центры ОЭСР, играют здесь такую же роль, как и национальные суды, когда они интерпретируют международное (а не национальное) право.

5. *Путь личного авторитета (The private authority path)*. Изменения в этом методе следуют за заявлениями или отчетами признанных специалистов в личном качестве без четкой принадлежности к государствам или международным организациям или

мандата от них. Притязания этого пути на легитимность основаны на авторитете, полученном от опыта, возможностей или принципов, а также на инклюзивных процедурах. Механизмы изменений на этом пути часто представляют собой вмешательства, ориентированные на решение конкретных проблемных областей, и реализуются посредством разработки технических руководств, стандартов и нормативных актов, отвечающих новым требованиям, которые (пока) не решаются другими способами, но в более исключительных случаях, таких как МККК, могут оказать влияние, в значительной степени способствуя долгосрочному изменению установленных правил.

Следует подчеркнуть, что эти пути идеально типичны и не являются взаимоисключающими – достаточно часто они проходят параллельно или пересекаются, поддерживая или подрезая друг друга. Взаимодействие между путями приводит к целому ряду последствий – от закрепления правовых изменений путем создания координационных центров до предоставления оснований для (дальнейшего) юридического оспаривания путем предоставления альтернативных интерпретаций. Они также часто появляются последовательно, причем одни пути могут опираться на другие, например, судебный – на частный. Таким образом, изменения в международном праве редко являются результатом задействования одного-единственного механизма [4, р. 15].

Н. Криш и Э. Йылдыз задаются вопросом: когда попытка изменить международное право оказывается успешной [4, р. 18]. И ищут ответ на него в традиционной правовой доктрине, которая фокусируется исключительно на позициях государств и требует почти единодушной поддержки или молчаливого согласия между государствами (или участниками международных договоров). В действительности этот порог оказывается ниже – изменения, по видимому, принимаются во многих случаях с меньшей поддержкой со стороны государств или даже вопреки возражениям с их стороны. Однако неясно, какие факторы определяют успех процессов изменений. В существующей литературе особое внимание уделяется двум группам факторов: *позициям государства и свойствам норм*. Важны еще две группы факторов, обе из которых связаны с описанными выше путями: одна связана с *институциональной структурой* соответствующего контекста, а другая – с *дискурсивными возможностями*, способствующими правовым изменениям. Важность этих последних факторов подтверждается подходами, основанными на историческом и дискурсивном инсти-

туционализме, которые менее заметны в международных отношениях, но потенциально эффективны в контексте такой дискурсивно ориентированной области, как международное право [4, р. 18–19].

Позиции государств. Большинство наблюдателей сходятся во мнении, что успех изменений в международно-правовых нормах во многом зависит от того, насколько сильно государства поддерживают их или выступают против. Там, если среди государств есть единодушие или почти полное единодушие, изменения скорее всего произойдут гладко и быстро. В сфере обычного права этот факт подтверждается такими понятиями, как «устоявшийся обычай» или различные формы «современной обычая», которые уменьшают необходимость согласованности практики или заявлений с течением времени [4, р. 19]. Анализ литературы также показывает, что лидирующие страны не всегда добиваются перемен с помощью быстро претворяемых в жизнь предложений о существенных изменениях. Они могут осуществлять фундаментальные и в то же время неформальные изменения посредством постепенного изменения путем внесения предложений о целесообразности определенных стандартов, или моделей поведения. Они также могут намеренно сохранять нормы нестабильными, чтобы оставить больше пространства для маневра [Ibid].

Педро Мартинес Эспонда, профессор международного права Иbero-американского университета в Мехико, отмечает, что некоторые различия в плане необходимой государственной поддержки могут быть связаны с важностью рассматриваемой нормы – с тем, в какой степени попытка изменить норму привлекает внимание высокопоставленных политиков или общественного мнения. По вопросу, имеющему относительно ограниченную значимость, изменения могут происходить более плавно, и возражения некоторых государств могут не казаться слишком серьезными (и могут не сопровождаться вложением значительного дипломатического капитала). Напротив, когда речь заходит о важных вопросах, участие государств скорее всего будет более активным, и они с меньшей вероятностью будут оставаться в стороне, если их коснутся процессы изменений [3, р. 69–87].

Например, как показывает Марк Поллак, профессор политологии и права Темплского университета в Филадельфии, Администрация президента США Дональда Трампа (речь идет о первом сроке его президентства) стала самым значительным «проводником перемен» в международном правовом порядке за последние десятилетия. Трамп изменил «политику США в отношении широ-

кого спектра договоров, касающихся торговли и контроля над вооружениями, изменения климата и здоровья, а также международных учреждений ...». «Администрация Трампа атаковала эти столпы правового порядка, возглавляемого Америкой, и потратила значительное количество энергии на подрыв установленных правил и институтов права международной торговли – проблемной области, которая была (и остается) весьма актуальной» [6, р. 35–37].

Стандартные свойства норм. Вторым набором факторов, которые влияют на вероятность успеха попыток внесения изменений, являются свойства международных норм. В первую очередь это касается их *стабильности*: чем более устоявшейся и неоспоримой является существующая (интерпретация) норма, тем выше порог для изменений.

Стабильность и жесткость существующей нормы определяют, насколько высокой будет мотивировочная нагрузка для попытки изменения. Когда нагрузка невелика, небольшие изменения в обстоятельствах могут спровоцировать изменение нормы. Когда бремя становится выше, инициаторам перемен требуется более веское обоснование, и им часто приходится идти более медленным путем, сначала дестабилизируя существующие договоренности, а затем восстанавливая новые [4, р. 21].

Институциональная поддержка. Этому набору факторов уделяется меньше внимания в литературе, посвященной изменению международных норм, но, как предполагают редакторы книги, эти изменения не менее важны: существование, форма и доступность институтов и органов власти. Институциональные факторы могут иметь значительные последствия для ряда элементов процессов изменений. В этом смысле обычно имеет решающее значение, исходит ли поддержка попытки перемен от подавляющего большинства членов Генеральной Ассамблеи ООН или от группы экспертов по данному вопросу. Однако, как полагают авторы, без четкой институциональной поддержки предложения об изменениях новое понимание нормы вряд ли получит распространение [4, р. 22–24].

Дискурсивные возможности. Четвертый набор потенциальных факторов относится к взаимосвязи правовых норм с идеологической атмосферой вокруг них. Когда этот разрыв увеличивается, и особенно когда он увеличивается внезапно или в течение короткого промежутка времени, возрастает необходимость адаптации международно-правовых норм. В критический момент, например в связи с окончанием Второй мировой войны или с гено-

цидом в Боснии, или нападениями 11 сентября, международные правовые изменения могут произойти, даже если прежние нормы стабильны, а государственная поддержка относительно слаба [4, р. 24–25].

Эти названные выше группы потенциальных факторов, лежащих в основе успешных изменений международного права, взаимозависимы, т.е. взаимно усиливают друг друга, но при определенных обстоятельствах также могут влиять на принятие решений или потенциально заменять друг друга.

Далее кратко остановимся на четырех основных темах, составляющих содержание рассматриваемой коллективной монографии: (1) стратегии изменений международного права и (2) формы его изменений, (3) движущие силы этих изменений и (4) измененные ситуации, влекущей трансформацию международного права.

Стратегии изменений международного права

Стратегия является важной частью инструментария для процессов изменения международного права, и часто она адаптируется к средствам и целям попыток внести эти изменения, утверждает М. Поллак [6, р. 35]. В связи с этим в центре внимания одного из авторов книги – деятельность Администрации президента США Дональда Трампа¹ и ее долговременное наследие, которое он определяет как самый значительный «проводник перемен» в международном правовом порядке за последние десятилетия. Сравнительное исследование политики этой Администрации, ее целей, средств и наследий автор проводит в четырех областях права международной торговли: 1) пересмотр североамериканского законодательства. Соглашение о свободной торговле (НАФТА) в качестве соглашения между Соединенными Штатами и Мексикой и Канадой (USMCA); 2) выход из подписанного, но не ратифицированного Транстихоокеанского партнерства (ТТП); 3) несоблюдение правил ВТО в форме всеобъемлющих тарифов против Китая; 4) паралич Апелляционного органа ВТО.

М. Поллак считает, что в целом администрация Трампа является самым значительным «проводником перемен» в международном правовом порядке за последние десятилетия. Автор на конкретных примерах проводит сравнительное исследование, ана-

¹ Речь в книге идет об анализе деятельности Администрации президента США Дональда Трампа в первый срок его президентства (2016–2020).

лизирует цели, средства и наследие политики администрации Трампа в четырех областях права международной торговли: (а) пересмотр североамериканского законодательства. Соглашение о свободной торговле (НАФТА) в качестве соглашения между Соединенными Штатами и Мексикой и Канадой (USMCA); (b) выход из подписанного, но не ратифицированного Транстихоокеанского партнерства; (с) несоблюдение правил ВТО в форме всеобъемлющих тарифов против Китая; и (d) паралич Апелляционного органа ВТО. На основе данного исследования автор заключил, что «администрация Трампа с переменным успехом стремилась подорвать международное верховенство права как таковое и что, по крайней мере, некоторые из ее усилий оставили неизгладимый след в мире, они ослабили международные законы и институты» [6, р. 35–36].

Стратегии бывают разной направленности, и заинтересованные субъекты международного права могут прибегать к тактике, отличной от той или иной попытки изменить ситуацию, отмечает Педро Мартинес Эспонда, профессор международного права Иберо-американского университета в Мехико, исследующий довольно малоизученную тему нормотворческой нестабильности как стратегию международного нормотворчества и форму взаимодействия государств и международных организаций с международным правом [3, р. 69–88].

Нестабильный статус нормы активно культивируется субъектами международного права, которые предпочитают широкое пространство для маневра, а не четко ограничивающие правила. Нестабильность нормы, подчеркивает Педро Мартинес Эспонда, может быть преднамеренной и поддерживаться по меньшей мере четырьмя различными стратегиями дестабилизации: многосторонняя двусмысленность, избирательный протест, скомпрометированная поддержка и непонятный (загадочный) прецедент.

Стоящая где-то между полной поддержкой четкого правила и явным противодействием существованию международного правила, нормодестабилизация как форма участия в международном законодательстве, по мнению автора: во-первых, – это ситуация, когда международная норма не может дать однозначного ответа на юридическую проблему либо потому, что ее условия остаются в значительной степени неясными, либо потому, что степень ее обязательности вызывает серьезные споры; во-вторых, – это нежелание международного субъекта конкретизировать аргумент о значении, сфере охвата, обязательности или существовании правила

до такой степени, чтобы это правило обеспечивало бы простой ответ на регулируемый юридический вопрос.

Показательно то, что автор в этой нестабильности видит определенную ценность и полагает, что она сохраняет свободу действий вовлеченных в нее заинтересованных сторон. В то время как стабильные правила не оставляют сомнений в том, что запрещено, нестабильность норм максимально расширяет спектр возможных вариантов поведения и сохраняет видимость законности и – что крайне важно в дискурсивной среде, управляемой идеей верховенства закона, – легитимности. Таким образом, считает Педро Мартинес Эспонда, во многих контекстах сохранение нормативной нестабильности путем недопущения закрепления неблагоприятной нормы будет рациональным курсом действий для субъектов международного права [3, р. 88].

Дополнительная ценность нормостабилизации, в отличие от откровенного противостояния, заключается в том, что она решает проблему в рамках правового дискурса и верховенства закона [ibid].

Формы изменений международного права

Форма изменений, полагает Тони Патнэм, научный сотрудник Колумбийского университета, важна не только для определения амбициозности попыток изменений в международном праве, но и для создания препятствий или возможностей для успешного осуществления этих изменений. В своей части книги он прослеживает общую динамику таких изменений на примере понимания обязательства по предотвращению, закрепленного в Конвенции о геноциде 1948 г. и толкования этой Конвенции. Переосмысление концепции предотвращения злодеяний без внесения официальных поправок в текст договора стало возможным благодаря усилиям многих сторон – правительств, международных организаций и негосударственных субъектов. В части книги Т. Патнэм высказывает несколько заслуживающих внимания соображений о преимуществах сосредоточения внимания на конкретных пути развития международного права [7, р. 107–127].

В свою очередь, Ваутер Вернер, профессор международного права Амстердамского свободного университета, исследует динамику, стоящую за пересмотром и кодификацией существующего права. На основе исследования проекта выводов КМП ООН по определению обычного права он приходит к заключению, что изме-

нения в этой области, часто осуществляемые экспертами, наделенными полномочиями переформулировать, а переформулированное превращать во что-то новое и непохожее, носит в высшей степени политический характер, особенно потому, что оно предполагает отделение релевантных материалов от не относящихся к делу. Повторение порождает перемены, но также скрывает политическую динамику, которая ими движет. В. Вернер называет такой подход «бюрократическим путем» к переменам. Для этого у него есть основания: КМП «опирается как на свой мандат, так и на признанный опыт своих членов». КМП отличается от почти всех других юридических экспертных органов своим особым институциональным положением, встроена в структуру, в которой доминирует государство, и частично зависит от их мнения и восприятия. Когда речь заходит о работе КМП, бюрократический путь и путь действий государства, как правило, пересекаются. Главная тема, которую рассматривает автор, – разработка норм КМП, этап, на котором «действующие лица и органы власти, связанные с определенным путем, обрабатывают изменения и формулируют заявления о статусе рассматриваемой нормы» [11, р. 129–132].

Движущие силы перемен

Эта актуальная и остро дискуссионная тема рассматривается Уэйном Сандхолцем, профессором и заведующим кафедрой международных отношений Джона А. Маккоуна факультета политологии и международных отношений Школы права Гулда Университета Южной Калифорнии [8, р. 179–200]. Речь идет о более широких силах, которые приводят к переменам, – смене власти, идей или конфигурации действующих лиц. Он сосредоточен на влиянии растущего авторитаризма на законодательство в области прав человека. При этом У. Сандхолц подчеркивает, что международные правовые изменения не обязательно должны быть прогрессивными или либеральными. С его точки зрения: «(1) изменения в международном праве не всегда носят прогрессивный характер, но могут также происходить в нелиберальном направлении; и 2) для международного права в области прав человека – и, вероятно, также для других областей международного права – важнейшие пути изменений пролегают через национальные институты и практику» [8, р. 199].

Последствия усиления роли прав человека и защиты окружающей среды рассматриваются Селин Тревизанут, профессором

международного права и устойчивого развития Утрехтского университета, Нидерланды. Она прослеживает проблему трансформирования морского права под воздействием современных тенденций развития международных отношений и международного права. Как замечает С. Тревизанут, после принятия Конвенции ООН по морскому праву четыре десятилетия назад морское право казалось относительно статичным, но изменения произошли в смежных областях международного права, особенно благодаря активизации многосторонних, бюрократических и частных механизмов управления, которые направляют сигналы об изменениях в области прав человека и экологического права. По ее словам, этому преобразованию способствует участие нескольких альтернативных органов власти, таких как международные организации, экспертные учреждения, добивающиеся нового понимания руководящих принципов и справочников, а также частных субъектов (например, нефтегазового сектора и профессиональных ассоциаций) [10, р. 201–226].

Ситуации, влекущие изменения в международном праве

Рассмотрения этой темы Джефф Кусик, доцент кафедры политологии и права в Университете Аризоны, и Серхио Пуч, профессор права и директор программы международной торговли и делового права в этом же Университете, начинают с изучения институтов, участвующих в международных правовых изменениях. Анализ ситуации сосредоточен на Апелляционном суде ВТО, который действует и полномочен осуществлять изменения соответствующих норм международного права, и, в частности на том, как этот Суд относится к «прецеденту» в ответ на политические вызовы. Основываясь на широком количественном анализе судебной практики Апелляционного суда ВТО, авторы приходят к выводу, что данный Суд действительно с гораздо большей вероятностью скорректирует свою судебную практику перед лицом таких вызовов – очень важный вывод, который проливает свет на политическую динамику судебного процесса, на котором государства больше не находятся у руля, но все еще продолжают действовать, оказывать значительное влияние [5, р. 249–251].

Доротей Эндрес, научный сотрудник Женевского института международных исследований и исследований в области развития, кандидат юридических наук, изучает социологические рамки, с помощью которых конструируются изменения в международном

праве. Д. Эндрес отмечает, что оценка постепенных изменений особенно сложна, когда они обрабатываются в разных практических сообществах, которые могут прийти к разным выводам о том, произошли ли изменения и кто уполномочен их идентифицировать. Как утверждает автор, в отсутствие координационного органа, способного обеспечить сближение, могут сохраняться различные позиции, что снижает шансы на прямое объединение. Таким образом, «перемены» часто находятся в поле зрения наблюдателя и обусловлены конкретной практикой сообщества, в котором он находится [2, р. 289–290].

В центре внимания Фуада Зарбиева, доцента кафедры международного права Женевского института международных исследований и развития, представлен процессно-ориентированный анализ изменения полномочий КМП по толкованию в международном праве. По мнению автора, КМП поставила под сомнение верховную власть государства в области толкования международных договоров в своем проекте выводов о последующей практике. Однако с созданием официального режима толкования международных договоров, а также с распространением альтернативных органов по толкованию и договоров с третьими сторонами-бенефициарами ситуация начала осторожно меняться. Ф. Зарбиев предполагает, что даже с точки зрения доктрины центральная роль государств в (толковательных) изменениях в международном праве является относительной [12, р. 307–308].

БС Чимни, профессор международного права Международной юридической школы Джиндала, Индия, в «Эпилоге» размышляет о перспективах изменений международного права и ограничивающих их рамках. Автор делает акцент на постепенных и неформальных изменениях, поскольку такие подходы стали доминирующей формой изменений из-за «преобладающей насыщенности международного права договорами». По его мнению, пути постепенных изменений потенциально открывают пространство для антигегемонистских движений и идеалов, но только лучшее понимание политики этих путей позволит использовать их в разумных целях [1, р. 346].

Заключение

Как, почему и при каких условиях попытки внесения изменений в международное право оказываются успешными – до сих пор не совсем понятно. Эта книга приближает к пониманию этого

вопроса. В ней представлен инструментарий, помогающий изучать пути и факторы внесения изменений в международное право. Для того чтобы уловить динамику изменений в международном праве, в книге описываются пути, способы, скорость, трудности изменений в международном праве. Картина таких изменений показывает, какую важную роль продолжают играть в этом процессе государства и другие международные субъекты.

Ученые из разных стран мира рассматривают многие факторы, определяющие успех попытки внесения изменений в международное право. Многие процессы изменений, описанные ими, имеют прогрессивное направление, но это зависит от конкретного политического контекста.

Список литературы

1. Chimni BS. Epilogue: Fragmentary Thoughts on Informal Change // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 335–346.
2. Endres D. Whose International Law is Changing? The Practice of Fragmented Communities Constructing Legal Change // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 267–289.
3. Esponda Pedro Martnnez. Norm- instability as a Strategy in International Lawmaking: The Case of Self- defence against Non- state Actors // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 69–88.
4. Krisch N., Ezgi Yildiz E. The Many Paths of Change in International Law: A Frame // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 3–33.
5. Kucik J., Puig S. The Appellate Body’s Judicial Pathway: Precedent, Resistance and Adaptation // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 249–265.
6. Pollack M.A. Trump as a Change Agent in International Law: Ends, Means, and Legacies // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 35–68.
7. Putnam T. Tracing International Legal Change in Genocide Prevention // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 107–128.
8. Sandholtz W. Resurgent Authoritarianism, Rights, and Legal Change // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 179–200.
9. *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – 371 p.
10. Trevisanut S. The Future of the Oceans: The Role of Human Rights and International Environmental Law in Shaping the Law of the Sea // *The Many Paths of*

Change in International Law / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 201–226.

11. Werner W. The Making of Lawmaking: The ILC Draft Conclusions on the Identification of Customary Law // The Many Paths of Change in International Law / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 129–149.
12. Zarbiyev F. A Quiet Revolution in the Making? The Changing State Authority in Treaty Interpretation // The Many Paths of Change in International Law / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 291–308.

ЗАХАРОВ Т.В.¹ К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены позиции российских и зарубежных ученых по отдельным вопросам обеспечения безопасности государства и мирового сообщества, тенденции изменения международного права и развития международной системы безопасности и межгосударственного взаимодействия. Раскрываются особенности международно-правовой концепции «национальная безопасность» и концепции «платформенной сетевой модели» сотрудничества государств.

Ключевые слова: международное право; международная безопасность; национальная безопасность; коллективная безопасность; сотрудничество государств.

ZAKHAROV T.V. On the Transformation of the International Security System (Review)

Abstract. The review presents the positions of Russian and foreign scientists on certain issues of ensuring the security of the state and the global community. It examines the trends in the development of international law and the international security system, as well as the features of the international legal concept of “national security” and the concept of a “platform-based network model” of state cooperation.

Keywords: international law; international security; national security; collective security; State cooperation.

Для цитирования: Захаров Т.В. К вопросу о трансформации системы обеспечения системы международной безопасности (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литерату-

¹ Захаров Тимофей Владимирович, научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Введение

Система обеспечения безопасности государства и мирового сообщества находится сегодня в условиях множественных кризисов в межгосударственных отношениях. Глобальные проекты мироустройства сталкиваются с потребностями государств в обеспечении национальной безопасности как условия реализации их национальных интересов. Как следствие, происходит интенсификация регионального и субрегионального взаимодействия государств. В условиях деградации многих прежних соглашений о международной организации взаимодействия, государства ищут новые основы и формы сотрудничества.

Современные кризисы в межгосударственных отношениях

«В условиях нарастания глобальных вызовов и угроз особую остроту, как отмечает А.Я. Капустин, президент Российской Ассоциации международного права, приобрели кризисные ситуации, в которых отражаются отклонения от эволюционного развития государства и права, с ростом достижений цивилизации наблюдается неуклонное увеличение бедствий» [3, с. 43]. Затрагивающие сферу международных отношений кризисы вызываются как естественными причинами (погодными аномалиями, такими как пожары, наводнения, землетрясения, ураганы, и иными стихийными бедствиями), человеческим фактором (техногенные катастрофы), так и политическими причинами (акты терроризма, межгосударственные конфликты) [3, с. 43].

Среди причин современных кризисов в межгосударственных отношениях ученые называют: крах биполярной системы международных отношений и однополярное господство США в международной системе. Так, профессор Р.И. Мюллерсон считает, что в современном состоянии международная система представляет собой геополитическую конфигурацию мира, имеющую тенденцию «... рывками продвигаться к своего рода многополярности» [14, р. 377]. Ю.Н. Саямов, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, говорит о провале англосаксонской геополитической концепции глобального доминирования в результате

консолидации мирового большинства на принципах суверенного равенства государств и независимого, отвечающего их национальным интересам развития [9, с. 45].

Мир от глобальной конфронтации удерживала Ялтинско-Потсдамская система международных отношений. Попытка создать на ее основе всеобщую систему международной безопасности дискредитировала себя в том отношении, что число открытых внутренних и международных вооруженных конфликтов, начиная с 1945 г., может быть по-разному оценено, однако данное число есть и условий его отсутствия нет. Тем не менее также следует признать, что сформированный в период принятия Устава ООН макет мироустройства стал цивилизационным достижением – следствием ужасов двух мировых войн, попыткой избавить будущие поколения человечества от угрозы их повторения [2, с. 46].

Влияние политических форм межгосударственного взаимодействия на состояние международной системы

В науке по-разному оценивается современное цивилизационное развитие государств, и выделяются тенденции изменения международной системы. По мнению Р.И. Мюллерсона, «Тенденция к концентрации власти, будь то в экономике (склонность к монополизации при отсутствии регулирования) или в политике, по-видимому, является общим правилом общественной жизни. Такая тенденция ведет к “сверхцентрализации” власти» [14, р. 384].

При этом автор подчеркивает, что «Любая власть без противодействия имеет тенденцию становиться абсолютной, независимо от того, происходит ли это внутри государства или за его пределами, если нет другой власти (полномочий), которая могла бы ее сдерживать; закон сам по себе не является достаточной гарантией от таких тенденций. Кандидат на диктатуру всегда может изменить конституцию в свою пользу, если нет никого достаточно сильного, чтобы бросить ему вызов, а власть, которая доминирует на международном уровне, способна “интерпретировать” или переписать международное право в соответствии со своими собственными интересами, если нет другой силы, способной оказать сопротивление. Таким образом, право (закон) становится просто фасадом, призванным скрывать чистые отношения власти» [14, р. 384].

Сегодня существует фундаментальная несовместимость между гиперглобализацией, с одной стороны, и демократией и на-

циональным суверенитетом – с другой, пишет Р.И. Мюллерсон. Процесс глобализации, подчеркивает он, выявил и обострил не только противоречие между демократией и национализмом, идеал которого воплотился в концепции национального государства и на основе которого возникла и эволюционировала современная демократия, но и противоречие между демократией и либерализмом – как экономическим, так и социальным. Более того, экономический либерализм с глобальными неконтролируемыми мировыми финансовыми рынками вкупе с социальным либерализмом, ставящим личность с ее интересами и желаниями выше интересов общества, разрушают социальные связи, которые помогли объединять общества, и, как следствие, также подрывают национальные государства – колыбели общества, демократии [14, р. 386, 388].

Социальные группы, доминирующие в политике, экономике и средствах массовой информации, ведут себя, замечает Р.И. Мюллерсон, как либеральные автократы по отношению к тем, кого они считают принадлежащими к толпе. Таким образом, существует не только недемократический (или авторитарный) либерализм, но мы также сталкиваемся с ростом либерального империализма, эвфемистически называемого «либеральным международным порядком», что придает дополнительный импульс росту националистического популизма. Либеральный империализм, т.е. попытки навязать либеральные ценности либо убеждением либо силой как универсальные ценности для всех и каждого, является тревожным сигналом для тех, для кого, скажем, коллективистские ценности, исторические традиции, стабильность или национальная независимость более или, по крайней мере, не менее важны, чем индивидуальные свободы [14, р. 396–398].

По-прежнему «Вашингтон пытается навязать своей военной мощью не эту довольно благородную международную нормативную систему, которая волей-неволей работала даже во времена холодной войны, и финансовое господство, но так называемый “основанный на правилах либеральный международный порядок”, т.е. порядок, основанный на правилах, установленных в Вашингтоне, который не имеет ничего общего с международным правом» [14, р. 399].

Сохранение такого подхода к межгосударственным отношениям приводит к современным международным кризисам. Среди таких проявлений кризисов, как терроризм, организованная преступность или дифференциация правовых подходов к изменению климата, следует выделить рост политизации международных от-

ношений и взаимосвязь международных кризисных явлений. Терроризм и международный терроризм покушаются не только на безопасность и благосостояние личности, но и наряду с иными формами организованной преступности воздействуют на правопорядок и все стороны и качество жизни народов, государств, национальных и международных регионов, отмечает Е.Г. Ляхов, профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД им. В.Я. Кикотя, вице-президент Российской Ассоциации международного права [5, с. 106; 6, с. 56]. По мнению А.Я. Капустина, «до настоящего времени попросту отсутствует не только адекватное международно-правовое регулирование, но и нет актов рекомендательного характера и даже так называемого “мягкого права”» [3, с. 43].

Развитие в международной системе концепций «мягкого права», рост значения резолюций международных организаций и международной юстиции и другие факторы так или иначе свидетельствовали об отходе от доктринального понимания нормы международного права, заложенного в 1945 г. в Устав ООН. Рекомендательный характер в международном праве имеет политическое, а не правовое значение. Все большее обращение государств к неправовым инструментам для урегулирования отношений позволило смягчать противоречия между ними, переводя их в плоскость политического «обсуждения» (пристрастий), но такая последовательная политизация международных отношений стала важной предпосылкой становления современного состояния международной системы.

США подменили международное право «порядком, основанном на правилах» как условием взаимодействия государств с ними, говорит в большей степени о подчинении национальной политики политике США, а не о появлении нового международно-правового явления. Хотя описываемая профессором политологии Чикагского университета Д. Миршаймером, теоретическая модель «порядка, основанного на правилах», и говорит фактически о простейших юридических конструкциях [13, р. 7, 9–11], в целом она является моделью политического взаимодействия особого рода, требующей самостоятельного определения [11, р. 223–224; 14, р. 399]. Следование политике США или любого другого государства, доминирующего среди государств, подчинившихся предложенному порядку, остается следованием политике, независимо от того, какую они выберут для этого правовую форму.

Система равной и неделимой безопасности

Нормативную основу системы международной безопасности составляет международное право. Несмотря на широкий спектр видов угроз международному миру и безопасности, суть системы международной универсальной коллективной безопасности, а также роль и функции ее участников состоят в ее обеспечении на основе принципов и норм международного права в соответствии с положениями Устава ООН [10, с. 168]. Суть принципа равной и неделимой безопасности в международном праве выводится исследователями из концепции всеобщей безопасности, заложенной в Уставе ООН [8, с. 15]. неделимость безопасности как условие системы международной безопасности признана в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 42/93 «Всеобъемлющая система международного мира и безопасности» от 7 декабря 1987 г., согласно которой: «В ядерно-космическую эпоху в условиях неразделимости («indivisibility») мира и безопасности во всех регионах мира и растущей взаимозависимости между странами вызовы нашего времени делают необходимым укрепление многостороннего сотрудничества во всех областях и сотрудничество в поиске путей и средств осуществления системы безопасности, предусмотренной в Уставе... Новое мышление, основанное на осознании того, что государства могут выжить лишь вместе друг с другом, а не против друг друга, должно руководить их действиями».

В системе международной безопасности, построенной на принципе равной и неделимой безопасности, безопасность каждого государства тесно связана с безопасностью других государств; государства не могут укреплять свою безопасность за счет ущемления безопасности других. Безопасность одного государства связана с безопасностью мира в целом по формуле: «безопасность одного – безопасность всех и безопасность всех – безопасность одного» [6, с. 55].

Вывод о том, что в основе системы международной безопасности лежит национальная безопасность государства, отражает государственнический уклон в теории, однако он имеет прочное методологическое значение в оценке состояния международной системы. Вопрос о достижении безопасности мирового сообщества путем нарушения безопасности государств имеет крайне негативную морально-этическую окраску и, по меньшей мере, не укрепляет целостность лежащего в основе системы правового механизма [там же].

В условиях современного состояния международной системы национальная безопасность государства заключается, в том числе, в его участии в системе международной безопасности [10, с. 174].

К вопросу о трансформации систем безопасности государства и мирового сообщества

Свидетельствует ли введение в международную систему моделей, подобных «порядку, основанному на правилах», об откате в цивилизационном развитии? Гиперполитизация международных отношений, крайнее расширение сфер международного взаимодействия, оперируемых категориями быстрой политики, в отрицательной коннотации приводят к открытому противостоянию политических интересов участников взаимодействия – предпосылке конфликта в международной системе. Идея создания «Мирового сообщества государств», где безопасность каждого из них добросовестно согласована с безопасностью других, выглядит более привлекательной в гуманистическом плане, даже при осознании, что учет интересов других объективно ограничивает государства в собственных стремлениях.

Такие характерные для описанной Д. Миршаймером модели порядка, основанный на правилах, меры по его поддержанию, как отказ государству во взаимодействии, применение мер воздействия на государство за несоблюдение этого правила, односторонняя констатация нарушения государством этого порядка, безусловно, деструктивно влияют на современную систему международных отношений, рассматриваемую в целом. В этом отношении, вероятно, следует говорить о попытке формирования в международной системе условно замкнутой межгосударственной системы, подчиненной собственному внутреннему политическому порядку, противопоставляемому иному. «Порядок, основанный на правилах» становится причиной кризиса международного права, считает Ю.Н. Саямов [9, с. 45]. Попытка унификации господства таким образом, по мнению Р.И. Мюллерсона, неизбежно приводит к геополитическим конфронтациям, олицетворением которых сегодня является СВО на Украине [14, р. 377].

В условиях современных кризисов международной системы понятия «справедливая война» или «легальная война» остаются категориями современного международного права. В то же время, отмечают И.С. Лялина, научный сотрудник сектора международ-

ного права Института государства и права РАН, и С.В. Королев, главный научный сотрудник этого же сектора, современная парадигма национальных военных доктрин «...осциллирует между двумя полюсами: условно милитаристской (гегемониальной) интерпретацией собственных военных операций на одном полюсе и их условно оборонительной интерпретацией на другом полюсе» [4, с. 27]. При этом оборонительная интерпретация военных операций может включать в себя аспекты военной инициативы, говорят авторы о примере концепции превентивной войны Израиля [4, с. 27].

Концепция государственной безопасности Израиля, как представляется, основывается на ст. 51 Устава ООН – неотъемлемом праве на индивидуальную и коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение [7, с. 3]. Тем не менее демонстрируемый Израилем приоритет собственной национальной политики, в том числе перед резолюциями Совета Безопасности ООН [там же], предупреждающее силовое воздействие Израиля на кластеры военных угроз, расположенные на территории сопредельных или просто недружественных государств, карательные операции вооруженных сил в ответ на военные удары по его территории и особенно по гражданскому населению, дают основания рассматривать концепцию превентивной войны Израиля «...как *casus specialis*, т.е. как особый случай мимикрии или контаминации милитаристской концепции (агрессивной) войны» [4, с. 27].

Региональные системы международной безопасности

В условиях изменения международной системы стремление государств к региональному взаимодействию видится объективным. Очевидно и возрастание роли обычных норм международного права, действующих в регионе.

Понятие «регион» в этом отношении имеет в современных условиях расширенное определение на основе комплекса политических, экономических, культурных, исторических и других признаков, где региональная идентичность определяется не столько географической близостью, сколько общностью интересов государств [2, с. 52].

Юридическое обоснование региональных систем безопасности, оправдываемое необходимостью учета региональных особенностей и интересов, основывается на ряде принципов Устава ООН о включенности таких систем в равную и неделимую универсаль-

ную – «всеобъемлющую» в терминах ООН систему поддержания международного мира и безопасности [2, с. 52]. О.Н. Мороз отмечает, что принцип равной и неделимой безопасности нашел достаточное отражение в документах региональных международных организаций, и обращает внимание на спорность ограничения неделимости безопасности в пределах международной организации взаимодействия государств на примере НАТО [8, с. 16–17].

Ю.Н. Саямов делает акцент на организационной форме взаимодействия государств, способной дать им возможность выйти из сферы внешнего давления и осуществлять политику в собственных интересах [9, с. 44–45]. В итоговой резолюции Международной научно-практической конференции «БРИКС в эпоху глобальных социальных трансформаций», проведенной 24 мая 2024 г. по инициативе факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, отмечен новаторский взгляд на платформенную сетевую модель для формирования нового равноправного многополярного мироустройства и справедливой глобальной системы управления, представленный в основном докладе академика А.А. Акаева [9, с. 46]. Платформа при этом понимается как базовая инфраструктура, посредством которой реализуются взаимоотношения между участниками сети (государствами), а сеть – как система децентрализованного управления. Платформы генерируют сетевые эффекты, а сетевые эффекты, в свою очередь, повышают ценность платформы. Чем больше пользователей у платформы, тем более ценной она становится [9, с. 46].

Ю.Н. Саямов выделяет четыре основные функции платформы: 1) привлечение участников; 2) координация, помогающая пользователям находить партнеров в тех или иных начинаниях и ускоряющая тем самым процесс взаимодействия и осуществления транзакций; 3) предоставление инструментов и сервисов для взаимодействия участников; 4) определение правил и стандартов, которым должны следовать участники [9, с. 48–49]. Правила взаимодействия на платформе устанавливают государства-члены, и они же должны внимательно следить за их соблюдением, используя уполномоченные ими сетевые структуры и не допуская внешнего вмешательства во внутренние процессы объединения [9, с. 47]. Платформа должна быть способной предоставить участникам своей сети возможность находиться в постоянной оперативной связи между собой для эффективного решения повседневных задач экономического развития и сотрудничества, осуществления взаимных плате-

жей и кредитно-финансовых проектов, обмена товарами, услугами и информацией без излишних барьеров и препятствий [9, с. 47].

Привлекательность сети может сдерживаться так называемым «эффектом ловушек», когда потенциальный новый участник отказывается от присоединения к сети, несмотря на желание воспользоваться ее благами и очевидными выгодами, опасаясь утратить преференции прежнего альянса и получить проблемы в связи с выходом из него. Именно это произошло в случае с Аргентиной, руководство которой не решилось на присоединение к БРИКС, опасаясь негативной реакции со стороны США, говорит Ю.Н. Саямов [9, с. 48]. Перспективы роста сети пользователей платформы зависят от выбора пути ее развития, отвечающего интересам группы, к которой принадлежат основные участники [9, с. 48–49].

Заключение

В настоящее время обеспечение безопасности каждого отдельного государства все более становится частью общего международного правопорядка. Безопасность любого государства зависит все меньше от количества и качества имеющегося у него оружия и все больше – от состояния международных отношений, полагает Г.Г. Шинкарецкая [10, с. 168]. Попытки доминирования в международной системе обостряют ценность, подчеркивает Ю.Н. Саямов, межцивилизационного равноправного диалога и дружественного партнерства [9, с. 50, 52].

Ученые-международники обращают внимание на необходимость международно-правовой стратегии по восстановлению международного порядка на основе уважения Устава ООН и общепризнанных принципов и норм международного права и восстановлению доверия между государствами [2, с. 52], на формирование всемирной «сети единообразного правового регулирования» на основе Устава ООН, других общепризнанных принципов и норм [10, с. 174].

В западной науке внимание распространяется на общественную обусловленность международного права. Международные правовые изменения, полагает профессор права в школе права Диксон Пун Королевского колледжа Лондона Т. Шульц, – это результат общественной и институциональной практики в отношении правовых норм [15, р. 649–668]. Нико Криш, профессор международного права Института международных исследований и исследований в области развития в Женеве, и Йылдыз Е., профес-

сор международных отношений Калифорнийского государственного университета, опуская общественную роль императивных норм международного права, международного договора и обычных норм международного права, выделили пять социально обусловленных факторов (путей) изменения международного права через: 1) односторонние действия и заявления государств, показывающие изменения их позиции; 2) многосторонние заявления государств в рамках международной организации; 3) заявления и решения международных организаций, не предполагающие участия государств в их принятии (бюрократический путь); 4) решения судебных и квазисудебных органов (судебный путь); 5) заявления (признанных) специалистов в личном качестве без учета принадлежности к государствам или международным организациям, часто в форме отчетов, технических руководств, стандартов и т.п. [12, p. 13–14].

Важным аспектом системы международной безопасности, обеспечиваемой средствами международного права, признается условие, принцип добросовестного выполнения международных обязательств – *pacta sunt servanda*. В международной системе, построенной на добросовестном выполнении государствами своих международных обязательств, проявляется важность средств разрешения международных споров [10, с. 174]. Система международной безопасности, рассматриваемая в такой зависимости, дает возможность говорить о формировании юридической плоскости безопасности – как особом правовом явлении – «юридическая безопасность государства» [1, с. 80].

Список литературы

1. Каламкарян Р.А., Мигачева Е.В. Международно-правовая значимость вклада России в деятельность Международного суда по обеспечению юридической безопасности стран – членов мирового сообщества // Криминологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 79–83.
2. Капустин А.Я., Боброва Ю.В. Международное право: между глобализмом и регионализмом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 5. – С. 45–56.
3. Капустин А.Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1 (62). – С. 42–48.
4. Лялина И.С., Королев С.В. Проблематика справедливой войны в творчестве Св. Фомы Аквинского и Гуго Гроция // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 22–29.

5. Ляхов Е.Г. К истории контртеррористического взаимодействия правоохранительных элементов национально-правовых (внутригосударственных) и международно-правовой систем по поддержанию миропорядка (на примере международно-правовых акций правоохранительных органов СССР) // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 2. – С. 105–111.
6. Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е., Смирных С.Е. Безопасность личности и борьба с транснациональной преступностью // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 54–60.
7. Манин Я.В., Климашина А.Е. Государственная безопасность Израиля: международный и национальный правовые аспекты // Национальная безопасность/Nota Bene. – 2023. – № 2. – С. 1–19. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39932 (дата обращения: 11.07.2025).
8. Мороз Н.О. Принцип равной и неделимой безопасности в современном международном праве // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 1. – С. 14–23.
9. Саямов Ю.Н. Новые форматы и горизонты международных отношений // Международная жизнь. – 2024. – Август. – С. 44–55.
10. Шинкарецкая Г.Г. Международно-правовые основы национальной безопасности // Государство и право. – Москва, 2024. – № 4. – С. 167–75.
11. Dugard J. The Choice Before Us: International Law or a «Rules-Based International Order»? // Leiden Journal of International Law. – 2023. – Vol. 36, N. 2. – P. 223–232.
12. Krisch N., Yildiz E. The Dynamics of International Law Redux // The Many Paths of Change in International Law. – Oxford, 2023. – P. 3–32.
13. Mearsheimer J. Bound to Fail: the Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. – 2019. – Vol. 43, N 4. – P. 7–50.
14. Mullerson R. On Some Geopolitical and Societal Tendencies Threatening Peace and Stability // Chinese Journal of International Law. – 2023. – Vol. 22, N 3. – P. 375–408.
15. Schultz T. International law in the minds: On the ideational basis of the making, the changing, and the unmaking of international law // Leiden Journal of International Law. – 2024. – Vol. 37, N 3. – P. 649–668.
16. The Term «Rules-Based International Order» in International Legal Discourses / Vylegzhanin A.N., Neverov B.I., Voronin E.R., Magomedova O.S., Zotova P.K. // Moscow Journal of International Law. – 2021. – N 2. – P. 35–60.

НОВЫЕ КНИГИ НА ПОЛКАХ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИНИОН РАН

УДК 342

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.13

ГРОГОЛЬ А.Г.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГУМАНИТАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МОНОГРАФИЯ / Н.С. БОНДАРЬ, В.И. КРУСС, Г.Н. ЧЕБОТАРЕВ [и др.]; под ред. Г.Н. Чеботарева; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – 240 с.

GROGOL A.G. Book review: The Humanitarian Potential of the Constitution of the Russian Federation: monograph / N.S. Bondar, V.I. Kruss, G.N. Chebotarev [et al.]; ed. by G.N. Chebotarev; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Tyumen State University, Institute of State and Law. – Tyumen: TyumSU-Press, 2024. – 240 p.

Ключевые слова: Конституция РФ; духовно-нравственные ценности; гуманитарный потенциал; традиционные ценности России; культурная идентичность; гражданственность; семейные ценности; правовое регулирование.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation; moral values; humanitarian potential; traditional values of the Russian Federation; cultural identity; citizenship; family values; legal regulation.

Для цитирования: Гроголь А.Г. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 3: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 175–182. – Рец. на кн.: Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации: монография /

¹Гроголь Анастасия Георгиевна, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Н.С. Бондарь, В.И. Крусс, Г.Н. Чеботарев [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. – 240 с. – DOI:10.31249/iajpravo/2025.04.13

В 2024 г. в Институте государства и права Тюменского государственного университета в свет вышла монография под редакцией Г.Н. Чеботарева, доктора юридических наук, заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета. Авторы, участвовавшие в написании данного научного труда, являются авторитетными учеными в области юридических наук. Среди них наибольшее участие приняли Н.С. Бондарь, доктор юридических наук, заведующий Центром судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; В.И. Крусс, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории права юридического факультета Тверского государственного университета, и другие. Данная монография является сборником ключевых тезисов в результате проведенной в октябре 2023 г. в Тюмени Всероссийской конференции «Сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей многонационального народа России».

Во введении авторы предлагают более подробно подойти к пониманию и осознанию понятия «духовная ценность» в контексте конституционно-правовых отношений, намекая, что оно намного шире, чем привычное для многих не связанных с юриспруденцией граждан. Авторы убеждены, что принятые в 2020 г. поправки к Конституции РФ в значительной мере обогатили привычный обывателю набор ценностных ориентиров, включив фундаментальные базисы соотносящиеся с основными сферами жизни общества: социальной, культурной, политической и экономической. Культурный аспект рассматривается авторами в первую очередь как бережное отношение к памяти предков и к православной вере в качестве главного наследия; признается историческое происхождение российского государства, а также защита и охрана историко-культурных ценностей, являющихся объектами особой ценности многонационального народа России. В социально-экономическом аспекте согласно авторской позиции основополагающими ценностными ориентирами выступает семья, поддержка и создание таких условий, которые обеспечили бы развитие клю-

чевой ячейки общества – путем защиты материнства, отцовства, детства и поддержки сакральности института брака и детей как главного приоритета демографической политики. В качестве политических базисов авторы особо выделяют: стимулирование патриотизма граждан, ответственное отношение к родине, защита ее идеалов и ценностей, гражданственность и другое (с. 5–6).

Рассматривая последующую конституционную трансформацию регулирования духовно-нравственных идеалов, авторы ссылаются на Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Однако содержание данного правового документа во многом повторяет положения Конституции РФ с учетом вышеупомянутых поправок (Ibid).

В первом разделе исследуются вопросы поиска ценностных ориентиров, связанных с конституционными преобразованиями. По мнению авторов, особой тенденцией современной юридической науки выступает отказ от поиска объективных факторов развития теории государства и права ввиду нестабильности общественных отношений на общемировом уровне. Данное основание побудило ученых – юристов и правоведов формировать научное знание и строить свои труды на основании официальных закрепленных в письменной форме нормативных правовых актов, так как такие документы (конституции) содержат множество положений, которые имеют большую стабильность (с. 7–8).

С точки зрения авторов, конституционно-правовая наука может столкнуться с еще одним вызовом, заключающемся в отсутствии должной методологии при проведении исследований, направленных на поиск и выявление способов классификации различных ценностей, поскольку необходимо учитывать такие критерии, как одновременное сочетание юридических и морально-нравственных начал, особенностей национальных, культурных и социальных нюансов восприятия. Однако авторы сходятся во мнении, что для любого метода исследования конституционных духовных ценностей необходимо учитывать следующие компоненты: доктринальные, нормативно-правовые, правоприменительные и мировоззренческие (с. 32).

Почему именно Конституция РФ должна выступать в качестве источника идеологического, мировоззренческого и аксиологического знания? Способен ли данный документ выполнять идеологическую роль в формировании духовно-нравственных ценностей

российских граждан? Размышляя над данным вопросом, авторы пришли к выводу, что Конституция РФ действует в качестве системообразующего механизма, поскольку напрямую регулирует основные государственные структуры, а идеологический характер проявляется преимущественно в формировании правового сознания граждан через определенные идейные и правовые базисы (с. 47).

Однако авторами также ставится под сомнение утверждение о том, что по своей юридической сущности Конституция РФ предполагает наличие единого вектора государственного развития, что, согласно утверждению авторов, идет в противовес с положением ст. 13 Конституции РФ об отсутствии единой доминирующей доктрины, признании плюрализма мнений и политико-правовых концепций, и запрете на введение господствующей государственной идеологии (Ibid). Так, авторы признают наличие у Конституции РФ не только идеологической, но и аксиологической, учредительной, системообразующей, политической, воспитательной и мировоззренческой функций. Таким образом, те ценностные базисы, которые будут заложены в качестве фундамента в форме определенных конституционных положений, и станут в последствии векторами развития правотворческой и правоприменительной деятельности в российском государстве (с. 48–49).

Во втором разделе авторами выявляются и более подробно раскрываются особенности конкретных традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Гражданственность как наиболее эффективный способ стимулирования активной политической жизни граждан, регламентированная ранее упомянутым Указом Президента РФ № 809 в качестве одной из ключевых духовных ценностей, выступает формой проявления светской идеологии. При этом авторами четко разграничивается разница в толковании понятий «гражданство» и «гражданственность», которые могут быть ложно восприняты юридически неподкованными лицами. Первый термин отвечает за непосредственную политико-правовую связь между обычными жителем и государством, в то время как второй предполагает исключительно субъективное суждение – отношение отдельного гражданина к своему государству. Авторы приводят цитату профессора А.Ф. Ноздрачева, убежденного в том, что гражданственность представляет собой признание и веру в свое государство, что также указывает на субъективный и идеализированный характер данного термина. Исходя из позиции авторов, если поведение гражданина выходит за рамки установленных в Конституции РФ норм должного отношения к государству, речь

идет об антигражданственности, и ее следует трактовать как проявление «антитезы». По мнению авторов, феномен антигражданственности как проявление неуважительного отношения к религии, государственности и политике, способен в любой момент привести к экстремизму, угрозе стабильности государственной власти, перевороту и терроризму (с 71–73).

Традиционные ценности Российской Федерации в ходе принятия конституционных поправок 2020 г. вновь были вознесены на пьедестал в качестве ключевых ориентиров в дальнейшем развитии государства, именно поэтому авторы сосредотачивают внимание вокруг самого понятия «традиция», отмечая наличие множества его трактовок, относящихся к религиозным, политическим, социальным, историческим и иным сферам. Однако авторы убеждены, что именно традиция выступает своего рода связующим звеном между наследием прошлого, настоящим и будущим, выступая в качестве «мостика», так как перейти в правильное будущее возможно при исключительном анализе и преобразовании опыта прошлого. Авторы отмечают, что даже В.В. Путин в одном из своих выступлений ссылаясь на «дефицит духовных скреп», так как сам институт традиционных ценностей испытывал и продолжает испытывать тенденцию к упадку. В связи с этим авторы подчеркивают, что духовная свобода должна в первую очередь проявляться не с позиции вседозволенности, а в форме внутреннего самоконтроля и соблюдения морально-нравственных начал (с. 83–84).

Авторами раскрывается еще один важный аспект, связанный возможными противоречиями, связанными с содержанием Конституции РФ и его реализацией. Данное столкновение связано с проявлением на практике права на свободные мирные объединения, проведение мероприятий, в том числе публичного характера и иных прав, декларируемых ст. 31 Конституции РФ. Дело в том, что данное правомочие имеет колоссальное значение в контексте исследования конституционных духовно-нравственных ценностей, однако даже авторы комментариев к Конституции лишь вскользь рассматривают его в качестве гарантии определенных политических и социальных свобод, либо просто производят классификацию, к какой группе свобод относиться данное правомочие. По мнению авторов, свобода в политическом понимании открывает возможность для повышения гражданственности путем предоставления равного доступа к государственному управлению в различных формах: либо через непосредственное выражение политиче-

ской воли отдельного гражданина, либо путем воздействия через государственные и муниципальные органы (с. 106–107).

Согласно авторской позиции, местное самоуправление имеет тесную взаимосвязь с поддержкой и развитием института гражданского общества, местных сообществ и государственных органов. Сама идея местного самоуправления тесно переплетается с инициативой, которая в свою очередь может возникнуть на основании различных обычаев, традиций и благоприятных ожиданий от реализации деятельности. Именно так авторами определяется одно из возможных проявлений механизма местного самоуправления. С другой стороны, авторы рассматривают данный институт как «развитие под влиянием сверху вниз», так как фундаментальные ценности определяются лицами, находящимися в государственном управлении. На необходимость признания местного самоуправления в качестве конституционной ценности помимо авторов неоднократно ссылался Конституционный суд РФ. В приведенном в качестве примера Постановлении Конституционного суда от 11.11.2003 № 16-П содержится положение в пользу и поддержку признания высокой роли вышеупомянутого института, при этом важно подчеркнуть обеспечение баланса всех ценностей при их взаимном пересечении (с. 120–121).

В третьем разделе авторы рассматривают вопросы, возникающие из необходимости культивирования морально-нравственных и иных ценностей, входящих в перечень конституционных, так как их «пропаганда» через различные источники благоприятно отразится на всех сферах жизни общества. Безусловно, далеко не каждая ценность или положение являются «конституционной ценностью». Авторы разделяют мнение А.А. Кондрашова о том, что основные признаки конституционных ценностей заключаются в их общесоциальном значении, конституционном закреплении правовых позиций, вырабатываемых судебными органами (с. 133–136).

Несмотря на спорные правовые позиции в отношении ключевых конституционных ценностей, авторы в ходе исследования выделили шесть таких принципов, которые подробно проанализировали и раскрыли в монографии. К ним относятся: правовая свобода личности, собственность, общественный правопорядок, государственная безопасность, народовластие и государственно-правовая идентичность. Авторы утверждают, что выведенные ими ценности не могут быть подвержены какой-либо модификации ввиду вышеупомянутой исторической обусловленности и тесной взаимосвязи с особенностями эволюции общественных отноше-

ний, так как правовая регламентация, общесоциальное признание, охрана и гарантированная реализация общественных ценностей будут востребованы на любом этапе человеческого и государственного развития (с. 137–139).

Далее авторами рассматриваются особенности правового статуса человека и гражданина, исходя из положений ст. 2 Конституции РФ, которая устанавливает в качестве нерушимого базиса наивысшую ценность человека, его права и свободы, а их полноценную реализацию – основной задачей государства. Авторы подчеркивают особое гуманистическое значение данного положения, так как этот принцип выходит далеко за рамки указанной выше статьи и буквально пронизывает все содержание Конституции РФ; поэтому они вновь призывают соблюдать данное правомочие на практике, чтобы «конституционная реальность» соответствовала действительности. Анализируя содержание ст. 22 Конституции РФ, авторы выявляют взаимосвязь между правом человека на личную неприкосновенность и различными формами свободы личности, к которым были отнесены физические и психические проявления данной взаимосвязи. Согласно авторской позиции, появление и распространение современных технологий в сфере биомедицины и генома, иных инноваций в скором времени может поставить государству в лице законодателя задачу принятия соответствующих конституционных изменений и дополнений. О «запоздалости» правового регулирования в реализации прав и свобод человека и гражданина в контексте новейших технологий свидетельствует множество факторов. В качестве наглядного правового пробела в регулировании биотехнологий авторами приводится позиция И.С. Буйнякова, который указывает на отсутствие правовой базы в отношении возможности практического применения технологии CRISPR/Cas9, которая используется для модификации и изменения генома эмбриона, и т.д. Приведенная авторами в качестве примера правового регулирования на международном уровне Конвенция «О защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины» могла бы заменить отсутствующее в российском законодательстве нормативное правовое регулирование, однако ратифицирован данный документ в итоге не был, несмотря на отмеченное авторами преимущество (с. 148–152).

Рассматривая различные вопросы и особенности конституционно-правовой защиты неприкосновенности человека и гражданина в контексте применения биотехнологий и многообразия форм

вмешательства в человеческий геном, авторы пришли к трем ключевым выводам. Во-первых, неприкосновенность, с точки зрения Конституции РФ, в данном отношении проявляется в изъявлении добровольного согласия гражданина на любые манипуляции с его генетическим материалом. Во-вторых, при проведении сложных и комплексных операций, связанных с извлечением генетического материала, к примеру пуповинной крови, стволовых клеток, добровольное согласие необходимо не в общем виде, а в форме акцепта каждого этапа медицинской манипуляции даже в отсутствии дополнительной правовой регламентации. В-третьих, по убеждению авторов, для такого рода правоотношений необходима дополнительная «геномная регистрация», однако она должна служить в первую очередь способом определения субъекта в установленных в законе исключительных случаях, а не как одно из условий реализации прав и свобод человека (с. 162).

Данная монография содержит объемный массив информации о конституционных духовных ценностях, о том, что они из себя представляют и в каких видах и формах, с позиции авторов, они могли бы быть проанализированы и охарактеризованы. В исследуемой работе авторы обращают особое внимание на соотношение содержания конституционных положений и их практической реализации, выявляют определенные правовые пробелы, причины их возникновения и возможность имплементации в российское законодательство, что будет особенно полезно для тех, кто хотел бы более углубленно изучить эту область знаний с учетом всех современных реалий.

СКУРКО Е.В. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАРАНОВ В.М. СВОД КОДИФИЦИРОВАННЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОДГОТОВКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. – 198 с.

SKURKO E.V. Book review: Baranov V.M. Legislation Code of the Russian Federation: Theoretical and Practical Need for its Elaboration in the Context of Digitalization of Society: monograph. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. – 198 p.

Ключевые слова: свод законов; систематизация законодательства; кодификация, нормативный акт, цифровизация, федерализм.

Keywords: code of laws; systematization of legislation; codification; regulatory act; digitalization; federalism.

Для цитирования: Скурко Е.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 183–189. – Рец. на кн.: Баранов В.М. Свод кодифицированных актов Российской Федерации: теоретическая и практическая необходимость подготовки в условиях цифровизации общества. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. – 198 с. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.14

Автор данной монографии – известный российский ученый Владимир Михайлович Баранов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной дея-

тельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника». По его собственным словам, он – «убежденный сторонник тех, кто считает подготовку, принятие и обнародование Свода законов Российской Федерации приоритетной и архиважной общегосударственной задачей». Объясняет это В.М. Баранов тем, что «Современное правовое развитие, перспективы взаимодействия сильного демократического государства и гражданского общества требуют постановки сверхзадачи, фундаментальной целевой установки – принятия Свода законов Российской Федерации» (с. 13). Более того, «Если мы постоянно говорим о великой истории Российского государства, мощном российском менталитете, то просто обязаны “запустить” серьезную, амбициозную, пафосную, если угодно, государственную программу либо национальный проект в юридической сфере. Самым масштабным, самым крупным, самым долговечным проектом здесь может быть только Свод кодифицированных актов Российской Федерации. Все остальные не вошедшие в Свод акты размещаются в параллельно формируемом Собрании текущего законодательства, который может быть либо хронологическим, либо тематическим» (там же).

В современных условиях, если позиционировать задачу создания Свода законов РФ как амбициозный национальный проект в юридической сфере, то с автором трудно не согласиться. Во всяком случае, в части актуальности такой задачи как исключительного в своем роде и масштабности политико-правового проекта. Вместе с тем вопрос формирования Свода законов для России – задача не новая и в некотором роде «традиционная».

Так, в первой половине XIX в. велась работа по созданию Свода законов Российской Империи, который был впервые опубликован в 1832 г., а в 1833 г. был объявлен в стране «действующим источником права». Законы, издававшиеся позднее, подлежали опубликованию и распределялись в ежегодном продолжении Свода. Вплоть до Судебной реформы 1864 г. Свод законов издавался в 15 томах; в том 16 входили Судебные уставы. Отбор материала для включения в Свод законов проводился из Полного собрания законов (издания которого насчитывают более 100 томов)¹.

¹ Свод Законов Российской Империи // КонсультантПлюс: Классика Российского Права. – URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 20.07.2025).

В СССР с начала его создания в 1922 г. тема Свода законов учеными напрямую практически не поднималась, однако в начале 90-х годов задача создания в Российской Федерации Свода законов была сформулирована в Указе Президента РФ от 06.02.1995 № 94 «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации».

Показательно то, что В.М. Баранов, анализируя историю подготовки к изданию Свода законов РФ после 1995 г., работа над которым велась более десяти лет, отмечает, что многие министерства в целях конкретизации Указа Президента РФ № 94 приняли свои управленческие акты. Однако, «когда выяснилось, что, кроме официального “выражения намерений” заметных подвижек в подготовке Свода законов Российской Федерации не произошло, и фактически Указ главы государства Б.Н. Ельцина “торпедирован”, появился еще один документ – Указ Президента РФ от 14.02.1998 № 170 “О мерах по повышению эффективности работы, связанной с формированием Свода законов Российской Федерации”. Минюст России разработал Рекомендации по подготовке предложений в соответствии с этим Указом, но и эти меры результата не принесли» (с. 6–7).

«Официальные “похороны” Свода законов Российской Федерации», как считает В.М. Баранов, состоялись 28 июня 2005 г. с принятием Указа Президента РФ № 736 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации». Пункт 20 этого Указа признал утратившим силу вышеназванный Указ Президента РФ № 94. Такое решение в отношении Свода законов, по мнению автора, представляется «избыточным, неразумным, поспешным, неудачным с политико-правовой, культурно-воспитательной, организационно-управленческой, технико-юридической и перспективной точек зрения» (с. 3). Более того, В.М. Баранов признает, что «принятие Свода кодифицированных актов Российской Федерации может выступить выражением (проявлением) национальной идеи России... Для этого достаточно разработать его развернутую концепцию» (с. 14). Цели и задачи Свода кодифицированных актов, по его мнению, – это «не только обновление, упрощение юридических документов, уменьшение их числа, доступность для всех заинтересованных субъектов, информирование и просвещение граждан и должностных лиц. Системность законодательства – основная миссия Свода кодифицированных актов, его главная функция» (с. 15).

При этом, в представлении В.М. Баранова, сегодня обеспечение системности законодательства требует введения на юридико-техническом уровне принципа непрерывной кодификации: «Этот важный принцип должен быть положен в основу, как при создании Свода кодифицированных актов, так и после принятия, в процессе дальнейшего совершенствования его содержания и формы».

Как следует из текста монографии, автор является ярким сторонником не только кодификации действующих нормативных правовых актов, но и создания условий для нее. «Если юридически значимая деятельность не “дорастает” до уровня узловых, принципиальной, устойчивой проблемы, не относится к фундаментальным основам и интересам социальной жизни, – подчеркивает автор, – то она не подлежит кодификации, а регламентируется через иную форму систематизации» (с. 18).

После обновления Конституции РФ 1993 г. в результате реформы 2020 г., задача формирования Свода кодифицированных актов Российской Федерации, с точки зрения В.М. Баранова, приобрела особое звучание: «Свод законов вполне можно и нужно “квалифицировать” в качестве символа государства», «“украсить” характеристикой “маяк”, который будет указывать направления совершенствования и увеличения числа актов», «обозначить в качестве “магнита”, который неумолимо станет “притягивать” к себе с большей или меньшей силой формирующиеся массивы и комплексы кодифицированных юридических норм» (с. 19). Главное – Свод кодифицированных актов «призван выступить юридическим эталоном – образцовой мерой для всех иных правовых актов, всех видов их систематизации. Он может стать официально либо неофициально одним из государственных эталонов, служащих для хранения, воспроизводства и передачи кодификационных законов с наивысшей достижимой степенью точности при данном состоянии правовой науки, практики, техники». Эталонную суть кодифицированных законов В.М. Баранов видит в их возможности «приучить и научить граждан и должностных лиц “сверять” свою деятельность с установлениями оптимального акта систематизации. Чувство законности, образ законопослушной жизни в среде гражданского общества и в сфере публичной власти вряд ли возможно воспитать при отсутствии организующего “стержня” – Свода кодифицированных актов Российской Федерации» (с. 19–20).

Рассуждая о «пределах кодификации», в том числе применительно к перспективам формирования Свода законов, В.М. Баранов справедливо отмечает: «Кодификационное регулирование –

элемент правовой регламентации, и общие пределы ее не могут не распространяться на границы функционирования кодексов. Предел кодификации законодательства – последовательное не только количественное, но и содержательное накопление нормативности, достаточной для полноценной и результативной регламентации определенного вида, сферы, типа, процесса, элемента, состояния юридически значимой деятельности. Каждый складывающийся нормативный массив должен “дозреть” до уровня и качества кодифицированности как изнутри, так и во вне. Если этого не происходит, то его регулятивная ценность не становится меньше, она просто иного системного рода. Речь, по всей видимости, идет о том максимуме нормативности, дальше которого в кодификации идти не надо, может быть даже – нельзя. Установить эту границу весьма непросто. Определенную роль здесь играет интерес государства, политическая воля правящей элиты» (с. 22).

Следует отметить, что данная монографическая работа построена на обширном научно-практическом материале. Она состоит из трех глав, а также включает приложение «Законодательное обеспечение кодификации в субъектах Российской Федерации». Начинается работа с анализа взглядов ученых на систематизацию и кодификацию законодательства, конкретную практику, в том числе отечественный опыт последних лет; роль деятельности судов, в особенности Конституционного Суда РФ, в плане формирования системности и непротиворечивости законодательного массива; значение международного права и степень учета международных договоров и соглашений Российской Федерации, а также ее участия в деятельности международных (межгосударственных) организаций в «непрерывной кодификации» законодательства; федеративные отношения и систематизация законодательства, проводимая в отдельных субъектах РФ, а также статистические данные, отдельные вопросы и примеры из юридической практики, данные юридической статистики и целый ряд других.

В результате исследований актуальной проблематики развития правовой системы страны автор признает, что «некоторые ориентиры современной законотворческой политики не способствуют скорому приходу к осознанию необходимости создания Свода законов Российской Федерации» (с. 138). Так, например, 22 января 2025 г. состоялась презентация доклада, посвященного законодательной деятельности VIII Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Доклад и эксперты, обсуждавшие его, пришли к выводу, что узконаправленный («таргетированный») целевой подход

с малыми социальными группами – выигрышное и перспективное направление нынешнего законотворчества. Идея о том, что надо начинать с малого и получить большее, совсем не универсальна. Необходим баланс, гармония малых и больших проектов. В целом соглашаясь с этой позицией, В.М. Баранов подчеркивает необходимость постоянного совершенствования нормативной правовой базы службы и жизни участников СВО, пенсионеров, медработников, волонтеров, самозанятых, защитников и противников бездомных животных. При этом, «“веховые” проекты уровня Свода законов Российской Федерации не должны находиться в забвении» (там же).

Признавая отдельные доводы и аргументы против формирования Свода законов, автор констатирует, что «У многих российских исследователей отношение к подготовке Свода кодифицированных законов Российской Федерации скептическое, а у некоторых – резко отрицательное» (с. 139). Типичный аргумент противников подготовки Свода кодифицированных законов Российской Федерации – частое изменение действующего российского законодательства, его нестабильность. Но – возражает автор – «абсолютно стабильное законодательство немыслимо. К тому же не было и нет достоверных критериев, показателей, свидетельств чрезмерной динамики законодательства. Категорические оценки изменчивости законодательства субъективны» (там же). Более того, Свод кодифицированных актов Российской Федерации – стабилизирующий фактор, подчеркивает еще раз профессор В.М. Баранов.

Он также не считает обоснованным еще один аргумент противников Свода законов, которые полагают, что Россия переживает переходный период, и потому не время для подготовки Свода кодифицированных актов (там же).

Завершая исследование, автор признает, что в правовой системе современной России существует множество разнородных факторов в пользу того, что сама идея создания Свода законов может окончательно «кануть в лету». Между тем постановка и вынесение в приоритеты политико-правового развития страны идеи формирования Свода законов, его подготовка и принятие, по мысли В.М. Баранова, «станет реальным итогом, ощутимым результатом многочисленных (не всегда успешных) правовых реформ. Самим этим фактом будет “обнулена” длительная деятельность и экспериментальные попытки юристов (ученых и практиков) упорядочить законодательство. Свод кодифицированных актов Российской Федерации “снивелирует” ошибки систематизаторов, вы-

явит неоправданные правовые теории и концепции, “проявит” авторство тех или иных кодификационных документов. Принятие Свода кодифицированных актов России будет означать появление объективного осязаемого юридического факта» (с. 142).

Монография В.М. Баранова «Свод кодифицированных актов Российской Федерации: теоретическая и практическая необходимость подготовки в условиях цифровизации общества» – актуальная и заставляющая задуматься работа. Она будет интересна и полезна как ученым – специалистам по теории государства и права, конституционному праву, федерализму, – так и аспирантам и студентам, занимающимся правоведением, практикующим юристам, а также привлечь внимание широкого круга читателей к актуальным проблемам развития правовой системы России.

УДК 340, 342

DOI: 10.31249 /iajpravo/2025.04.15

ГЛОТОВ С.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: монография / под общ. ред. М.А. Егоровой: обзор книги. – Москва: Проспект, 2024. – 544 с.

GLOTOV S.A. Book review: Actual problems of Russia and China modern law in the context of global economic and social changes: monograph: Book review: / ed. by M.A. Egorova. – Moscow: Prospect, 2024. – 544 p.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Россия; право Китая; Конституция КНР; сравнительное право; Конституция РФ; конституционные основы; социально-экономическое развитие; устойчивое развитие; права и обязанности граждан; государственная власть.

Keywords: People's Republic of China; Russia; Chinese law; Constitution of the People's Republic of China; comparative law; Constitution of the Russian Federation; constitutional foundations; socio-economic development; sustainable development; rights and duties of citizens; state power.

Для цитирования: Глотов С.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 190–198. – Рец. на кн.: Актуальные проблемы современного права России и Китая в условиях глобальных экономических и социальных изменений: монография / под общ. ред. М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2024. – 544 с. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2025.04.15

* Глотов Сергей Александрович, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор.

Рец. на кн.: Актуальные проблемы современного права России и Китая в условиях глобальных экономических и социальных изменений

Данная книга вышла в издательстве «Проспект», в последние годы уделяющее значительное внимание китайскому праву¹. Прежде всего отметим, что рецензируемую коллективную монографию отличает не только ее большой объем (544 с.), количество авторов – 26, в том числе китайских ученых – 11, наличие оригинальных статей на китайском языке, но и глубокий сравнительный анализ темы – законотворчество России и Китая в условиях глобальных экономических и социальных изменений.

В качестве объекта исследования авторы книги выделили следующие: актуальные проблемы конституционного и частного права, вопросы теории и практики гражданского судопроизводства, административного, экономического и цифрового права, современной уголовно-правовой мысли.

Глубина «погружения» в избранные темы обеспечена опытом, накопленным исследователями из Университета им. О.Е. Кутафина в ходе совместной работы с китайскими учеными², во время участия Университета в программе стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

В предисловии к монографии проректор по научно-исследовательской деятельности Университета им. О.Е. Кутафина, профессор В.Н. Синюков обращает внимание на важность двухсторонних связей российских вузов и институтов РАН с научными и учебными учреждениями КНР, которые представлены в монографии учеными из Хэнаньского университета, Лоднянского педагогического университета, Шанхайской академии общественных наук и Восточно-Китайского университета политики и права, в реализации совместных проектов, публикаций, проведении совместных конференций и др. Основная цель – создание постоянного юридического диалога между учеными-правоведами России и Китая.

¹ См, напр.: Теория и практика российско-китайских отношений: монография / отв. ред. А.Н. Чумаков, Ли Хей. – Москва: Проспект, 2022. – 352 с.; Дацишен В.Г. Изучение истории Китая в Российской Империи: монография. – Москва: Проспект, 2022. – 192 с.; Гао Минсюань. Зарождение, становление и развитие современного уголовного законодательства в Китайской Народной Республике: монография / под науч. ред. Н.А. Сидоровой, И.А. Васильева. – Москва: Проспект, 2025. – 568 с.; Финансовая система Китая: учебник / под ред. В.В. Иванова, Н.В. Покровского. – Москва: Проспект, 2025. – 352 с.

² См., напр., издаваемый в Университете им. О.Е. Кутафина (МГЮА) Ежегодник «Юридическая наука в Китае и России», включающий публикации российских и китайских ученых.

Данная книга знакомит читателей с законодательством обеих стран, способствует углублению академического и практического сотрудничества двух государств в правовой сфере (с. 10).

Не умаляя вклада китайских ученых, статьи которых написаны на китайском языке, остановимся лишь на трех статьях российских исследователей китайского конституционного права – профессора МГЮА В.В. Комаровой, ведущего научного сотрудника Института Китая и современной Азии РАН, кандидата юридических наук П.В. Трощинского и доцента кафедры конституционного права МГИМО МИД России, кандидата юридических наук О.О. Базиной.

В статье В.В. Комаровой «Конституционные основы социально-экономических изменений Китая в ракурсе устойчивого развития в условиях глобальных вызовов» внимание автора сосредоточено на характеристике основных положений Конституции КНР 1982 г. (ред. от 11.03.2018), раскрытии конституционных основ происходящих в Китае социально-экономических изменений с позиций устойчивого развития (с. 115–124). Согласно Конституции КНР 1982 г. (ред. от 11.03.2018), подчеркивает автор, КНР – «социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на основе союза рабочих и крестьян» (ст. 1). В ст. 6 Конституции КНР закрепляется положение о том, что в основе социалистической экономической системы КНР лежит социалистическая собственность на средства производства, т.е. общенародная собственность, и коллективная собственность трудящихся масс. При этом в ст. 7 Конституции КНР декларируется: «Государство гарантирует укрепление и развитие государственного сектора экономики».

По мнению В.В. Комаровой, конституционные основы социально-экономической политики КНР можно разделить на три части в зависимости от объектов устойчивого развития: экономика, общество, человек (с. 117). При этом особое внимание целесообразно обратить на конституционное закрепление экономического планирования (ст. 15 Конституции КНР) и статуса государственных и иностранных предприятий, социалистического рыночного метода хозяйствования и на запрет нарушать социалистический экономический порядок (ст. 12 Конституции КНР).

Практика реализации упомянутых норм Конституции КНР оказалась эффективной. Об этом свидетельствует состояние китайской экономики, сумевшей удачно объединить в себе плановые и рыночные начала.

Показательно то, что, например, по итогам 2024 г. общий объем импорта и экспорта товаров в КНР в стоимостном выражении превысил 43 трлн юаней (6 трлн долл.). Это на 5% больше, чем в 2023 г. Китай в далеко не простых условиях санкционного давления и воздействия других негативных факторов в 2024 г. увеличил годовой объем торговли услугами на 1 трлн долл. Это на 14,4% больше, чем годом ранее. Экспорт вырос на 18,2%, а импорт – на 18,8%¹.

Как справедливо замечает В.В. Комарова, КНР реализует и такую важную конституционную норму-цель (ст. 46), как «Строжайшая экономия и борьба с излишними тратами, рациональное распределение накоплений и их потребление, забота об интересах коллективов и частных лиц, государственных интересов, постоянное улучшение материального и культурного уровня жизни народа, поддержка всестороннего развития детей и юношей, моральное, умственное и физическое их развитие» (с. 119–120).

Следует отметить, что большое внимание В.В. Комарова уделила рассмотрению основных социально-экономических прав и обязанностей граждан КНР, предусмотренных гл. 2 Конституции КНР: права на труд, права на коллективную, частную и другие формы собственности трудящихся, права пользования землей и др. Так, труд в КНР не только право, но и обязанность всех трудоспособных граждан (ст. 42 Конституции КНР), граждане Китая имеют право на образование, но в то же время обязаны учиться (ст. 46 Конституции КНР). Заметим, что такой подход резко контрастирует с современными российскими подходами и влияет на реализацию социальных, социально-экономических прав граждан.

В Российской Федерации ст. 43 Конституции устанавливает, что каждый имеет право на образование, в том числе высшее, бесплатное его получение на конкурсной основе в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и даже на предприятиях, что в настоящее время также получает распространение. При этом, согласно федеральному законодательству, образование определяется как услуга, которая не является обязательной даже для тех студентов, которые обучаются за счет госбюджетных или муниципальных средств. Адекватная замена термину «услуги» до настоящего времени не найдена.

¹ Подробнее см.: Ремчуков К. Китай усиливает зависимость от глобализации – по итогам 2024 г. объем импорта и экспорта превысил 6 трлн долларов // Независимая газета. – 2025. – 13 февр.

Как справедливо замечает В.В. Комарова, «сфера образования, без сомнения, выступает как основа устойчивого развития человека и общества, социально-экономического развития государства. В ст. 19 Конституции КНР устанавливается: “Государство развивает дело социалистического просвещения, поднимает научно-культурный уровень всего народа, ... расширяет сеть различных просветительских учреждений. Государство ликвидирует неграмотность, проводит политическое, образовательное, научно-техническое, профессиональное обучение, обучение рабочих, крестьян, государственных служащих и других трудящихся”».

К другим факторам, определяющим устойчивость государства и общества в КНР, В.В. Комарова относит:

– вопросы пользования землей. Частной собственности на землю в КНР не существует, однако пользование землей может передаваться по наследованию. Она может сдаваться в аренду, в залог. Занятие гражданами добровольным безвозмездным трудом поощряется (ст. 42 Конституции КНР);

– конституционную обязанность китайских граждан заниматься планированием семьи, запрет жестокого обращения со стариками, женщинами и детьми (ст. 49 Конституции КНР);

– обязанность граждан хранить государственную тайну, защищать государственную собственность, соблюдать рабочую дисциплину, охранять общественный порядок и уважать общественную мораль (ст. 53 Конституции РФ);

– обязанность граждан охранять безопасность, честь и интересы Родины (ст. 54), нести воинскую службу и участвовать в народном ополчении (ст. 56), защищать не только государство, но и сплоченность всех национальностей страны (ст. 51), участвовать в отражении агрессии (ст. 55 Конституции КНР) (с. 120–121).

Отдельное внимание В.В. Комарова уделяет реализации в КНР конституционно закрепленной государственной политики в сфере социально-экономического устойчивого развития и достижения социального благополучия человека, создания на основе поправки в Конституцию КНР 2018 г. нового вида государственных органов – надзорных комиссий (Закон КНР «О надзоре»), действующих в сфере противодействия коррупции вне рамок уголовного процесса, имеющих цель создать общество без коррупции на основе культуры, неподкупной власти (с. 121).

Следует подчеркнуть, что В.В. Комарова не ограничивается анализом основных положений Конституции КНР, касающихся социально-экономических устоев Китая, но рассматривает ряд

проблемных вопросов, актуальных как для Китая, так и России. Среди них: кооперирование населения; разработка и внедрение государственно-частного партнерства в различных отраслях экономики и социальной сферы, основанных на праве; создание в стране территорий со специальным правовым режимом осуществления предпринимательской деятельности; функционирование рынка аудиторских услуг как важного фактора единого рыночного хозяйства; стимулирование внутреннего спроса со стороны населения; развитие конституционной нормы о социальном государстве и социальном благополучии граждан и ее практическое внедрение в повседневную жизнь.

Такой подход позволяет автору прийти к выводу о правильном курсе действий властей Китая в экономической сфере, результатом которых и стало создание «китайского чуда», наступление в КНР периода «новой нормальности», отмеченного некоторым замедлением темпов экономического роста, разворотом при этом экономики на внутренний рынок (внутреннее потребление, рост благосостояния граждан, социальное благополучие человека) и т.д.

В России «новой нормальностью», по мнению В.В. Комаровой, могло бы стать эффективное и повседневное выполнение новой ст. 75.1 Конституции РФ, носящей своего рода доктринальный характер, создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, развития социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (с. 122).

О конституционно-правовом развитии социалистического Китая размышляет П.В. Трощинский, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, кандидат юридических наук, в своей статье «Конституционно-правовое развитие социалистического Китая». Заметим, что П.В. Трощинский – автор многочисленных публикаций по теме китайского права¹. С его

¹ См.: Трощинский П.В. Правовая система Китая: монография. – Москва: ДВО РАН, 2016. – 472 с.; Трощинский П.В., Чжао Ч. Современное право и финансово-банковский сектор Китайской Республики на Тайване // Финансы: теория и практика = Finance: Theory and Practice. – 2014. – № 5. – С. 9–105; Трощинский П.В. Законодательное развитие нового Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 5. – С. 39–54; Трощинский П.В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР). – 2-е изд. – Москва: Изд. дом ВКН, 2020. – 183 с.; Трощинский П.В. Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17,

точки зрения, опыт социалистического Китая в сфере конституционно-правового развития актуален для Российской Федерации, поскольку он доказал эффективность модели государственного строительства; Китай отказался от бездумного копирования западного опыта и сумел проявить свою специфику в организации власти и хозяйствования, в политическую, экономическую, культурную и другие сферы жизни государства и общества (с. 124–137).

Большое внимание в статье автор уделяет этапам становления и развития современного Китая, их характеристике: 1) создание Китайской Советской Республики (1931–1937); 2) образование Китайской Народной Республики (1949–1954); 3) принятие в 1954 г. первой Конституции КНР, работу над которой лично возглавлял Мао Цзедун; 4) разработка и принятие Конституции Культурной революции 1975 г.; 5) Конституции КНР переходного периода 1978 г.; 6) действующей Конституции КНР 1982 г.

В Конституцию КНР 1982 г., как отмечает П.В. Трощинский, вносились изменения в 1988, 1999, 2004 и 2018 гг. (всего 52, самые значительные в 2018 г.). При этом автор обращает внимание на поправки № 5 (ст. 36 Конституции КНР) и № 9 (ст. 40), в которых речь идет о конституционном закреплении руководящей роли Коммунистической партии Китая как «сущностной отличительной особенности социализма с китайской спецификой» и установлении конституционной обязанности работников государственного аппарата публично присягать на верность Конституции (ч. 3 ст. 27) (с. 134–135).

Важно подчеркнуть, что в статье П.В. Трощинского содержится довольно обстоятельный обзор конституционного строительства в КНР, основ существующего государственного строя. Автор также приходит к выводу о том, что «опыт Китая в сфере конституционного развития чрезвычайно важен для Российской Федерации, сталкивающейся со множеством смежных проблем и трудностей, требующих принятия необходимых для развития государства законов конституционного характера. Так, нам стоит обратить внимание на создание в КНР отдельного конституционного органа по борьбе с коррупцией, аналога которого в России не существует», на развитие в ближайшее время в Китае контрольно-го права» (с. 135).

№ 2. – С 53–68; Трощинский П.В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – Вып. 3. – С. 101–113. И др.

В связи с этим отметим, что в современной России этот в какой-то мере вопрос конституционного контроля и развития контрольного права компенсируется законодательством об общественном контроле и практикой деятельности активных граждан в различных российских регионах. Например, в г. Москве работает электронный портал «Активный гражданин», куда обращаются москвичи. Аналогичные структуры функционируют и в Московской области.

Вопросам оценки конституционно-правового статуса отдельных вопросов практики деятельности Председателя КНР Си Цзиньпина посвящена статья О.О. Базиной «Председатель Китайской Народной Республики, его статус “de facto” в преддверии XX съезда КПК» (с. 137–145). Автор характеризует Си Цзиньпина как «харизматического лидера», под руководством которого развивается и реформируется государственная, политическая и правовая система КНР, закрепленная в решениях КПК и Всекитайского собрания народных представителей КНР. Подчеркивается, что идеи Председателя КНР Си Цзиньпина о новой эпохе развития социализма с китайской спецификой были включены в Конституцию Китая 1982 г. На этих идеях автор останавливается, и рассматривает их более внимательно. Одна из них выражена лидером нации в формуле: «Только тогда, когда хорошо стране и нации, хорошо и каждому в отдельности» (цит. по: с. 142).

По мнению О.О. Базиной, наиболее сильна антикоррупционная деятельность Си Цзиньпина, направленная прежде всего на чистку органов государственной власти и партийных органов от «злейшего врага» – коррупционера (цит. по: с. 142–143). Си Цзиньпин, подчеркивает она, планомерно возвращает Китай к многовековым основам – устойчивому правлению с предсказуемой политикой на основе идеи государственного служения.

Общее направление реформ в Китае при Си Цзиньпине, считает О.О. Базина, – централизация власти и повышение качества государственного управления в условиях нарастающих рисков и вызовов с целью более точного выполнения решений КПК государственным аппаратом и другими звеньями политической системы (с. 144).

Данный вывод нельзя считать абсолютно бесспорным, поскольку выстоять и победить в крайне сложных современных условиях международной и национальной практики политической, экономической, социальной жизни только путем улучшения администрирования, масштабной борьбы с коррупцией, централизации

ей власти, концентрирования ее в одних руках, исправления стиля поведения чиновников и т.д. – невозможно. Как показывает опыт России и Китая, международный опыт подобной практики может давать краткосрочный эффект, но на длительную перспективу необходимо задействовать иные механизмы и другие звенья политической системы. Среди них, например, гражданское общество как совокупность активно действующих политических партий, общественных организаций, граждан, развитие законодательства и привлекательной юрисдикции. Наличие широкой прослойки среднего класса в его классическом понимании, социальная сплоченность общества и т.д.

КРЫСАНОВА Н.В.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КОЗЛОВА Н.В., ФИЛИППОВА С.Ю. ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ОСНОВЫ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ. – Москва: Статут, 2025. – 186 с.

KRYSANOVA N.V. Book review: Kozlova N.V., Filippova S.Yu. Objects of Civil Rights: Fundamentals of the Author's Concept. – Moscow: Statute, 2025. – 186 p.

Ключевые слова: объект гражданских прав; правоспособность; гражданский оборот; вещи; имущественные права; деньги; ценные бумаги; действия.

Keywords: object of civil rights; legal capacity; civil turnover; things; property rights; money; securities; actions.

Для цитирования: Крысанова Н.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 199–207. – Рец. на кн.: Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Объекты гражданских прав: основы авторской концепции. – Москва: Статут, 2025. – 186 с. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.16

Авторы монографического исследования Н.В. Козлова, профессор кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, и С.Ю. Филиппова, профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, в своей работе анализируют сложившиеся в цивилистической науке представления об объекте гражданских прав, объясняя интерес к теме изменениями социальных

¹ Крысанова Нина Владимировна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

отношений и появлением новых объектов (цифровые деньги, цифровые рубли) и необходимостью переосмысления классических представлений об объектах гражданских прав.

Монография состоит из двух глав. В первой главе дается общая характеристика теории объекта гражданского правоотношения. Исследуется развитие представлений об объектах гражданских прав в юридической доктрине в XIX – начале XX в. и в советский период. Современная наука гражданского права, замечают авторы, находится «в тисках неопределенности сущности вещи и объекта гражданского права», перешедшей из советской эпохи. Современная юридическая доктрина обоснованно определяет объекты гражданских правоотношений (объекты гражданского права) как различные материальные и нематериальные блага или процесс их создания, составляющие предмет деятельности субъектов гражданского права (с. 30).

Существенно то, что на теоретическом уровне не так просто отличить субъектов права от объектов. Сложность данной проблемы подтверждается дискуссией о том, что такое предприятие – объект права или субъект. Что представляет собой искусственный интеллект – объект права (например компьютерная программа) или его можно признать субъектом, поскольку он «ведет» интеллектуальную деятельность? Непонятен правовой статус замороженного человеческого эмбриона (статус субъекта или объекта)? Прежде всего, полагают авторы, необходимо устранить содержащуюся в законе неточность, которая состоит «в принципиальной неограниченности перечня объектов права, т.е. в отнесении к объектам любых вещей, любых имущественных прав, любых работ, любых услуг, любых нематериальных благ». Данный тезис о принципиальном признании всех вообще предметов материального мира вещами и допуске их в гражданский оборот является, подчеркивается в монографии, теоретически и исторически малообоснованным (с. 31). Однако остается открытым вопрос, по каким критериям то или иное явление относится к числу объектов права. И авторы обоснованно отвечают на данный вопрос: явления реального мира не являются объектами субъективных гражданских прав, если иное специально не установлено законодателем. Этот вывод распространяется как на вещи, так и на иные названные в законе объекты. Вместе с тем категория «объект права» пластична; то, что сегодня отнесено к объектам права, может быть изменено законодателем в зависимости от развития науки, технологии, общественного устройства. По мнению Н.В. Козловой и С.Ю. Фи-

липновой, к вещам следует относить «только то, что (а) прямо названо в законе в качестве вещи или (б) хотя и не названо прямо в законе вещью, но исходя из общих начал и смысла законодательства рассматривается как вещь» (с. 35).

Правовой режим объектов рассматривается в монографии как система правовых норм, выражающих пределы правовой самостоятельности субъектов применительно к принадлежащим им объектам. При этом авторы разделяют точку зрения Е.А. Суханова о том, что правовой режим устанавливается не для разнообразных благ, а для людей, поскольку определяет поведение участников правоотношений, касающиеся соответствующих материальных и нематериальных благ. В связи с этим авторы делают интересное замечание: «У каждого объекта права есть собственный правовой режим, т.е. совокупность правил, по которым он вводится в гражданские правоотношения, содержится, используется, утилизируется» (с. 47). Кроме того, правовой режим зависит также от цели введения объекта в оборот. Например, биткоины не признаны деньгами в Российской Федерации, а цифровые рубли признаются. Иностранная валюта не рассматривается законным средством платежа в России. К тому же, правовой режим может устанавливаться для защиты основ нравственности и правопорядка в целом. Согласно п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна. Целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К таким сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте; сделки, направленные на изготовление, распространение литературы, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду (с. 49).

В ГК РФ отсутствует определение понятия гражданского оборота, хотя оно активно используется в нормах гражданского законодательства. В доктрине существует несколько подходов к пониманию данного термина, как: а) совокупность сделок и иных юридических фактов (С.Н. Братусь); б) совокупность гражданских обязательств, направленных на передачу имущественных прав в отношении объектов (О.А. Красавчиков); в) совокупность имуще-

ственных отношений в сфере производства и обмена (А.В. Дозорцев); г) движение (перемещение) вещей, требований и прав (Л.А. Чеговадзе). Можно согласиться с мнением авторов монографии, что «каждый из представленных подходов чрезмерно узок в сравнении законодательным использованием этого термина» (с. 53). Н.В. Козлова и С.Ю. Филиппова считают, что «гражданский оборот – это переход права на объект от одних лиц к другим лицам по любым основаниям» (с. 54).

Исследуется также правовой институт ограничения оборота, который предполагает не отсутствие принадлежности права лицу, а ограничение перехода права от одного лица к другому. Все права подразделяются на неотчуждаемые и отчуждаемые. Неотчуждаемые делятся на два вида: 1) неотделимые от личности; 2) могущие быть раздробленными на отдельные правомочия, предоставляемые на время другому лицу, при неотчуждаемости всего права. Права на некоторые объекты неразрывно связаны с личностью, они не могут отчуждаться, переходить по иным основаниям (честь, достоинство, право на жизнь). Эти права появляются с возникновением субъекта и прекращаются вместе с субъектом. С точки зрения авторов, «они представляют собой не субъективные права, а свойства, которые отражают бытие человека как биосоциального существа, обладающего телом, сознанием, иными качествами, связанными с его личностью. Для обладания этими свойствами не требуется даже правоспособность!» (с. 54).

Н.В. Козлова и С.Ю. Филиппова предлагают также классифицировать отчуждаемые права на виды: а) права, для отчуждения которых достаточно воли обладателя права; б) права, на отчуждение которых требуется волеизъявление иных лиц. При этом, по их мнению, в реализации абсолютных прав на объекты по своему усмотрению находят проявление дозволенность правового регулирования и автономия воли субъектов. Изъятия из правила о свободном, самостоятельном распоряжении субъектом права своим абсолютным имущественным правом на объект должны быть основаны на законных основаниях (с. 56–57).

Вторая глава посвящена исследованию отдельных видов поименованных в гражданском законодательстве пригодных к обороту объектов гражданских прав: вещей; имущественных прав; денег; ценных бумаг и действий. Исследуя понятие «имущество», авторы относят к имущественным объектам «те, (а) польза которых заключена в них самих (они обладают ею по своей природе или наделяются ею по воле своего создателя (преобразователя) –

человека) либо (б) польза которых состоит в заключенной в них “власти” над человеком и его поведением. К первым относятся вещи, ко вторым – имущественные права». Говоря о деньгах и ценных бумагах, авторы замечают, что данные сущности не могут быть отнесены к вещам, однако для оптимизации гражданского оборота к ним применяется правовой режим вещей (с. 66).

Авторы формулируют определение вещи – это «продукт человеческого труда, отделимый от человека, находящийся во внешнем мире в устойчивой, доступной для восприятия человеком форме» (с. 68). При этом подчеркивается, что существует множество классификаций вещей, имеющих юридическое значение. Вещи делятся на делимые и неделимые, родовые и индивидуально-определенные, потребляемые и непотребляемые, простые и сложные, движимые и недвижимые.

Первой и важнейшей классификацией, имеющей правовое значение, признается отнесение вещей к делимым или неделимым. В зависимости от того, к какому из видов относится вещь, по-разному будут конструироваться правоотношения по поводу такой вещи. Важно то, что в работе представлена авторская классификация таких вещей и основания классификации. Неделимость вещей может быть обусловлена: а) природой вещи (неделимость по своей природе); б) обычным назначением вещи; в) установлением позитивного права (неделимость по закону); г) установлением договора (неделимость по договору).

Далее авторы сосредоточивают внимание на одной из сложных проблем, имеющих правовое значение – классификации вещей по признаку их потребляемости на потребляемые и непотребляемые. Особенность такого деления состоит в том, что в гл. 6 ГК РФ, содержащей положения об объектах гражданских прав, данная классификация не предусмотрена. Анализируя содержание ст. 606 ГК РФ, Н.В. Козлова и С.Ю. Филиппова делают вывод о том, что непотребляемые вещи – это «вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи)». Второй вид – вещи потребляемые – в ГК РФ не предусмотрен. Однако возникают вопросы о том, что считать «натуральными свойствами», как должна происходить «утрата» таковых вещей? Формулируется обоснованный, с нашей точки зрения, вывод, что ключевым критерием для определения вида таких вещей состоит в их назначении (с. 85).

Значительное внимание в монографии уделяется исследованию правовой природы денег и ценных бумаг. Раскрывая сущ-

ность денег с точки зрения номиналистской концепции, авторы останавливаются на истории возникновения денег, исходя из «металлической» концепции. Исходя из номиналистской концепции, деньги – это «нечто, не имеющее собственных естественных свойств, которому предписывается функция выступления орудием обмена» (с. 126).

В отличие от всех вещей, в отношении денег единственным вариантом определения их назначения является предписание закона или общественное признание, т.е. деньгами может быть что угодно. Так, электронные деньги обладают следующими признаками: (а) в их основе лежат денежные средства, которые (б) были предварительно предоставлены одним лицом другому лицу (в) с целью исполнения обязательств их владельца перед третьими лицами; данные денежные средства (г) учитываются без открытия банковского счета, распоряжение (д) осуществляется исключительно с использованием электронных средств платежа. Отмечается, что существуют государственные и частные электронные деньги. Авторы обоснованно делают вывод, что электронные деньги не являются деньгами, они относятся к иному имуществу. Криптовалюта, или цифровая валюта, также не является деньгами в Российской Федерации и имеет режим иного имущества. При этом цифровой рубль приравнивается к деньгам, однако оценивается учеными весьма неоднозначно (с. 146–147).

Исследуя особенности правового регулирования ценных бумаг, Н.В. Козлова и С.Ю. Филиппова обоснованно отмечают, что как документарные, так и бездокументарные ценные бумаги признаются объектами гражданских прав с особым правовым режимом. Данный режим обусловлен силой признания (допуска) позитивным правом некоего явления в качестве ценной бумаги, а не в силу свойств бумаги (состава, плотности, водяных знаков и т.д.). В этом состоит единство правового режима разных ценных бумаг и отражение в любой из них имущественного права. «Ценная бумага, исходя из ее функций, есть форма фиксации имущественного права, тогда как само имущественное право имеет правовой режим бестелесной вещи (имущества)... ценная бумага есть форма фиксации имущества» (с. 169).

В книге также рассматривается проблема квалификации действий в качестве объектов гражданских прав. Сущность данной проблемы упирается на концепцию объекта права (правоотношения). И, как считают авторы, если допустить, что объектом является то, на что направлено право (правовое воздействие), то очевид-

но, что право всегда направлено на поведение людей. Действие как часть поведения, утверждают авторы, является главным объектом любого правового воздействия и, следовательно, права. Такова логика рассуждения ученых, которые признают действия в качестве объекта.

Концептуально в науке гражданского права различаются два подхода к признанию действия как объекта гражданского правоотношения. Согласно первому подходу, действие является единственным объектом права (монистические концепции). Сторонниками такой позиции являлись Д.М. Генкин, Я.М. Магазинер и др. Согласно второму подходу, объектом права «являются не только действия, но также и нечто другое» (с. 169). Ф.В. Тарановский полагал, что, в соответствии с двойным характером юридического отношения, в нем имеются два объекта: объект обязанности и объект притязания. Н.Г. Александров различал объект правового воздействия и внешний объект поведения. С.Ф. Кечекьян считал, что право есть всегда возможность пользоваться или располагать чем-либо. Этот объект правового господства, контроля управомоченного лица и составляет то, что именуется объектом права. Однако у Н.В. Козловой и С.Ю. Филипповой есть вопрос: насколько корректно считать действия отдельной разновидностью объектов гражданских прав. Эта проблема исследователями ставится во всех работах, посвященных объекту права (правоотношения). Также возникает вопрос, касающийся работы как объекта гражданских правоотношений. Это вопрос – об отличии вещи как объекта работы от работы как объекта. По всей видимости, речь идет не об особом объекте права – работе, действии, а о специальном содержании договорного обязательства. Сходные сомнения вызывает у авторов выделение услуги как особого объекта гражданских прав. В отличие от работы, которая имеет овеществленный результат, услуга такового не имеет.

Авторы разделяют точку зрения Д.И. Степанова о том, что принципиальное отличие услуг от прочих объектов гражданских прав заключается в производности услуг от обязательственного права: «выделение услуг как особой категории объектов гражданских прав возможно постольку, поскольку существует обязательственное право. Об услугах можно говорить лишь в связи с обязательствами по оказанию услуг, соответственно, услуги не могут существовать также, как объекты материального мира» (с. 172). Ученые (Р.О. Халфина, А.Ю. Кабалкин, С.С. Алексеев) отмечали принципиальную разницу между услугами и иными объектами,

состоящую в их несамостоятельности, и то, что не нужно «в отдельных отраслях права искусственно “вымучивать” проблему объекта» (с. 173).

Услуги обычно определяют как человеческую деятельность, не имеющую овеществленного результата или имеющую вещественный результат нестойкого характера. Однако такое определение вызывает у авторов значительное количество вопросов. По их мнению, существует группа услуг, которые сопровождаются получением «промежуточного» вещественного результата, предназначенного для потребления человеком в процессе оказания услуги. К ним относятся, например, услуги общественного питания, когда блюда (вещи) не просто готовятся по заказу конкретного потребителя, а потребляются им в процессе оказания услуги. Существует и другая группа услуг, результат которых не является вещественным, но производит изменения в материальном мире. Материальный результат таких услуг может быть тесно связан с человеком, на которого направлена услуга. Например, услуги парикмахера. Результат некоторых услуг является еще менее стойкими полностью потребляется в процессе оказания услуги. К такого рода деятельности относятся экскурсионные, туристические, образовательные и тому подобные услуги. Оказание такой услуги нельзя отделить не только от потребителя, но даже и от исполнителя. Если процесс оказания услуги зафиксировать с помощью технических средств, например, записать на видео, то возникнет новый объект – вещь (с. 174).

Н.В. Козлова и С.Ю. Филиппова заканчивают исследование следующим выводом: «Ни работы, ни услуги не должны рассматриваться в качестве объектов гражданских прав» (с. 176). Совершение работ или оказание услуг есть содержание соответствующего правоотношения, объектом которого является имущественное право, т.е. бестелесная вещь. Это имущественное право может быть выражено в форме документа (например подарочный сертификат), однако форма фиксации этого права не имеет правового значения, даже если это право только мыслится как результат регулирования отношений. Таким образом, отмечают авторы, ст. 128 ГК РФ должна быть изменена и изложена с учетом разной природы объектов, непригодных к обороту, к которым относятся нематериальные блага и результаты интеллектуальной деятельности, и объектов, пригодных к обороту. К последним относятся вещи, причем их телесный и бестелесный характер юридически безразличен, поэтому к вещам относятся и имущественные права. День

ги не имеют различной природы в зависимости от того, являются они наличными или безналичными (в том числе цифровыми). Ценные бумаги есть форма фиксации имущественного права, т.е. такая же вещь (там же).

Рассматривая особенности гражданского оборота иностранной валюты на территории Российской Федерации, авторы пишут, что согласно п. 3 ст. 317 ГК РФ использование иностранной валюты, а также платежных документов иностранной валюте при осуществлении расчетов на территории Российской Федерации по обязательствам допускается в исключительных случаях. В частности, запрещаются платежи в иностранной валюте между двумя российскими гражданами, постоянно проживающими на территории РФ. Например, авторы монографии, ссылаясь на судебную практику, отмечают, что в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях, эквивалентной сумме в иностранной валюте. И, как справедливо отмечают авторы, в данном случае валюта используется не как средство платежа, а в качестве расчетного показателя, определяющего цену договора в рублях. Такого рода «валютные оговорки» применяются в тех случаях, когда национальная валюта подвержена инфляции (с. 144).

Положительными моментами данной монографии являются использование значительного количества практических и судебных примеров, обосновывающих и подтверждающих выводы авторов.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО**

2025 – № 4

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 14.10.2025

Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 13,0

Тираж 300 экз.

Цена свободная

Уч.-изд. л. 11,0

Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел. : 8(499) 124-32-15
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6